

С (1984)
У 19

ISSN · 0130 · 531X

УЛУТ. ХЕМ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

20'84

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ТУВИНСКОЙ АССР

20'84

Улуг. Хем

Литературно-
художественный
альманах

*Основан
в 1946 году*

В номере:

ПОЭЗИЯ

ПРОЗА

К. Кудажы, С. Сюрюн-оол,
Д. Сарыкай, М. Эргеп,
М. Пахомов, Ф. Зубанич.

ДРАМАТУРГИЯ.

В. Серен-оол.

КРИТИКА И
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

КЫЗЫЛ

ТУВИНСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

РС
У 47

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. К. КАЛЗАН, Д. С. КУУЛАР, С. В. КОЗЛОВА (редактор), Ю. Ш. КЮМ-
ЗЕГЕШ (ответ. редактор), О. О. СУВАКПИТ, С. С. СЮРЮН-ООЛ,
Г. И. ПРИНЦЕВА, М. А. ХАДАХАНЭ, Л. Б. ЧАДАМБА.

0—7—3—3
0—7—3—4

121—170+03+M133

© Тувинское книжное издательство, 1984 г.

ПОЭЗИЯ

Степан САРЫГ-ООЛ

РОДСТВО

Вот как я отвечаю в наши дни,
коль спросят: «А богат ли ты роднѣй?»
— Из Космоса на наш Союз взгляни —
в нем каждый человек мне брат родной!

Союз Советов славен и велик,
написаны об этом сотни книг,
любой народ лелеет свой язык,
но все друг друга понимаем вмиг.

В Кызыле по-тувински я пою,
в Москве на русский сделан перевод,
и слышат все народы песнь мою,
как песни братьев слышит мой народ.

В борьбе, в труде мы не жалеем сил,
единство наше чувствуем во всем.
Мы знаем: Ленин нас объединил.
Как знамя, имя Ленина несем.

Я из Тувы приветствую Москву:
тувинец, бедняка-арата сын,
счастливой светлой жизнью я живу,
Советского Союза гражданин!

ДРУЖБЕ НАВСТРЕЧУ

Малой песчинкой, пылинкой безвестной
в сонной степи я бродил бессловесно,
оберегая чужие стада,—
может, таким бы остался всегда,

если бы край мой не озарило
пламенное крыло Октября,
если б народ мой огромную силу
в нем не обрел, созидая, творя!

Сердце распахнуто дружбе навстречу.
Радость пригоршнями черпаю в ней
и раздаю всему человечеству,
братьям-народам Отчизны моей.

Солнца лучи, словно в поле колосья,
жизни рождением мир одарят.
Шепот тайги величавою осенью,
лепет весенних ручьев, листопад,
труд чабана и страда хлебороба,
музыка строек и шелест жнивья,
песни, сверкающим ливням подобные,—
все это радость. Страны и моя.

Так. Но, препятствуя радости этой,
злобно шаманит война над планетой:
в ранах кровавых Ближний Восток,
матери плачут — по детям их стон,
в море беды погрузились их дети...

Воля народов, в делах проявись!
«Мира народам, счастья планете!» —
Родины нашей Советской девиз.

ДУМЫ О МИРЕ

Страшные разговоры слышим порой в эфире.
Страшные переговоры порою ведутся в мире.
Как ненавидеть нужно людей и жизни движение,
чтоб создавать оружие массового уничтожения!

Но договоры о дружбе, единство в борьбе за мир —
это тоже оружие, — так полагаем мы.
Подобно добрым соседям, с любой говорим страной,
и в гости охотно едем, и не грозим войной...

Ты войной опозорена, мать наша Земля!
Когда же мирными зорями озлатятся поля?
Война и смерть безобразная отступят, уйдут в ничто —
когда же мира и разума наступит навек торжество?

...Есть в мире игра кровавая, хищников алчных игра.
Играют в нее охотники до чужого добра,
кичась грабительской славою, в глаза оружием тыча:
народы малые, слабые им — лакомая добыча.

Невинная кровь — озерами, жертв — что камней речных...
Земля-кормилица, скоро ли избавишься ты от них?
Страшнее землетрясения, страшней пожара и голода
несет война разрушения селу, и полю, и городу...

Степные народы знают, как гасят в степи пожар:
встречный огонь пускают, чтоб путь стихии зажал.
Гнев народов, святая справедливая месть
не хлынет ли, смерть сметая, чтоб жизни всюду процветать?

...Не призываем к этому. Убийства нам не нужны.
Пусть сила разума светлая встанет против войны.
Ясным светом свободы и мира озарена,
к правительствам и народам взывает наша страна.

И я, старик, заклинаю: оршээ! И каждый внемли:
«Народов сила земная, стань спасеньем Земли!»

РАДУЮСЬ И ТРЕВОЖУСЬ

Счастью возрожденного народа
радуюсь.

Солнцу новорожденного года
радуюсь.

Мира и труда широкой мощи,
силе и упорству рук рабочих
радуюсь.

Каждой пробудившейся травинке
радуюсь.

Трели птахи над степной тропинкой
радуюсь.

Песне, что ручей поет, играя,
камушки на дне перебирая,
радуюсь.

Лепету невнятного ребенка
радуюсь.

Раннею весной капли звонкой
радуюсь.

В мире все живое Солнцу мило...
Но всего сильнее в мире — Миру
раднуюсь.

Если б в мир тревога не вторгалась,
если б с каждым годом только радость
вместе нарождалась и росла...
Человек понять никак не может
тех, кто жизнь желает уничтожить...
Нет! Мы остановим силы зла!

Я — охотник. Дробовик имею,
но стрелять в живое не посмею:
пусть оно живет, взрослея, зрея,
радуясь...

Но от смерти защитить планету
я готов. Уверенности в этом
раднуюсь.

✱

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

ТУВЕ — МОЙ ПРИВЕТ!

Опять в эфире музыка и пенье,
народ народу руку подает.
Встречаем мы, в весеннем настроенье,
Тувы Советской сорок первый год.

Товарищи! Пускай немного — сорок,
но из ушедших незабвенных лет,
как друг, нам каждый памятен и дорог —
год трудовых свершений и побед.

Вам строить ныне новые заводы,
вам, созидая новые моря,
хранить красу извечную природы,
своей рукой грядущее творя.

Пускай сегодня с праздничным приветом
дойдет к вам звон курантов из Москвы.
Желаю счастья всем друзьям-поэтам,
всем гражданам республики Тувы!

✱

МОНБЛАН

Медведем северным вершина Альп,
Монблан, красавец белоснежный,
в сугробах, голубых и нежных,
раскинул склонами громады лап.

Ты встретил звонкою пургой,
ты закружил метелью снежной.
Я — человек совсем не здешний,
приехал из страны другой.

Немало на Земле таких высот:
пожалуй, от Камчатки до Карпат
их насчитаем более двухсот
и удивимся — как наш мир горбат!

В Туве, в Саянах вечные снега
лежат на высоте Монблана:
то Бай-Тайга, Монгун-Тайга,
по их вершинам облака
стекают в небо плавно.

Хибины и Памир крутой,
и скалы гордые Кавказа —
мы связаны одной судьбой,
одной землей я с ними связан...

Последний царь, на переломе времени,
Ульянова в Сибирь сослал.
Но брошенный на камни кремень
лишь выбил искру — пламень засиял,
метнулся в мир от круч Саян,
пылал в горах Памира и Кавказа
и лица богачей занес золой...

Народ борьбой единой связан,
единою кормящею землей.

Потом вождя от злого глаза
укрыл задумчивый Монблан,
и выковал великий разум
победы революционный план.

Среди лугов чужих, альпийских,
Ильич дивился на тебя, Монблан,
но думал о родных, о близких,
и виделись ему хребты Саян.

А позже были выстрелы Каплан.
Весь мир тогда от боли вздрогнул.
И зверем заревел Монблан,
и закрутились ветры злобно
в горах завьюженных Саян...

Я потому пришел к тебе, Монблан,
что воздухом твоим хочу напиться.
Ты — брат родной моих Саян,
ты — Ленина великого частица.

А н а т о л и й Е М Е Л Ь Я Н О В

РОВЕСНИКИ

Теперь случается все реже мне
встречать ровесников моих,
и я с невольной строгой нежностью
ревниво всматриваюсь в них.
Вникаю, как прошла по душам их
страда нелегких наших лет,
не притемнился, не потушен ли
в их душах высшей веры свет.
Итоги прожитого времени
в чертах ровесников видны,
все их свершения, прозрения,
а может быть, и всей страны.

1.

Бурятия... Земля не ближняя.
Прошло немало разных дней,
но и теперь так четко вижу я
поселок *Ма́льи́й Куналей*.
Там, в сельсовете, окна светятся
неугасающим теплом,
и там сидит моя ровесница
за председательским столом.
В ней очень много доброй строгости,
духовной, честной красоты...

Но нет в ней напускной суровости
и нарочитой простоты.
В ее душе и внешнем облике
все на виду, перед людьми —
так в чистом небе нет ни облака,
так поздней осенью все дни,
когда погода установится,
проходят ясной чередой,
и вся природа вдруг раскроется
со всею щедрой полнотой.

Откуда эту силу добрую
мои ровесники берут?
Сидим с Матреною Петровною,
вершим над прошлым правый суд.

2.

Мы все начинаемся с детства.
В борьбе изначальной со злом
рождается честное сердце
с его чистотой и добром.
Ровесники! Мы — из двадцатых,
далеких. Мы в них родились.
И все же не только раскаты
тех гроз поднимали нас ввысь,
над жизнью наивного детства,
над миром мальчишеских грез —
до самых отчаянных действий,
до самых возвышенных звезд.
Мы в красных и белых играли,
нам снились военные сны,
и на руки нас поднимали
солдаты гражданской войны.
За ними по улицам шли мы,
мальчишки, босая орда,
но их краснозвездные шлемы
казались нам впору тогда.
Мы пели их взрослые песни,
и грозный, и яростный пыл
тех песен, бесхитростных, честных, —
он в нас до сих пор не остыл:

«Красноармеец был герой,
на разведку боевой.
Эх, эх, эх, да герой,
на разведку боевой!

На разведку он ходил,
донесенья приносил.
Ночка темна, нету звезд,
едет вражеский разъезд.
Тут разъезд его схватил
и к допросу приступил:
— Ты скажи, скажи нам, брат,
сколько есть у вас солдат?
Сколько пушек позади,
пулеметов впереди?
Красноармеец промолчал —
штык стальной в груди торчал.
Эх, эх, эх, да герой —
штык стальной в груди торчал!»

Они все еще воевали
с кулацкою бандой, в лесах,
они все еще погибали,
случалось, на наших глазах,
и все это в сердце входило,
и в нем навсегда проросло —
вся их убежденность и сила,
их вера в победу над злом.
Мы этою верою жили
и этою верой живем.
Кровь наших отцов в наших жилах,
их звезды — над нашим жильем.

3.

Первая коммуна
в Малом Куналее.
Над крестовым домом
красный флаг алеет.
На месте иконы —
плакат на стене:
Клим Ворошилов
на белом коне.
Первая коммуна,
четырнадцать семей...

Эх, налетела банда
на Мальй Куналей!
Загремели выстрелы,
стекла зазвенели,
прямо в Ворошилова
пули полетели,

с крыши сельсовета
красный флаг сорвали,
сбросили на землю,
рвали и топтали.
Первая коммуна —
под огнем бандитов...
Первый коммунар
на землю пал, убитый.

4.

Как будто неподвластный времени,
как бы негаснущий маяк,
горит над каждою деревнею,
над сельсоветом красный флаг.
И в ясный день, и в грозы с ливнями,
видать его со всех сторон.
Он может выцвести и вылинять,
но в этом — небольшой урон.
Он видел много над Россиею
больших народных, грозных бед.
Он стал святым и чистым символом
ее свершений и побед.

Монгуш КЕНИН-ЛОПСАН

РУССКИЙ ЯЗЫК

Владея русским языком,
ты землю птицей облетишь.
Владея русским языком,
с кем хочешь, ты поговоришь:
якут, эстонец и бурят
с тобой по-русски говорят,
большой ли, малый ли народ —
любой теперь тебя поймет.

Родную песню запоешь,
на русский лад переведешь —
и все услышат, все поймут,
себе, как дар, ее возьмут.
Она останется твоей
и станет, может быть, родней
теперь, когда иной народ
ее по-новому поет.

Язык России! Для меня
ты ярче пламени-огня:
ты людям озарил умы,
с тобой мудрее стали мы.
Язык России! Ты глубок,
как самый синий океан.
Язык России! Ты высок,
как кручи горные Саян.
Язык России! Ты велик:
ты дружбы, равенства язык,
ты правды ленинской язык,
ты — революции язык!

Братишки младшие мои!
Сестренки младшие мои!
Вы, дети матери-Тувы,
учите вы, любите вы
язык России, как родной,
язык большой семьи одной,
в которой жить вам и расти
и вместе счастье обрести.

*

*О л а ф с Г У Т М А Н И С,
Латвийская ССР*

СТАРАЯ ПЛАСТИНКА

Лиственницы мягкая хвоинка
осень мне таежную играет,
старую тувинскую пластинку
повторяет.

Хор охотников широк и звучен,
а с обратной стороны — безмолвие:
там тайга и горы в снежных тучах,
силь и молнии.

Сколько раз я слушал, подпевая
сильным голосам сибирских сосен,—
все не надоест! Не забываю
ту былую осень.

Все меня волнует след скрипучий
в той упругой облетевшей хвое...
Может, снять пластинку эту лучше?
Не позволю!

Разве ветер северный развеет
удаль бесшабашную по свету?
Разве человек забыть сумеет
землю эту?

Хор охотников широк и волен,
в бородах — сосульки ледяные.
Славят песней и тайгу, и поле,
земли, им родные.

И, озвученная синевую,
сторона обратная пластинки
вдруг запела под иголкой хвои —
мягкою хвоинкой.

Светлана КОЗЛОВА

ДОМНА ИВАНОВНА

Пенсионерка из Кызыла Домна Ивановна Бадрина, в прошлом колхозница, вдова, испытывавшая все тяготы, которые выпали на долю тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны, отдала на пополнение Советского Фонда мира все свои сбережения — тысячу рублей. Награждена Почетной медалью Советского Фонда мира.

*«Помню, помню тетку Домну...»
(Русское присловье)*

Я запомню тетку Домну,
как увидели глаза:
в темной шали,
в кофте скромной...
А вокруг — пусть не огромный,
но народу полный зал.
Да как раз того народу —
не за страх, не за хвалу
он прошел огонь и воду,
кто на фронте, кто в тылу.
Ни работой, ни геройством
тот народ не удивись...

Тетка Домна, ты не бойся.
Что ты сгорбилась — стоишь?
Распряись и вспомни, вспомни
тех военных гроз пожар...
По-латыни имя Домна
означает «госпожа».

Не металл, не пламя домен —
деревенские дела:
ты была хозяйкой в доме,
ты колхозницей была.
Вспомни, вспомни, тетка Домна,
пыль да ветер в той степи.
Как вязала — вспомни, вспомни —
бесконечные снопы.
Черных строк в конверте сером
не изгладили года...
Не теряла крепкой веры
тетка Домна и тогда.
Вон как руки изломало!..
Силы отданы трудам.
Ребятишек поднимала —
все живут. По городам.

По-хозяйски поступила:
что на старость лет скопила,
что годами берегла,
отдала на дело мира,
Фонду мира отдала!
Чтобы жили люди в мире,
где хозяйкою она:
хлеб растили, всех кормили...
Чтобы — мир, а не война!

Время мерно катит волны.
День уйдет за поворот...

Помни, помни тетку Домну,
вся Россия. Весь народ.

БАЛЛАДА О ХОМУСЕ

Стояла она, в сарафане цветастом,
где солнечным бликам на поле блеснуть,
и пела она, переполнена счастьем,
про Волгу родную, про вольную степь.

А он из кулис не высовывал носу:
все слушал, как песня из сердца рвалась,
глядел-любовался на русую косу,
на светлую синь и сияние глаз.
Горели, играли на кофточке бусы...
А щек полыханье! А трепет ресниц!..

Вот вышел и сам он, и звоны хомуса
заполнили зал щебетанием птиц.

- Ты славно играешь!
- Могу научить.
- Сам сделал такое?
- Могу подарить.

Веселым был праздник, да кончился скоро,
и всех, словно ветром, опять унесло...
Вернулся чабан в свои синие горы,
вернулась доярка в родное село.
И долгие, долгие минули годы...
У каждого жизнь и заботы свои...
Но снова позвал их единственный город
их радостной встречи, их краткой любви.

Свершиться ли встрече, замкнуться ли кругу —
откуда ей знать? Угадать не возьмусь...
Но вот они снова глядят друг на друга,
и вот он — заветный дареный хомус!

- Никак сохранила?
- Ну, как потерять!
- А может, сыграешь?
- Могу и сыграть!

Седые, стоят они рядом на сцене,
в свечении рампы, в софитных лучах,
и пусть у них зубы дрожат от волнения —
но звонко и в лад два хомуса звучат.

*

Монгуш ОЛЧЕЙ-ООЛ

ОДНИМ ПУТЕМ

Тем и прекрасен горный лес,
что в нём — цветы, деревья, травы.
Тем и прекрасен Улуг-Хем,

что в нем, бурливом, величавом,
течет вода и родников,
и малых речек неприметных...

С Россией слитая Тува
значимей стала и заметней.

И человек силен, когда
он вместе со своим народом
одним прямым путем идет
сквозь расстояния и годы.

*В а д и м Ш К О Д А,
Украинская ССР*

ТУВИНСКАЯ БАЛЛАДА

Недра взрезаны расколом,
к небу вздыблена гряда.
Танну-Ола,
Танну-Ола,—
словно эхо сквозь года.
Может, это вопль шаманий,
воскрешая мир теней,
из поверий и преданий
долетел до наших дней?
Бил колдун в гремящий бубен,
тряс тяжелым животом.
Что он скажет — то и будет,
то и сбудется потом.
Пригибал к земле, как бремя,
страх арата пред судьбой...
Не сбылось. Отвергло время
ложь шаманов.
Грянул бой!

Над ущельями и долом
горн призывный клич поет.
Танну-Ола,
Танну-Ола,—
красной конницы полет.
Сгинь навеки, ложь и скверна,
страх, бесправие, нужда!
От насильников Унгерна
не осталось и следа.

В гуле ветра,
в гуде кедра
вновь я слышу красный горн:
не окончен бой за недра,
за богатства древних гор.
Дым костров, гольцы в тумане.
Все трудней безвестный путь.
Дух тайги в ночи шаманит,
верно, хочет припугнуть.
Вдруг заманит и обманет?
Но назад не повернуть.
Скалы — древности осколок,
горы — прошлого редут...
Ждет отважных Танну-Ола.
Горн зовет. Они идут.

*

*Николай ЕРЕМИН,
Красноярск*

ПРАЗДНИК В ТУВЕ

Одна — земля,
и Енисей — один,
и небо —
неделимое
навек...

Мы друг на друга
пристальной
глядим,
чтоб видеть
сердце
в каждом человеке.

Да, хочется сердечности,
добра —
и потому
мы встретились
сегодня.
И праздник
начинается с утра,
он радость
продолжает
всенародно.

И я читаю
на любом лице —
отца,
и матери,
и дочери,
и сына:
центр Азии —
он
братской дружбы
центр,
здесь —
будущего счастья
сердцевина!

ТУВИНСКОМУ ДРУГУ

Саша Даржай,
подари мне стихи
про Туву,
чтобы я помнил,
как солнце
сжигает
траву,
чтобы я видел,
как вольно
течет
Улуг-Хем,
чтобы я слышал
твой голос
над теми,
кто нем...
Добрый арат,
ты мне горы и степь
подари,
чтобы навек
среди юрт
сохранился
в мерцанье зари
мудрый прищур
сотворенных из камня
людей
рядом с мгновенным
движеньем
улыбки твоей.
Все мы —
из крови и плоти,
надежд и любви.

Саша Даржай!
Подари мне
просторы свои!
Чтобы я помнил
всегда
хоть одну
из дорог:
ту,
по которой
к тебе
я вернуться бы
смог...
✽

Александр ДАРЖАЙ

ЕСЛИ МАТЬ В БЕДЕ

Поздней ночью
при звездном небе
в тишайшей комнате
пульс планеты
я четко слышу...
И в сердце колются
все ознобы ее, тревоги
и все страдания...

Помню, мама моя болела...
В то время давнее
шла война,
надвигалась смерть,
как затмение.
Далеко Тува от боев была.
Тем не менее,
все — и боль, и стон,
вести черные да ползучие
износили мать,
извели ее да измучили...

Пусть не ей сказал:
— Ты меня спасла!.. —
молодой боец,
мать моя спасла
в ледяных горах
пять отар овец.
В ледяных горах
навсегда здоровье утратила.

Оборвался путь...
Легким пухом будь,
земля, матери...

...Тихо. Звезды. Ночь.
И мое окно занавешено.
Бьется пульс Земли,
бьется загнанно,
бьется бешено.
Да, привыкли мы
бег родной Земли
поторапливать,
и штыки ракет
на ее спине,
как тарантулы.

Человеку мать
тяжело терять,
но и в той беде
от сиротства не умирал
никто и нигде.
Долго будет жить
в глубине Земли
боль вчерашняя...

Но случиться может еще
и более страшное.
Мы — то грустные,
то опять с веселыми лицами,—
мать Земля!
Ты не видишь нас
твоими убийцами?!
Мы — военные,
вдохновенные мы ученые —
не в могилу ли
гоним мать свою,
в бездну черную?!

Помню, мама моя болела...
И долго, полночь,
с нею рядом был, слушал:
стонет она, вся горячая...

...Поздней ночью
при звездном небе
в тишайшей комнате

громкий пульс Земли
далеко слышать,
в сердце колет он...

Хороша Земля,
опоясана зелеными лентами,
и стоим мы все
над своей Землей,
ее континентами,
над ее судьбой,
над прерывным ее дыханием...

...Пробуждается,
занимается утро раннее.

*

Э м м а Ц А Л Л А Г О В А

ТУВА

Древнею, седую называли,
ну, а мне ты видишься другой.
Радостью надежд, а не печалью
брови твои выгнуло дугой.

Девушкой со звездными глазами,
с песнею и ветром на губах,
ты идешь. Мы оживили сами
юность твою, вечную в веках.

В памяти — костры, набег, битвы,
кочевое, дикое житье.
Имя твое сладостней молитвы
и стократ священнее ее.

Голос твой, спокойный и глубокий,
чист, как родниковая река.
Чтобы не была я одинокой,
ты зовешь меня издалека.

Шаг твой легок. Чаша или камни
не закроют путь твой. Ты сама

смуглыми и сильными руками
сердце мое бережно взяла.

ОСЕТИИ

Затянулось мое возвращенье —
за это прости.
Будь ко мне благосклонна,
как прежде,
и дай оправдаться.
Ветер дальних просторов
меня, как и многих, настиг, —
я не знаю, как сердце
свое
изложить тебе вкратце:

мне Тува распахнула
бескрайние дали свои,
на волне Улуг-Хема,
на лунном сиянье качала.
Раскрывала все тайны,
и высшую радость любви
подарила мне щедро —
со счастьем, надеждой, печалью.

Я — невестка Тувы,
мой любимый — Осетии зять,
и подобной нам пары,
пожалуй, не сыщешь на свете.
Из-за древних Саян,
заглянув в енисейскую гладь,
седоглавый Эльбрус
вековыми снегами мне светит.

Так не ставь же преграды,
и связей меж нами не рушь,
не кляни мое имя,
в предателях жалких не числи.
Среди хлябей житейских,
среди убивающих стуж
свое сердце — твой дар —
сберегла я горячим и чистым.

✱

ЗВЕНЯЩАЯ НЕЖНОСТЬ

Непреклонна и горда
енисейская мадонна,
с долгим инеем следа —
хороша, но непреклонна.

И, сторукая, ласкать
принимается младенца,
нежно трогает слегка
его смуглое коленце —
и распалась — тонкий стан
в стане
гибких долгих станов...

Тетива сорвется стоном,
и невянущим бутоном
распалится зной ночной.

Тишина сменилась звоном:
струи бледные в ручье.

Нежность медленных поклонов
пробудившейся земле.

Адыг-Тюлюш БЕГЗИ

ПАМЯТИ ДРУГА-ВРАЧА

Михаилу Яковлевичу Закусилову, русскому
врачу, погибшему при исполнении служебных
обязанностей в автомобильной аварии на труд-
ном участке дороги Мугур-Аксы — Кызыл-Хая
в местечке Мугур-Шегетей в Монгун-Тайгинском
районе.

Были у нас до тебя врачи.
Были и после тебя врачи.
Только такого, как ты, эмчи,
не было и не будет.
Видел я в жизни многих людей:
видел рожденных среди степей,
видел рожденных в снежных горах

и в многоярусных городах...
Бывают разными люди.

Ты издалёка приехал сюда.
— Значит, уедет,— я думал тогда,—
здесь не останется навсегда,
вернется в свое Приморье.
Как-то спросил я:— Надолго, эмчи?
...В синих глазах засияли лучи.
Русый, высокий. Стоит и молчит.
Вижу смущенье во взоре.

— Не беспокойтесь. Останусь здесь,—
открытый весь, бесхитростный весь,
помню, ты мне ответил,
ясен лицом и светел.

...Дни трудовые за днями шли,
а мы по жизни друзьями шли.
Часто, в часы досуга,
вместе мы пели с другом —
русские песни, тувинские песни
пели мы, Миша, вместе.

«Срок мой окончен»,— ты не сказал.
Не говорил ты: «Я здесь устал».
Минуло всего три года —
стал ты родным, любимцем ты стал
всего моего народа.

...Трудной дорогой земли моей
ехал ты в местность Мугур-Шегетей.
Дорога тебя закружила
и увела в могилу.
Русской, широкой души человек
в тувинской земле остался навек.
И повторяет твои шаги
горное эхо Монгун-Тайги.

✳

Анатолий ШКОРКИН

БАЛЛАДА ОБ ИМЕНАХ

Где рассветы над горами синие,
где река Чадан вершит свой бег,
сына-первенца назвал Василием
тракторист совхозный Илчирбе.

И казалось бы: ну, что тут хитрого —
имя русское ребенку дать?
Он ведь мог Иваном или Дмитрием
своего наследника назвать.
Но назвал же все-таки Василием.
«В честь тебя, дарга», — отцу сказал.
Вероятно, среди имен красивее
тракторист тогда не отыскал.
Рос он всей родне на заглядение, —
строен, как весенний стебелек,
близ Чадана, в небольшом селении,
черноглазый мальчик Василек.
С той поры дорог немало пройдено.
Перед прошлым я в большом долгу —
собираюсь побывать на родине,
да никак приехать не могу.
Все дела какие-то находятся —
не отложишь в сторону — горят.
Но гора с горой вовек не сходится, —
так у нас в народе говорят...
Я вернусь туда, где небо синее,
и, как много лет назад, вдвоем
с черноглазым Васильком — Василием
нашей тихой улочкой пройдем.

Екатерина ТАНОВА

БЛАГОДАТНАЯ ПОЧВА

Баллада о детстве

1.

Когда ко мне неласкова судьба,
в свой детский мир невольно убегаю.
Там мать меня встречает, молодая,
моих друзей веселая гурьба.

В те годы мы не знали смены мод —
была бы хоть какая одежонка.
Тогда я знала: старая шубенка
в мороз согреет и в жару спасет,
а может стать конем или верблюдом,
накинута на горбатый прут...
В аалах наших их и нынче шьют.
Ее с собой таскала я повсюду.

Моя коса не знала блеска лент:
ее мне мама утром заплетала,
щербатым гребнем расчесав сначала,
потом в макушку чмокала — момент
мне этот мил вдвойне был оттого,
что в этот миг свобода начиналась:
к своим друзьям на Орта-Тал я мчалась,
к приветной речке детства моего.

2.

В аале нашем множество детей
росло. Мальчишки все, лишь я — девчонка.
Носились вместе мы, смеялись звонко.
Они дивились ловкости моей,
хотя училась я у них самих
стрелять из лука, на коне носиться.
И на хуреше я могла сразиться.
Была не хуже самых удалых.

3.

Молилась бабка всем своим богам —
тревожно, видно, ей за внучку было —
близ юрты в небо молоком кропила,
вздыхала, руки поднося к щекам.

Мы помогали взрослым, как могли:
в степи кизяк и хворост собирали,
коров в загон на дойку загоняли.
Телята, свесив морды до земли,
глядели грустно на коров, на нас...
Быки ревели громко за оградой —
прорваться им к коровам было надо,
угроза тлела в глубине их глаз.

4.

Был вожакom у нас тогда Орлан.
Безропотно ему мы подчинялись
и подражать ему во всем старались.
Читать умел он. Сказки разных стран
читал он нам. Однажды он принес
цветную книжку.
— Это книга «Братья»,
ее сегодня буду вам читать я,—
Орлан неторопливо произнес.

И мы узнали, что на свете есть
детей немало — черных, желтых, белых...
«Спи, беленький мой», — мать сыночку пела,
а сын был негром, черный-черный весь!
Про телевизор не слыхали мы
и ничего про радио не знали,
и из аала мы не выезжали...

Зато мечтали, как, среди зимы,
Танаа-Херел возьмет нас на охоту
и с ним найдем священного быка...
Про путь железный рассказал нам кто-то,
про поезда, что мчат издалека.

Я помню день, когда журнал цветной
принес нам брат, и мы из «Пионера»
узнали о свершеньях беспримерных
и о высоких днях страны большой.
Журнал читал Орлан — наш грамотей,
и был в журнале снимок: среди пожаров
метались дети в одежонках старых —
испанских мы увидели детей.
Нам захотелось оседлать коней
и поспешить Испании на помощь.
Мы осознали в этот день весомость
людского братства праведных идей.

5.

В года слагались вереницы дней.
Умчалось детство с гомоном веселым.
Мои друзья...
Одни вернулись в школу
в прекрасном звании учителей,
другие водят «Нивы» по полям,
пасут в степях совхозные отары.
А кто-то мир протяжных песен старых
под звуки чадагана дарит нам.

Мои друзья теперь к большим делам
огромной нашей Родины причастны.
Горжусь я ими. С горем и со счастьем
я вновь и вновь иду к своим друзьям.

И снова наше детство к нам спешит,
уносит грусть и взрослые тревоги,
волнует нас, опять зовет в дороги
и взлеты небывалые сулит...

КАМЕШКИ В ВОДЕ

1.

Рысак был черный, беспокойный.
Он, словно яростный мираж,
по камешкам звенящим, донным
в три шага пролетел Алаш.

Я, зачарованный игрой природы,
коснулся воздуха, земли, камней,
журчащих в мелководье брода,—
и слился воедино с ней.

Играя в мир прекрасный наш,
забыл ребячьи ссоры, драки.
Цветные камешки реки Алаш
в моем ожили сайзанаке.

Мне полюбился белый цвет.
Он — материнства молоко.
И, убегая далеко,
чуть обозначится рассвет,
«ягнят» молочных собирал
и в юрту приносил. Не знал,
что белизна их — вестник бед.
Отец об этом мне сказал:
отара каменных ягнят,
внушая ужас нам, лежала
на войлоке, как белый град,—
и жизни мамы угрожала!
Я зашвырнул их в глубь реки —
и думал. Было мне не просто...
Сквозь дымоход мерцали звезды,
как тлеющие угольки.

Заснул. Увидел призрачную воду,
себя, играющего в сайзанак...
Вот хариус. Он плавником поводит,
как будто делает мне тайный знак.
Зовет с собою в глубину речную...
Я рядом плыл среди своих камней.
Но закружилась тишина, беснуясь,
и камнем хариус прильнул ко мне.

2.

А детство скрылось в половодье вешнем.
Я стал смущаться, девушку встречая.
Ее глаза мне улыбнулись нежно
и обронили огонек нечаянно.

Их блеск напоминал росу:
она качалась на цветочке белом,
готовая сорваться, на весу.
То камешком речным любовь звенела
под яростным копытом скакуна...
Любовь впервые мне была дана.

Волнуясь, первое свиданье
назначили на берегу реки,—
но потерял слова признанья,
как в реку брошенные камешки...
Качались на волнах круги —
то сердца трепетного колыханье.

3.

К родителям приехал в гости.
Собрались родственники в юрту.
Пиалы аракой наполнив круто,
запели вскоре — искренне и просто:

«Вода заречная, речная,
откуда без конца течешь?
Откуда, доченька чужая?
Над речкой косу ты плетешь...

Как отличить от камня камень?
Омыты все водой речной.
Как распознать, из всех какая
мне будет верною женой?»

Когда живешь в громоздком, душном городе,
скорей вернуться хочется в аал.
Там все родное, все там сердцу дорого,
и так бы все степями и скакал!

Сарала скачке рад —
бегу молодости.
Только звезды блещут,
ветер свистит.

Из летящих камней
под копытом коня
брызжут искры огней,
льется песня моя.

По холмам каменистым градом
утром ранним гремят набатом
Саралы копыта стальные.
Перезвоны уздечки шальные,
ручейков переливчатый тон —
этих звуков пьянит перекрестье,
очарован я славным оркестром,
с колыбели в него влюблен.

4.

Погостили, пора домой.
Что карман оттянуло мой?
Стал пиджак почему-то тяжел.
В нем прохладные гальки нашел.
За рукав меня тянет Сайзана
на глазах удивленной родни:
— Папа, камешки не урони,—
потихоньку мне дочка сказала.
— Ты умеешь играть в сайзанак?
— Мне — для рыбок. Ты разве не знал?

Я и в зрелых годах в сайзанак играю;
разноцветные камешки собираю,
их горстями в карманах возить легко ль
в наш аквариум, в маленький наш «Сут-Холь»!

И у дочки Сайзаны полно забот:
то котят она, словно ягнят, пасет,
то для рыбок чудных создает уют —
словно в радужной речке они спуют.

Украшеньем семейного очага
одарила меня родная река:
то не солнышко утром встает над ней —
в доме светится радуга от камней.

Я живу в белокаменном городке
с чистой думою о родной реке.

Радость жизни я детям
дарю сполна
в пестрых камешках.
В многоцветье
речного дна.

З о я П А М З Ы Р А Й

ЖУРАВЛИНОЕ ПОЛЕ

Очень мало пришло из детства:
только поле — ни дней, ни лиц...
Я и мама. И бьется сердце
от диковинных этих птиц.

Утро раннее. Нивы скошены.
Мать обходит птиц стороной.
Их глаза, такие тревожные,
все следят и следят за мной.

«Журавли», — говорит мне мама.
«Журавли», — шелестит трава.
Минул день. Закружил над полями
первый снег — невесты вуаль.

Клином в небо взметнулась стая.
На мгновение крик отстал.
Это детство от нас улетает
к неизвестным, чужим местам.

Мать сказала: «Вернутся птицы.
Не грусти. Прилетят весной...»
Только детство не возвратится.
Только память его — со мной.

* * *

Журавлиное поле,
где с тобой мы встречались,
журавлиное поле
на осеннем ветру...
Пожелтела трава —
значит, лето промчалось,
значит, я никогда
в эти дни не приду.

Уж близки холода.
И в родимом аале
войлок делает мать,
чтобы юрту обить.
И цветы на полях
безнадёжно увяли.
Было время любить,
было время забыть.
Словно зеркало, небо
так гладко, прозрачно.
В нём, прощально курлыча,
плывут журавли.
Их печальная песня –
подобие плача
по минувшей любви,
по последней любви.
Им лететь далеко.
Но и за морем синим
не оставит тоска
по родимой земле.
Как меня не оставит
печаль о любимом,
золотая печаль
журавлиных полей.

* * *

Кружат и кружат вихри-шаманы,
рвут, свирепея, полог у юрты.
В лунной лазури стыннут курганы —
с болью сердечной справиться трудно.

Болью пронзает душу и память,
и дымовое юрты отверстие
напоминает то, что меж нами —
брошенный перстень, брошенный перстень.

* * *

Я помню: лань бежала мимо, почти летела над землей.
О, как давно все это было! И я тогда была иной.

Виденье юности минувшей! С тех самых пор тебя ищу.
Стрелять? Но кто стреляет в душу?
Забыть? Но как? И я грущу.

Ты символ юности и счастья. Я не могу тебя забыть.
Живи со мной. Никто не властен воспоминания убить.

ОГНИ В САЯНАХ

На перевале в темень ночи
всмотрюсь — и слезы из очей:
рычат машины вдоль обочин,
вонзив во мрак клинки лучей.

Текут огни большой рекою —
за поворотом поворот,
и небо в звездах надо мною,
и сердце радостно поет

Огни, огни... В них вся долина —
и здесь, по склонам. Не спеша
идут машина за машиной,
по щебню шинами шурша.

Пусть ночь глуха, пусть буря злится —
с вершин Саянских мне видней
огни. Отсюда — до столицы
великой Родины моей.

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ

На Енисее, под Кызылом,
корявый тополь над водой
стоит, согбенный, старцем хилым,
изранен ствол его тугой.

Он память прошлого тревожит,
печален скрип его ветвей.
Он рассказать так много может
ветрам о юности своей.

И я прильну к нему щекою,
прильну и вслушаюсь в него.
И снова прошлое со мною,
и не забыл я ничего.

Зовут огни мечты высокой,
горит призывная звезда.
Я клятвам юности далекой
остался верен навсегда.

О старый тополь! Говорливо
струятся воды под тобой.
Слышны мне песни, смех счастливый
друзей, ушедших на покой.

Николай КУУЛАР

ВОЗВРАЩЕНЬЕ

В серебряный день улетаю,
увяла жара.
Желтеющих листьев
настала пора.
У первого месяца осени
медлю...
И тих неба свод.
И листья чешуйками меди
ложатся у ног, завершая полет.
Как лебедя крик — Торгалыг,
село вдоль реки протянулось,
а эхо тобой обернулось,
ко мне прикоснулось и скрылось вдали.

Я медлю,
а воды бегут под мостком
и мальчик какой-то вдоль речки спешит.
Я вздрогнул — мое отраженье бежит,
как некогда я, босиком.
Исток мой, мой род, продолженье мое,
любимой и матери лик
я вижу в воде.
И летит в окоем
лебедя крик — Торгалыг.
Над вечной землей, над священной водой
в мальчишке я буду склоняться не раз.
Мой род не угас. Я уйду, но за мной
две звездочки ясных мальчишеских глаз.

Кара-оол НАТПИЙ-ООЛ

МОЯ ЛЮБОВЬ

Моя любовь —
не цветок, украшающий землю.
И она не звезда на ночном небосклоне.

Это мысль,
затаенная искоркой в кремне,
это боль моей юности,
в тополиной притихшая кроне.

Светлоликая,
с солнечным бликом улыбки,—
ты земля, что дает мне духовную силу.
Слышу птиц перелетных прощальные крики...
Так во мне образ милой
с любовью к земле совместился.
Нерушимо, как клятва,
это единство.
Боль и кремень,
и солнечный лучик надежды,
образ милой
в июльской поре материнства
и несущие влагу дожди.

✱

А р т ы к Х О В А Л Ы Г

ЛЕТИТ ЗВЕЗДА

Гляди:
звезда летит с небес.
Она,
конечно, в Землю нашу влюблена.
Вот так и я, соскучившись, порой
лечу стремглав, чтоб встретиться с тобой.

АРЖААН

Глубин земли бесценный дар —
аржаан —
он в муках недр рожден землею.
Смертельно раненный, войдет в него марал —
и смерть отступит пред живительной водою.

И хворь людей, и раны пулевые
аржаан излечит, заживит...
Над ним то грозы,
то дожди слепые,
вершины остро ножевые,
базальтовые скалы на пути...
Добро творящего им не остановить.

Тува моя!
Мой край срединной Азии!
Я, как аржаан, тебя не выбирала.
Я даже стала б веткой краснотала,
я подорожником твоей земли бы стала,
чтоб человек мной раны перевязывал.

*

Галина ПРИНЦЕВА

ЦВЕТЕНИЕ

Злющий куст караганный,
верблюжья колючка...

Вдруг зеленую степь
и лиловую тучу,
напоенные жаром июльской земли,
золотые, как солнце,
костры обожгли!

А над царственно свежим,
медовым свечением —
бесконечное лето
в изнеможении,
эта щедрость,
избыток,
этот жизненный пир,
этот знойный,
бескрайний,
смеющийся мир!

*

Юрий ВОТЯКОВ

СТРАНА СОЗНАНИЯ

Плющом забвенья
укутав стены,
цветы надежды
взрастив в траве,
уходит время
в простор Вселенной,
оставив с нами
и тень, и свет.

КАНУН

Кончался день.
Закат сочился кровью.
Дым благовоний вился в небеса.
На крышу храма
выползали совы.
И жрец бросал
сырое мясо псам.

Обряды жатвы
завтра состоятся.
И прорастет
ячменное зерно.
Но, чтоб с толпой случайной
не смешаться,
жрецам сегодня
спать не суждено.

Удел толпы —
галерки и галеры.
Ей не понять
величья тайных слов.
Величье слов:
Озирис — светоч веры.
И ужас слов:
Озирис — темный бог.

ПИРАМИДЫ

Из земли торчали пирамиды,
будто груди юных нубиянок,
в честь Атона светлого зарытых
близ гробниц,
живьем,
в песчаных ямах.
Этот камень, высеченный медью,—
торжество
архитектурной мысли,—
потому,
должно быть,
долголетен,
что в себя
впитал
чужие жизни.

СОМНЕНИЕ

Шаман, надев цветные перья,
бил в бубен
 заклинаньям в такт.
Он знал:
 не так страшно неверье.
Сомненье —
 настоящий враг.

Неважно,
 в чуме или в храме
ему родиться суждено.
Он знал:
 расправится с богами
сомнение —
 оно одно!

ПРИКАЗ

И рухнула вера на плечи людские,
так много подмяв под себя.
 И летят,
летят облака, точно клочья седые,
в кровью истекший закат.
Дозволено все.
И никто не ответчик,
раз свыше приходит приказ...
Дымятся, дымятся в Майданеке печи,
клубится удушливый газ.
Пусть кто-то решает,
пусть кто-то прикажет,
ответственность взяв на себя.
Не важно,
 не важно,
 не важно,
 не важно,
он бог или просто маньяк.
Нет бога —
 подайте им сверхчеловека.
Подайте,
 подайте скорей!
Коричневой язвой
двадцатого века —
неверие в силы людей.

ИСТИНА

Но есть иная вера:
в человечность,
в гармонию и счастье на Земле.
Ей не нужны ни ризницы, ни свечи —
но шорох трав и запахи полей.

За торжество святой и светлой веры
твои, планета, лучшие сыны
платили жизнью — самой высшей мерой.
И эта вера выше всех иных!

✱

Федор ПОТЫЛИЦЫН

ЛИЦЕНЗИЯ

Важенка из рода благородных
пронесла достойно свой венец
и при всех условиях погодных
добывала солнечный кипец,
но была у смерти на примете...

Косогор копытившей в тиши,
ей судьбу, в уютном кабинете,
кто-то хладнокровно предрешил.
Есть печать охотоправленья,
четко — резолюция в углу,
пара слов без тени сожаленья:
отстрелять к такому-то числу.

Оглянись вокруг! Инстинкт природный:
слышишь, как наглеет воронье?
Чей-то палец лег на спуск холодный.
Мушка сердце щупает твое.

И, смертельно раненная в холку,
ты уткнулась в заглубивший снег.
Из кустов к тебе метнулся волком
в белом маскхалате человек.
Он законно жизнь твою загорбил...

Кровь в снегу пылает горячо.
Только в остывающей утробе
бьется не родившийся еще,

кто весной, обсохнув, утром ранним,
трепеща осиновым листком,
причастился б на лесной поляне
материнским теплым молоком.

Кондратий ЕМЕЛЬЯНОВ

БЕГУЩИЙ МАЛЬЧИК

С каких же давних пор
он стал мне сниться,
бегущий мальчик?..
Вдоль скалистых гор
стремительной манящей птицей
он режет воздух,
обнажив простор.
Фигурка, вылитая в бронзе...
Он покори́л мой день
и убегает в ночь.
Он убегает прочь.
Он — лучик солнца.
Он видит небо, дышит синевой.
В движении своем он слишком волен.
Я не могу остановить его.

Он мне знаком.
Я напрягаю зренье —
лицо становится расплывчатым пятном.
Мальчишка, мирозданья вдохновенье...

Но мальчик все же легче волн.
Волна поймала худенькие плечи,
слизнув с лопаток острых соль.
Что жизнь? Движенье вечно:
движенье дарит жизнь и отбирает все.
Мгновение — и мальчик захлебнулся.
Растаял в отступающей волне.
В ритм угасающего под водою пульса
крик замирает в вышине.
Исчез — и все обыкновенно:
и рябь воды, и солнца зной.
Лишь белая бессмысленная пена
владычит над немеющей землей.

Я знаю, сон мой быстротечен.
Он — тонкий лучик падающих звезд.
День наступает. Он — беспечен.
Бесплодна боль, бессильна злость.

БОКС

Канатами обтянутый квадрат.
За двестивольтовое напряженье
у зрителей глаза горят
прожекторами — в предвкушенье.

Понятен в зале нервный гуд:
здесь не простое представленье,
здесь — зрелище! И, вне сомненья,
здесь откровенно бьют.
Галантен, в бабочке, судья.
Захватывает гонга зов.
В одном из яростных бойцов
болельщик высмотрит себя.

Я выбираю правый угол.
Мой тренер — все мои года.
Напротив — подлость. Как всегда
(движения точны, упруги),
поигрывая бицепсами туго,
в приветствии протягивает руки.

Мы сходимся под гонга клич.
Не выдержав напор ударов,
противник входит в мертвый клинч,
по почке бьет приемом старым.

Жестко бить короткий хук
научил мой лучший друг.
Ввинченный тяжелый свинг —
и противник вяло сник.

Зритель взвизгивает нервно,
выпускает пар:
— Врезать напоследок!
— Верно!
Держит враг удар.

В зале тишина тупая...
Благородно отступаю.

Засвистали: мол, бездарно!
Парень мягкий, без удара!

Болью враг подхлестнут, злобен.
Сыплет точных серий град.
Я в канаты вжат. Я сломлен.
Криками помят.

Оттянул ресницы пот...
Яростно и яро
солнцем вспыхнул апперкот —
сердце жжет ударом.

Мне б подняться, вырвать боль из груди —
но дыхания, дыханья не хватает.
Гонг о поражении гудит.
Тяжесть на глазах литая.

Утешают: «Это только пробы...»
— Сотни поражений позади?..

В этих схватках
к нам приходит опыт.
Только остается боль в груди.

*

ПРОЗА

Кызыл-Эник КУДАЖИ

ПОЮЩИЙ РОДНИК

Главы из романа

МОПЕД

— Я тебе лучше куплю стригунка,— сказал сыну Эрес Оюнович.

Толя — сам, как необъезженный стригунок:

— Мопед!

— Жеребенок лучше. Через год будет взрослый конь. Ни бензина, ни масла ему не потребуется. Ты еще маленький...

— Мопед!!

Эрес Оюнович не скрыл раздражения:

— Сколько можно покупать тебе?! Сколько ты уже велосипедов переломал? И так после каждого класса покупаю. То потеряешь, то разобьешь...

— Мопед!!!

В общем, окончив начальную школу в Ырлыг-Булаке, младший сын Эреса Оюновича и Долааны Алдай-ооловны мопед получил. Как отец ни сопротивлялся, мать и старший сын Николай убедили его: все-таки мальчишка в пятый класс перешел! Ну, а меньшинство большинству подчиняется. И стал Толя гонять на новеньком мопеде по селу, поднимая пыль и вызывая зависть у ребятишек. Хорошо, конечно, Толе: отец у него бригадир и к тому же имеет правительственные награды...

Надо сказать, что Николай — неродной сын Эреса Оюновича, но в семье не делали разницы между братьями. Мать, возможно, что-нибудь и замечала, но никогда и виду не подавала. И хотя Коле не была известна тайна его рождения, с годами он все реже называл Эреса Оюновича отцом. Вряд ли кто проговорился или даже намекнул ему, но факт оставался фактом: к отцу он не питал особых чувств, не требуя и от него ничего взамен. Тем не менее и Николай изездил велосипедов не меньше, чем младший братишка.

К увлечениям сыновей Эрес Оюнович относился снисходительно, даже поощрял их, и, ворча для порядка, денег не жалел.

— Время такое,— говорил он.— Нельзя не знать технику. Особенно молодым. Я когда к трактору посватался, на велосипеде не умел ездить. А нынешние ребяташки с малолетства липнут к моторам. И правильно. Когда им срок подойдет работать,— только теорию маленько подучить, и жми на стартер. Я сколько времени на это убил?.. Что мы умели? Коня запрягать...

Осенью Толе Херелу предстояло ехать в Агылыг, в восьмилетнюю школу, и он с нетерпением ждал первого сентября. О занятиях Толя думал меньше всего. Куда важнее было другое: примчаться в школу на мопеде. Вот удивятся все!

Отправлять детей Эрес Оюнович не спешил: долго ли на Чакпыыл-Сарыге подбросить. Накануне начала занятий сказал Николаю:

— Отвезешь братишку. С председателем сельсовета и директором школы насчет интерната я договорился. Кого еще из ребят захватить надо, тоже возьми. Машину у Виктора Ондаровича оставишь.

Он думал, Коля обрадуется предложению самому поехать на «Запорожце», воспримет его как подарок. Как-никак парень будет учиться в восьмом классе, уже взрослый. А сын и ухом не повел:

— Зачем? Столько машин зерно возят. Довезут и нас.

Сидевший рядом младший, как собака, почуявшая дичь, сделал стойку. Мгновенно сообразив, вставил острый клин в разговор:

— Я на мопеде!

— Ага! Значит, Коля уедет на попутной, это ясно. Но одного маленького упрямыца отпускать на мопеде нельзя. Дорога до Агылыга — не улочка Ырлыг-Булака, там такое движение... Ничего не остается, как ехать и самому.

Собрались.

— Поедешь следом за мной,— строго наказал Эрес Оюнович сыну.— И не гони.

Только тронулись — тут как тут комбайнер Угаанза:

— Бригадир! Возьми меня с мальчишкой. Сам хочу его сдать.

— Садись. Давно ты со мной не катался,— сказал, не подумав, Эрес Оюнович, и даже уши у него покраснели.

Будто не поняв намека, Угаанза ответил:

— Я после две смены отработаю.

«Молодец», — похвалил про себя комбайнера Эрес.

Угаанза сел рядом с ним, а позади шестеро ребяташек прижались тесно, словно ягнята. «Запорожец», оставляя за

собой дымный шлейф и густую пыль, потрусил по дороге. На некотором отдалении, с той же небольшой скоростью, ехал Толя на мопеде. Эрес Оюнович время от времени оглядывался, убеждался, что все в порядке, и, успокоившись, вел своего «конька» дальше.

Осень уже давала себя знать. Крутосклоны поменяли цвет — пожелтела хвоя на лиственницах, пожухла трава, почернела листва на ивах.

Эреса Оюновича потянуло на разговор — не ехать же все время молча! Он попытался было рассказать какую-то историю, но Угаанза не поддержал — задумался.

— Когда только кончится эта кашка, надетая на кол! — пробурчал Эрес Оюнович, имея в виду узкую дорогу, но и на шутку Угаанза не отозвался.

Между тем ущелье, которым шла дорога, приближалось к концу. Эрес Оюнович резко затормозил и остановил машину. Вышел на дорогу, подождал, когда подъедет Толя.

— Соблюдай дистанцию! Не забывай о встречных машинах.

Сын понимающе кивнул.

— Поехали дальше!

Миновали слияние Агылыга с Кулузуном, вырвались в долину Улуг-Хема и тут же увидели всадника на соловом коне. Позади него сидели двое ребятишек — мальчик и девочка.

— Хе! Лапчар!

Поравнялись с ним. Эрес предложил:

— Давай сюда твоих, довезу.

Лапчар поглядел сверху вниз, насмешливо произнес:

— Уюй! А твой Навозно-Желтый потянет?

— Не беспокойся, выдержит. У тебя мясной, у меня — железный.

— Железо быстрее изнашивается.

— Ладно, ладно! Не рассказывай сказки на льду, не загадывай загадки на лиственнице. Давай их ко мне.

Ребятишки спрыгнули с коня, полезли в машину.

— Пусть Айланмав сядет на мопед, — предложил Толя.

Эрес Оюнович возражать не стал.

Дочка Лапчара Айланмаа — бойкая девчушка, из одного класса с Толей, — взобралась на багажник мопеда.

Теперь, прибавив прыти, мчался (если можно так сказать) впереди железный Бесхозно-Желтый, за ним, чуть поотстав, — мопед, а позади, на той же скорости, еще один Чакпыыл-Са-рыг — Лапчару так и так надо было в Агалыг.

Километра не проехали, как «Запорожец», будто споткнувшись, остановился, жалобно заскрежетал.

— Что случилось? — спросил подъехавший Лапчар.

Эрес показал большой придорожный камень.

— Аа-а!— понимающе протянул Лапчар.— Силу попытаться хочешь?

— Куда мне теперь! Раньше, бывало, мог приподнять так, что просвет был...

— И я тоже. А ты как, Угаан?

— И не пытался никогда.

Эрес вышел из машины.

— Надо моего Бездомного уравновесить, Видишь?— сказал он, обращаясь к Лапчару.— Сзади и мотор, и ребятишек полный комплект. Сунем камень в багажник.

— Пусть лежит на месте!— запротестовал Лапчар.

— Машина не потянет,— с сомнением покачал головой Угаанза.

— Скажите лучше — помочь мне не хотите.

Что поделаешь,— общими усилиями подняли камень и положили в багажник.

— Исторический!— перевел дух Эрес.— Давно у меня душа болела: как бы не пропал. Мы его директору школы отвезем. Пусть в школьный музей поместят. Пусть приезжающие и молодежь смотрят. Этим камнем раньше только женщины играли, как почекушкой. Нынешние мужики против них слабаки...

Пока они возились с камнем, их настиг еще один верховой на пятнистом, неопределенного цвета коне — Нас-Сурун, знаменитый охотник.

Коня, принадлежавшего его брату, невозможно было спутать ни с каким другим. Если бы его украли, без труда бы отыскали по масти, хоть в районе, хоть в любом уголке республики. Когда-то в Агылыге у старика Маскыр-оола был в табуне звездно-пестрый жеребец, от которого пошли такие же жеребята. А остался один только этот конь... Хороший конь, легкий на ногу, выносливый Сылдыс-Шокар.

Нас-Сурун, даже не поздоровавшись, едва справляясь с одышкой, будто не на коне ехал, а бежал опрометью, с трудом выговорил:

— Там... В Оргюнских перелесках... В Оргюнских, говорю...

Он мог и не продолжать: ясно было, что охотник обнаружил добычу и, по своему обыкновению, готов собрать всю округу на облаву зверя.

— Куда это так спешит Петр Сарыг-оолович?— прикинулся непонимающим Эрес Оюнович.

Нас-Сурун не любил, когда к нему обращались по имени-отчеству. По-русски стали его звать уже взрослым, когда Тува советской стала. Не смог Нас-Сурун привыкнуть. А дети у

него — все Петровичи. Старший сын Александр Петрович вместе с отцом чабанит. Валерий Петрович в Красноярске медицинский институт кончает, хочет хирургом стать. Василий Петрович — механизатор. Сергей и Андрей Петровичи — шоферы. Единственная дочь, Кукселмаа Петровна, овец пасет.

Охотник отдышался, убедился, что с этими мужиками каши не сварить, стал жаловаться:

— Навязали мне совхозные даргалары коз, будь они прокляты! Залезли эти козы на синие скалы Буурзека, и попробуй теперь согнать их. А тут еще вода на все лето отделила меня от людей...— Он вытащил таволожную трубочку, закурил.— Бросил я все, переплавился через реку, съездил в Шагаан-Арыг, взял в охотоправлении лицензию. Ну, думаю, соберу парней, отведу душу. И добычу присмотрел. Ку-уда там! Весь Агылыг объехал — без толку. Никудышный народ. Дадар-оол собрался зимовье чинить. Дук коней потерял. Тумат Кызыл-оол куда-то укатил. Про вас и говорить нечего — какие вы мужики? Забыли, когда и ружье в руках держали. Может, хоть Бады-Суу или Казака уговорю. Кабан — зверь опасный. Одному на него идти не годится. Хорошо бы артелью... Там, у вас, кабаны хлеб не топчут? В Оргюнских перелесках ох и зверюги ходят!..

Он сожалеюще оглядел Эреса, Лапчара и Угаанзу, махнул рукой.

— Сколько слез пролил, глядя с Буурзека... Вырвался. Лицензию выправил. Кабанов выследил. А вы... Ладно, поеду к Бады-Суу.

Он хлестнул Сылдыс-Шокара и умчался.

Тем временем затрещал мотор мопеда. Толя с Айланмой на багажнике объехали «Запорожца» и покатали вперед.

— Стойте! Стойте! — крикнул Лапчар.

А их и след простыл.

У РОДНИКА

И опять нам придется заглянуть в далекие уже годы.

Мысль о том, чтобы поднять целину в Агылыге, подал комсомолец Сенди. Сам он не успел осуществить свою мечту — его убили... Рядом с его могилой спит вечным сном первая коммунарка и колхозница тетушка Тос-Танма. Ученики начальной школы Ырлыг-Булака ухаживают за этими священными могилами. Каждый год, первого сентября, на школьной линейке называют имена Сенди и Ондар Намчалбаа, прозванной за редкую силу Тос-Танмой, открывших историю поселка.

Поначалу маленький этот поселок не имел названия. Люди просто говорили — бригадный стан. Это тетушка Тос-Танма

(Девятипудовая), обнаружив неподалеку родник, к которому ходила по воду, назвала его поющим. Он и вправду, когда сидишь над ним в холодке, то лепечет, как младенец, то напевает вполголоса какую-то незамысловатую песенку, особенно ясно слышную, стоит только машинам и тракторам с их гулом и грохотом уйти подальше в поля. Кто знает, сколько лет, а может, и веков, вот так лепетал и мурлыкал свои песенки родник. Знать бы, что он хочет сказать, о чем напевает...

Сначала только к самому роднику пристало имя, данное тетушкой Тос-Танмой. После оно перешло и к поселку.

А не так уж давно молодежь стала распевать такую частушку:

Ырлыг-Булак, Певун-Родник,
к нему всем сердцем я приник.
Меня секи прутом ирги —
но он со мной в любой дали.

Крепко, значит, вцепился в память людскую Ырлыг-Булак, и ничем его из памяти не вытравишь. Пусть и частушка эта бесхитростна, незамысловата. Не в том ее ценность. Она — благословение поющему роднику, любовь к нему, к родной земле, обещание всегда помнить дорогие сердцу места.

Никто ведь и не думал селиться возле Ырлыг-Булака, обосновываться, строиться. Приехали к роднику землю пахать — только и всего. А вышло само собой. И не лишне вспомнить, как здесь любят говорить, что пахарь должен быть ближе к земле, чабан — к овцам.

А началось все с колышка, с простого колышка, который тетушка Тос-Танма сильными своими руками вбила в землю у костра, на котором готовила пищу пахарям. Немного погодя возле костра стали сгружать бочки с соляжкой. Как-то осенью тут же соорудили небольшую амбарушку для запчастей. Еще через год расчистили ток. Ясное дело, рядом с током — избушку для сторожа поставили, зерно охранять, потом — бригадный стан (надо же где-то механизаторам отдыхать). А потом... Потом словно рыжий войлок дыма в горле застрял. Это когда не стало комсомольца Сенди, не стало тетушки Тос-Танмы.

Зарос травой ток. Обветшали постройки. На зеленых лугах у поющего родника каждое лето выводили птенцов золотисто-желтые турпаны, улетали с ними по осени в жаркие страны, а весной возвращались к Ырлыг-Булаку.

Вспомнили, однако, о щедрых полях, снова стали засевать их пшеницей. Шире и шире становились поля вокруг сторож-

ки и серых бревен старого сруба бригадного стана. Тут надо отдать должное Эресу Херелу, которого тогда еще, впрочем, никто не величал Эресом Оюновичем. Он, как говорится, не лежал посреди дороги, словно налим, выброшенный из воды на берег.

Строить новое в селе — не простое дело. На строительство нужны деньги. И немалые. Нужны материалы, которые сами с неба не валяются. Нужны рабочие руки, которых всегда недостает. На строительство и благоустройство центральной усадьбы правление еще кое-какие средства, тоже не слишком богатые, находило. И хотя председатель Дажысан, сменивший Кончука, лучше других знал, как велика доля артельных доходов от полей Ырлыг-Булака, и обеими руками голосовал за то, чтобы там был поселок, ни копейки не мог дать из не очень полной, чтобы не сказать больше, кассы колхоза. И как ни наседали на Дажысана Эрес Херел, председатель разводил теми же обеими руками, которыми голосовал...

Первые дома у Поющего Родника построили сами механизаторы. Их на это Эрес подбил. Что вам стоит, сказал, бревна подвезти — трактора-то в ваших руках. Ну, а когда бревен запасли, само собой стали избы рубить. И эта «Москва» не сразу строилась. Вернее — не сразу обживалась. Поначалу жили здесь весной и осенью, во время полевых работ, только мужчины-механизаторы, а семьи оставались в Агылыге. Да, да. Непросто оказалось уговорить жен! И опять Эрес пример показал — убедил Долаану переселиться в Ырлыг-Булак. А его как раз тогда бригадиром назначили. За ним и другие потянулись.

Когда стали укрупнять мелкие и слабые колхозы, а затем преобразовали их в совхоз «Хайыракан», у Поющего Родника вырос уже поселок с двумя широкими улицами, застроенными ладными домами, с хозяйственными постройками, гаражами, начальной школой и детским яслями. Так на карте совхоза вполне официально появилось село Ырлыг-Булак.

Легко вот так, в нескольких строках, пересказать историю того, как у Поющего Родника выросло село того же названия. Сколько гроз и метелей пронеслось над полями, сколько снега намело на эти поля, сколько зерна родили они! Теперь это уже действительно история.

...Благополучно доставив ребятшек в школу и возвращаясь домой, Эрес Оюнович вспоминал прожитые годы. И частушку припомнил: его самого секи прутьями ирги, хлесткими, гибкими, ни за что не покинет он родных мест! Здесь, в Ырлыг-Булаке все близко, все дорого ему. А история? История продолжается! Все, что здесь создано, создано его трудом,

его потом, возникло на его глазах. Как же ему думать иначе? До последних дней своих не расстанется он с Ырлыг-Булаком. Говорят: и человек не вечен, и камень не в шкуре. Придет когда-то и его последний день, но он ни о чем не пожалеет. Сколько было у него сил,— все отдал, работал не за страх, а за совесть. Пусть другие продолжают его дело, украшают родные места, делают жизнь еще полнее и богаче. С чувством исполненного долга ляжет он навсегда рядом с тетушкой Тос-Танмой, и, может быть, вспомнят и Эреса Херела на ежегодной школьной перекличке...

С такими мыслями ехал Эрес Оюнович на верном своем Чаппыыл-Сарыге.

Погода, к счастью, не подвела. С урожаем справились до затяжных дождей. Успели и землю под зябь вспахать.

Отправился Эрес Оюнович к управляющему отделением Дажысану.

— Мы хотим в бригаде создать ремонтные мастерские. Дажысан только хмыкнул:

— Глубже копаешь?

— Не понял, Егор Ензакович.

— Как же, как же! Ты да не понял. Целое село построили, и все вам мало. Значит, мастерские, говоришь?

— Ну да. Механизаторы требуют. Не для капитального ремонта. Для мелкого, текущего, Егор Ензакович.

— Ясно, ясно, Эрес Оюнович. Сначала — для текущего, потом для капитального...

— А что в этом плохого? Вы лучше меня знаете: гоняем трактора в центральные мастерские, так они после ремонта, не доезжая до Ырлыг-Булака, ломаются. Мы давно убедились: куда лучше, если сами станем ремонтировать трактора и комбайны. Будет своя мастерская — мы любые машины в порядок приведем. Во-первых, — стал загигать толстые пальцы Эрес Оюнович, — надежнее. Во-вторых, гонять технику не надо, экономия времени и горючего. В-третьих, затрат меньше. В-четвертых...

— Я все понимаю, браток, — смягчился Дажысан. — Но мне этот вопрос, сам знаешь, не решить. Я только отделением заведу — не совхозом. И еще тебе скажу: ваша тарахтелка не потянет, когда вы к ней подключите мастерскую со станками. — Он постучал кулаком по своей седой голове. — Надо заставить работать этот кувшин. Сделать расчеты. Оправдают ли себя затраты, будет ли польза, выгода.

Кончук, который до Дажысана в колхозе председателем был, тоже из практиков, до всего сам доходил. Кого-кого, а его Эрес Оюнович хорошо помнил. Человек добросовестный, Кончук за дело насмерть стоял. Но, к сожалению, во

многим он не разбирался, и, если в чем-то не был до конца уверен, бесполезно было его убеждать, доказывать. Дажысана с ним в этом отношении не сравнить, однако и к нему подход нужен.

Эрес выслушал его терпеливо, не перебивая, а потом уже стал растолковывать:

— Мы, Егор Ензакович, знаем, что ни средствами на капитальное строительство, ни запчастями отделение не располагает. Насчет электрификации — серьезнее. Но раз даже на чабанские стоянки от гослиний ток подадут, неужели целое село обойдут? Расчеты мы представим. Мы вас просим только, чтобы вы поддержали. Не будем же мы через голову прыгать, когда над нами отделение...

Дажысан ожил.

— Так бы и говорил. Интересное предложение. Раньше мог бы об этом сказать. На-ка тебе бумагу. Пиши.

Пока Эрес Оюнович сочинял докладную на имя директора совхоза, управляющий не переставал говорить:

— Придумал ты хорошо, но, знаешь, что из этого может получиться? Вот построят у вас ремонтную мастерскую. Ладно. А тебе ведь еще какая-нибудь идея в голову придет. Например, не захотите больше быть бригадой, захотите самостоятельным отделением стать, а там и совхозом... — он рассмеялся.

Эрес Оюнович протянул ему написанное.

— Блестяще! — бегло проглядев, Дажысан сунул листок в стол. — Отдам перепечатать.

Надо заметить, что на составлении всяких казенных бумаг Эрес Оюнович, что называется, собаку съел. Начальство любит, когда написано аккуратно, когда у букв на бумаге дорожка, как у утки, звонкая, как у гуся, гладкая и широкая, чтобы наверху бумаги было достаточно места для резолюции и размашистой подписи. Все эти тонкости Эрес Оюнович у своих агрономов и механиков, людей образованных, имеющих дипломы, перенял.

— Ээ! — заметил он. — Я сам машинистке скажу, как надо сделать.

В дирекцию совхоза они отправились вместе с Дажысаном. И все вышло лучше не надо. Никаких сомнений, вопросов, объяснений не потребовалось. Написано было, как во времена создания тувинской письменности говорили: белая бумага — лицо, карандаш — язык. Все толково, без лишних слов. Просто и ясно. К тому же Эрес Оюнович человек в совхозе с весом. Без дела никогда к начальству не обращается, а уж если с чем придет, — как плугом перепашет, так дойдет, что из кабинета его и трактором не вытянешь!

Руководство совхоза сочло предложение бригадира из Ырлыг-Булака дельным и весьма своевременным. Даже похвалили Эреса Оюновича, что подгадал он как раз к составлению финансового плана на будущий год. Другие, к сожалению, являются, когда у коней хвосты и гривы отросли, и начинают нудить: мол, не помогли, не рассмотрели, не поддерживали... На этот раз все было иначе: мысли бригадира совпали с намерениями даргаларов—начальников. Они отметили, что будущее Ырлыг-Булака, как два крыла. Именно там, в Ырлыг-Булаке, целесообразно развивать параллельно и земледелие, и животноводство. Так что строительство ремонтной мастерской будет как нельзя кстати. Пообещали Херелу и Дажысану немедленно открыть текущий счет, включить сооружение мастерской в титульный список капитального строительства.

И закрутилось! Самым деятельным помощником в новом деле стал управляющий отделением Дажысан. Все свое внимание сосредоточил он на будущей ремонтной мастерской. Дня не проходило, чтобы он не названивал Эресу Оюновичу, и будь бригадир рядом с ним, хватал бы его за горло.

— Алло! Алло!— кричал Дажысан.— Товарищ Херел! Как идет строительство? Все силы надо направить! Мы перебросим к вам строителей и монтажников с других объектов.

Надо заметить, что Дажысан — в прошлом знатный тракторист — никакого образования не получил, но за своим развитием следил. Если была возможность побывать на каких-нибудь курсах, никогда ее не упускал. В любую свободную минуту погружался в чтение газет, а радио в конторе отделения и дома у Егора Ензаковича гремело от зари до зари, и он всегда был в курсе событий в стране и за рубежом, свободно ориентировался в вопросах международной политики.

Давая указания по телефону и контролируя ход стройки, Дажысан широко применял разнообразные сведения, почерпнутые им из газет, радиосообщений, а также из книг по экономике сельского хозяйства и промышленности.

— Пусковой объект... Амортизация... Экономический эффект... Аграрная политика... Стратегическое направление... — эти слова и выражения, не всегда и к месту, потоком лились из телефонной трубки.

Эту манеру управляющего отделением Эрес Оюнович хорошо знал и прощал ему такую слабость. Куда важнее было, что Дажысан не на словах, а на деле помогал осуществлять задуманное.

Не успел бригадир в который раз выслушать телефонные наставления Дажысана, как снова раздался звонок. Управляющий отделением мог, по своему обыкновению, что-то вспом-

нить и выдать еще не одну порцию руководящих указаний и предписаний. Но, оказалось, это был не он. Звонил Виктор Ондарович, директор школы. Этот обычно строил разговор довольно странно: никогда ничего прямо в лоб не скажет, все вокруг да около, намеками, шуточками-прибауточками, нанизывает слово на слово и пихает их тебе за шиворот и под мышку. И на этот раз казалось, будто он заранее написал свою речь и читает ее по бумаге, не пропуская ни единого знака препинания:

— Мой дорогой Эрес, сын Оюна (восклицательный знак). Твоему сыну Толе некуда ставить мопед, подаренный тобой в связи с окончанием им начальной школы, поэтому ему приходится постоянно ездить на нем, о чем я тебе и сообщаю с волнением и тревогой (многоточие). То, что это влияет на изнашиваемость дорогой вещи (пауза), тебе, как старому и опытному механизатору, должно быть понятно (точка). Я уж не говорю, что неумеренная эксплуатация мопеда отрицательно сказывается на усвоении твоим сыном программного материала пятого класса (точка). Ты понимаешь, о чем я говорю (вопросительный знак). Если ты надумаешь сберечь мопед твоего сына и содействовать повышению успеваемости Толи, пусть он ставит свое средство передвижения в мой гараж (точка). Я не лама, не шаман и много брать с тебя за это не буду (точка). Понял (вопросительный знак). В месяц три рэ пятьдесят девять ко...

Он замолчал. Эрес Оюнович покричал, подул в трубку — без толку. На линии будто камыш шуршал. Подождав еще немного, он понял, что Виктор Ондарович сказал все, что хотел, и ни слова лишнего. Звонить ему было бесполезно. Оставалось только голову ломать над тем, что было сказано.

*

ЧЕДЕРСКАЯ СТЕПЬ

Из повести «Чей сын?»

Шестьдесят лет исполнилось одному из ветеранов тувинской литературы — Салиму Сазыговичу Сюрюн-оолу. Он широко известен в республике как поэт-лирик, автор стихов, многие из которых стали популярными песнями. Но не меньше споров, обсуждений, различных, порой противоположных мнений вызывает творчество Сюрюн-оола-прозаика.

Острсюжетные повести и романы, начиная «Поручением лейтенанта» и кончая «Клятвой матери» и «Посторонней женщиной», проза историческая [«Глухая речка»], лирическая [«Это любовь», «Белогрудая»], документальная [«Жизнь человека»]... В связи с 60-летием и за заслуги в развитии тувинской советской литературы С. С. Сюрюн-оолу присвоено почетное звание заслуженный писатель Тувинской АССР. Предлагаем читателям нашего альманаха страницы из повести «Чей сын!».

Сколько помнит себя Ак, юрта его родителей всегда стояла возле большого озера. Оно казалось огромным, взором не окинешь сразу. Вода в нем была соленая, непригодная для питья ни человеку, ни скотине. Летом берега озера белели от выступившей соли. Когда ступишь в воду, что-то трещит, словно тонкая корка льда под ногами, но вода не тянет человека ко дну, а наоборот, выталкивает вверх невидимыми руками.

Это соль,— понял Ак, когда подрос. Огромным роем крутятся в воде озера мелкие красные рачки. Если забрести до самой середины, рачки облепят тебя со всех сторон и, кажется, торопятся высосать всю твою кровь. Однако, они не кусаются, а приятно щекочат все тело. В жаркие дни красивые рачки видны даже на дне и кажутся крошечными золотыми рыбками.

Все дети очень любопытны. И Аку не раз приходилось ездить с отцом по предгорью Танды. Много раз он любовался стаями уток и журавлями в мелких озерах Межегея, слышал резкие крики чаек над голубым Чагытаем, а однажды видел величавых птиц с гибкой шеей — залетевших сюда лебедей.

А на Чедере водяных птиц почти не встретишь, на берегу можно увидеть только черных громко каркающих ворон, да низко пролетит коршун, унося зазевавшегося суслика — полакомиться на седловине горы. Зато жаворонки не смолкают с самого птичьего рассвета где-то в невидимой вышине.

— Отец, почему на нашем озере нет птиц?— спрашивал Ак.

— Потому что оно соленое, сынок. Птицам тут нечем кормиться. Да и укрытия нет нигде: ни камыша, ни леса. Вот и не летят сюда.

Озеро со всех сторон обступала сухая песчаная степь, заросшая ковылем. Ни одного деревца. Только напротив юрты Артыш-оола появился лесок, посаженный работниками курорта.

Но для Ака на всем белом свете нет озера лучше Чедера. Здесь прошло его детство, здесь состарились его родители — чабаны. Как прекрасно это целебное озеро, угодившее волею природы в самую середину бескрайней степи! Особенно летом. С верховья в озеро втекает маленькая речушка, воды в ней — только едва ботинки и смочит. Зато вода теплая, берега песчаные, приятно после купания в соленом озере окунуться в речную прохладу и лечь на прогретый солнцем песок. Кожа становится шоколадной, как у негра. Много прекрасных дней провел Ак на берегу родного озера, играя со сверстниками из соседней юрты. Детство — такая чудесная пора: бегай, играй, помогай пасти овец, и это доставляет такую радость. Ак рос безмятежно и вольно.

Широко раскинулась Чедерская степь. В летние дни над нею струится марево, а зимой она укрывается снежным одеялом, под солнцем сверкают тысячи искр. Долго пустовало это огромное пространство, только в небе парили степные орлы, а на земле хозяйничали проворные суслики, заполняя степь веселым свистом. Потом пришли люди, подняли целину, построили богатый совхоз, и Чедерская степь стала самым хлебородным уголком Тувы. Тут и там паслись отары овец, пестрели коровы, нагуливались лошади. Дальний верхний конец озера заняли два чабана, их дети потянулись в животноводство на смену отцам.

В открытой степи легче пасти, чем на крутых склонах: не так устают всадник на коне, не очень далеко разбредаются овечки. Но и природа здесь однообразна: одни и те же песчаные холмы, по которым прошел сотни раз, скудная трава, низкорослый желтый караганник. Здесь нет, как в тайге, разнообразия на каждом шагу — птиц, зверей, цветов. Трудно летом — жара невыносимая, песчаная земля обжигает ноги, как награды, ждешь дуновения ветерка. И все-таки природа

берет свое: по всей степи разбежались скромные цветы. Белым бисером лепестков покрылась на склонах и в оврагах таволга. Посмотришь на небо — ясно, ни облачка. Но к вечеру налетает, откуда ни возьмись, порывистый ветер, там и тут кружат столбы черных вихрей, смешивая пыль с песком, и сразу становится сумрачно, словно во время солнечного затмения...

Аалы перекечевали на весенние стоянки. Артыш-оолы перебрались, соседи пока задержались. Но рано или поздно они встретятся и станут ближе родных. В той юрте была Хеймер-кыс, с виду тихая, скромная, молчаливая, с мягким взглядом темных глаз. Ак поглядывал на нее, но девушка вроде бы ничего не замечала.

Как-то после кино Ак вышел из клуба, чтобы ехать к себе в юрту.

— Ты домой собрался, Ак?— окликнул его нежный голос. Он обернулся и увидел Хеймер-кыс.

— Да.

— Подвези меня.

— А твой конь где?

— Я еще днем пришла. Пешком.

— Тогда садись в седло.

— Нет, я сяду сзади.

Ак сел в седло, снял с себя фуфайку, подстелил и, со смешком, предупредил:

— Держись крепче, тихо ездить не умею.

От совхозного поселка до стоянки недалеко. Ак прищиприл коня, опустил поводья. Конь нехотя побежал жесткой рысью. Девушка невольно обхватила парня руками и стала просить:

— Не гони так, Ак!

Он словно не слышал, лихо подгоняя Гнедого. Конь, на котором много лет пасли овец, прыгал, как лягушка. Промелькнули огоньки поселка, в ушах свистел ветер. Хеймер-кыс не выдержала; стала умолять:

— Останови, я сойду.

Ак натянул поводья, и Гнедой, неуклюже, будто у него ноги разной длины, остановился. Девушка спрыгнула, пошатнулась и чуть не упала.

— Не думала я, что ты такой!

— Прости, я пошутил,— ответил Ак, ловко соскочил с коня и на ходу накинул на себя фуфайку. Он повел Гнедого в поводу и догнал девушку. Некоторое время они шли молча. Слышно было, как Гнедой громко фыркал и храпел, понурил голову. Вдруг раздался конский топот, приближались шумные голоса. То возвращались парни и девушки, тоже из кино, и

все на конях. Поравнялись с пешеходами, подняли столб пыли, прокричали веселую частушку и умчались.

— Не сердись,— сказал Ак, когда всадники удалились.

Хеймер-кыс не ответила.

Так и шли молча. Она — впереди, он — за ней, ведя коня в поводу.

Небо было ясное. Снег уже растаял, остался только на вершине высокого хребта. Трава местами зазеленела, но земля была еще влажной. Утих ночной мир. Лишь временами был слышен шум проезжающей по тракту машины и незлая брехня чабанских собак.

Девушка молчала, покусывала травинку. Вдруг что-то мягкое, темное коснулось ее лица, и она невольно вскрикнула.

— Не бойся, это летучая мышь,— успокоил ее Ак.

О чем думает девушка? Очень хотелось Аку знать это. Такой удобный случай поговорить, в ночной степи они только вдвоем, никто не сможет им помешать.

Когда они вззошли на холм, стали видны их белые юрты.

— Уё-о! Ноги устали. Может, передохнем?— схитрил Ак.

— Хорошо,— согласилась девушка и присела. Она сняла с головы платок, стряхнула его и положила на колени. Ак сел рядом с ней. Гнедого он отпустил на волю, но конь не уходил далеко от хозяина, кружил рядом, слышно было, как звенели удила.

— Я хочу спросить у тебя...— невнятно пробормотал Ак, подвигаясь ближе, и вдруг обхватил ее за талию. Девушка сделала слабую попытку высвободиться из его рук, но Ак сильнее притянул ее к себе, коснулся нежной горячей щеки и... потерял голову.

Вдруг Гнедой подал голос. В ответ послышалось ржание с другой стороны озера. Ак вздрогнул, обнял Хеймер-кыс сильней прежнего и повернул лицо девушки к себе. Их губы сомкнулись в поцелуе.

— Скажи, у тебя кто-нибудь есть?

— Был бы муж, сидела бы рядом с ним.

— Значит, нет?

Хеймер-кыс промолчала.

Как много хорошего на свете! Хорош ранний рассвет в степи. Все оживает под солнцем. Прекрасна ночь, когда все замолкнет, хотя и ночью не прекращается жизнь. Как сейчас... Никто не видит этих молодых людей, а если и есть свидетели, будут молчать: это степь, это тишина, и Гнедой, который сторожит их покой, и звезды, они посылают свой далекий свет.

Гнедой фыркнул, рванулся с места — кого-то испугался. Молодые люди вскочили:

— Ой!

Конь наострил уши, потом успокоился и снова захрумкал травой.

Счастливой вереницей потянулись летние дни. Как только солнце появится над горой, овцы выходят на пастбище. За одной отарой едет на Гнедом Ак, за другой следует Хеймеркыс. О чем только ни говорили они за долгий день! Ак уже размышлял: осенью, перед тем, как ему идти в армию, сыграют свадьбу...

А назавтра к юрте Хеймеркыс подъехал на мотоцикле с коляской высокий, спортивного вида парень с очень правильными, словно у манекена, чертами лица. Подхватил вышедшую навстречу девушку, подал ей голубую каску — и увез ее с собой. Только облачко пыли взвилось вслед.

Монгуш КОЖЕЛДЕЙ

БУРЯ НАД ХЕМЧИКОМ

Из повести «Весенние ветры»

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Солнечный нойон Чимба-бээзи сидел в юрте Буян-Бадыр-гы на месте почетного гостя, неторопливо потягивал из пиалы чай и задумчиво слушал соседа, который с тревогой в голосе говорил:

— Что ты можешь подумать, светлый правитель, о том, что этот дерзкий голодранец Баазан, которого я отправил с казаками за Саяны, вернулся жив и невредим, а ни русских, ни каравана с грузом нет!

— Это не тот ли Баазан, который по совету полоумного Аажакая-ашака подsunул тебе вместо слитка серебра булыжник?— укусил нойона Чимба.

— Сейчас не время для насмешек, нойон,— едва сдерживая себя, сказал Буян-Бадыр-гы.— Надо бы подумать, как узнать, кто помогал этому голодранцу выскользнуть из цепких рук казаков. Куда девался их непростой груз, ведь ты знаешь — они везли винтовки и патроны, нет ли во всем этом красного влияния? Смотри, нойон, наш древний Хемчик скоро совсем покраснеет, если мы будем сидеть сложа руки.

— Не устроить ли нам допрос под пыткой?— сказал в ответ Чимба, несколько смутившись за свою остроту.— Допрос под пыткой, как еще недавно мы допрашивали Очура и Мартаажыка.

— Сейчас это делать нельзя, нойон. Араты вооружены, а у нас нет опоры. Китайцы разгромлены, а белых совсем мало,

только в устье Чыргаки, куда шло оружие. Как бы друзья голодранца не выручили его огнем. Ведь тот же Мартаажык — его товарищ, да и Барынмаа с ним водится.

Чимба отставил пиалу в сторону, задумался. Мартовские события не на шутку встревожили нойонов. Араты, разбив китайских милитаристов, оставили оружие при себе. Многие из них поговаривают о частях Красной Армии, что находились в центральной части Танну-Тувы, и объединенном партизанском отряде во главе с Кочетовым, о народном правительстве и о том, что и местным аратам не мешало бы сделать так, как сделали русские,— отобрать у богачей землю, скот и раздать беднякам.

Как же пресечь эти разговоры, как же вырвать с корнем самую мысль о разделе пастбищ и скота между голодранцами?

— Надо звать на помощь атамана Казанцева,— наконец, сказал Чимба.

— И я так думаю,— сказал Буян-Бадырғы.— Атаман Казанцев вышел из Монголии и встал лагерем на Тарлашкыне, что впадает в полноводную Тес-Хем. Мы напишем ему письмо и пошлем нашего преданного ламу Чамзы-Хамбы. Пусть атаман приходит сюда, на Хемчик, мы дадим ему сколько надо оружия и солдат-аратов, мяса, сыра, а для жилья — юрты. Пусть атаман усилится и разобьет Красную Армию и этого разбойника Кочетова. И тогда древний Хемчик, наполовину покрасневший, снова обретет свой прежний цвет.

— И мы будем по-прежнему править своим народом,— воспрял духом Чимба, взял пиалу и залпом опрокинул содержимое в рот.— Только так мы можем остановить красный потоп, повелитель. Приглашаем атамана, а к его приезду подготовим подарки, оружие и соберем войско! Только так, повелитель, мы можем сохранить свою власть. Наши хошуны — самые многочисленные и сильные. Отсюда начнется очищение нашей земли от красной опасности!

«Солнечные» правители еще долго обсуждали содержание письма, пили араку и видели себя победителями. Затем они распорядились отправить гонцов по сумонам с приказом о вооруженном объединении аратов, как только атаман Казанцев с освободительной миссией пожалует в их хошуны.

Араты объединились быстро. Они не раз уже выступали против иностранных порабитителей и готовы были снова сражаться за свою независимость. Но зачем и как можно драться против красных, если они аратам не угрожают, а вот белогвардейцы — старые недруги, и атаман, у которого руки обогреты кровью и русских, и тувинцев, приближается к их хошунам? И они пойдут на него войной! Этого хотят все, этого

хотят их предводители Соок-Санчы, Белек, Хенче-Кара Баазан, Барыймаа, Мартаажык и многострадальный и справедливый Очур.

Сынки богачей на первых порах тоже вливались в отряды, но вскоре поняли, что араты готовятся встретить атамана свинцом и огнем, а не хлебом-солью, и поспешили убраться по своим юртам.

Это обстоятельство обескуражило нойонов, их воинственность несколько поубавилась. Они с кучкой богатых людей попытались повлиять на аратов, внушить им мысль, что атаман им опора и защита от всяких врагов и что его надо всячески поддерживать. Но их усилия были напрасны. И когда Казанцев с сотней верных ему казаков въехал в Чадан, араты были готовы атаковать белогвардейцев. Но их выступление упредил гонец от русских. Он предлагал начать боевую операцию 23 мая, в день, когда части Красной Армии и партизаны Кочетова ударят по оставшейся большей части войск атамана на реке Тарлашкыне. Очур и другие предводители горячо поддержали предложение гонца.

Пышной встречи Казанцева не получилось. Атаман увидел не встречающее его многочисленное войско, а жалкую кучку чиновников, правда, богато разодетых, с перьями и иными знаками различия.

— Подождите несколько дней, господин атаман. Народ еще не весь собрался,— подавленно оправдывались нойоны. Атаман хмурился, обзывал нойонов лживыми скотами, но подарки принял и встал лагерем близ окраины Чадана.

Через несколько дней после белогвардейцев солнечный нойон Буян-Бадыргы направился к нойону Чимба обсудить создавшееся положение. Ему донесли, что араты намереваются напасть на атамана и уничтожить его. Неожиданно повелитель встретился с полусотней всадников в местечке Белдир-Шыгы. Это были вооруженные араты. Они ехали в Чадан, чтобы соединиться с главными силами.

Нойон и два его прислужника — хаа остановились, как вкопанные. Шелковые халаты на повелителе и его слугах блестели на солнце. Сбруя на лошадях сверкала серебром и медью, их надменные лица заплыли жиром, а в узких щелочках глаз полыхнул страх.

Араты тоже остановились. И те, кто еще сомневался, правильно ли поступил, отказав в поддержке нойону, увидели огромную пропасть бедности, которая отделяет их от роскоши правителя, и окончательно утвердились в своей правоте.

Заметив длинного, жилистого человека, сидящего на рыжем белолобом коне, солнечный нойон не поверил своим глазам.

«О могущественные боги! Неужели мертвые воскресают? Кто передо мной? Не Очур ли?» — пробормотал он и в страхе приблизил коня к арату, который находился в центре отряда, чтобы убедиться, в самом ли деле он видит Очура.

На лице Очура не дрогнул ни один мускул. Всадник гордо вскинул голову и с презрением бросил повелителю горячие слова:

— Что, не узнаете меня, нойон? Да, я Очур! Вы меня убили. Это была моя первая смерть. Но, побывав на том свете, я вернулся сюда, чтобы отомстить за поруганную правду и, если потребуется, умру второй раз. Моя настоящая смерть придет вместе с твоей. Когда-то вам удавалось обманывать народ: покорные попадут в рай, непокорные — в ад. Время сказок прошло. Там, — Очур показал на землю, — принимают всех одинаково! Я убедился в этом сам. Но даже не в этом дело. С тех пор, как вы меня убили, я много раз бывал на севере, и русские братья научили меня уму-разуму. Вы думаете, что вот эти араты сейчас едут помогать белому разбойнику бить красных. Ошибаетесь! Мы, совместно с красными, будем бить его! Мы здесь в Чадане, а Кочетов с красноармейцами и своими партизанами — на Тарлашке. Мы будем бить их так же, как русские братья били богачей у себя на родине и обновили всю Русь. Не думайте, что красной стала только центральная часть Танну-Тувы, красным стал весь Хемчик! Зря вы надеетесь на помощь из Монголии. Она тоже на стороне красной справедливости. Кто-то из проигравших должен поставить свою голову в шапкой. Не перед ханским указом, а перед народным законом...

У Буян-Бадьргы лицо побелело и губы затряслись от ярости. Но Очура не испугал гнев повелителя, и он сурово закончил:

— Если мы до сих пор не трогали вас, нойон, то только потому, что вы не мешали нам вести освободительную войну против китайских и монгольских феодалов. И сейчас нам выгодно, что вам удалось пригласить сюда Казанцева, разъединить его силы. Мы едем уважить вашего гостя огнем и свинцом. Посторонись, нойон, я спешу. Да не вздумайте предупредить атамана, если вам жизнь дорога!

Очур тронул удила, и его рыжий конь рванулся вперед, а за ним и весь отряд. Нойону и его слугам пришлось потопиться и пришпорить своих коней, чтобы не быть смятыми.

Когда быстрый бег скакунов сменился легким шагом, один из хаа спросил повелителя:

— Кто же он такой, этот человек, нойон?

— Замолчи, — повелитель плетью огрел слугу, — это не твое дело!

И снова пришпорил коня.

Приехав в юрту Чимба-нойона, он, забыв поздороваться по обычаю, мешком рухнул на свое место и, задыхаясь, заговорил:

— Араты нам больше не подчиняются. Они пошли войной на атамана. Этот голодранец Очур тоже с ними, и, я думаю, он подбил их напасть на наших спасителей.

— Благодарите бога, повелитель, что они не трогают нас. Их нельзя нынче сердить. Потому я сижу в юрте, как суслик в норе. А о каком Очуре ты сказал?

— О сыне Чимита из баянталинских Кууларов. Он, негодай, заодно с красными.

— Тот, что умер от пыток, нойон?

— Он не умер, нас обманули. Все это время он бездельничал и, наверное, отирался среди красных партизан. А теперь явился сюда и сумел взбунтовать против нас аратов. Я его видел только что. Он осквернил меня своим грязным языком!

Чимба-нойон онемел. В это время прискакал один из хаа и, не зная, куда спрятать голову, закричал:

— Араты окружили юрты атамана Казанцева и, не дав ему опомниться, открыли огонь. Казаки падают, словно скошенные!..

Нойоны схватились за головы, забормотали и начали неистово молиться..

У атамана Казанцева не было основания для беспокойства. Он быстро восстановил связь с местным казачеством, и его заверили, что урянхайская знать к белым благосклонна. Правда, иногда отдельные разбойники доставляют беспокойство, но где их нет! Атаман окончательно поверил обещанию нойонов привести и передать в его руки тувинскую армию после того, как ему прислали от нойонов еще несколько юрт, палаток, много мяса, вкусную, как свежее крестьянское масло, сметану — ореме. Никто не подозревал, что конные отряды, появившиеся в Чадане, обрушат на него огонь. Потому атаман в обществе офицеров в этот обеденный час спокойно чаевничал в своей юрте.

Внезапная стрельба напугала офицеров. Выскочивший из юрты адъютант тут же был ранен. Атаман приказал занять круговую оборону и выяснить обстановку. Усилившаяся ружейно-винтовочная стрельба, ругань раненых и вскрики умирающих казаков доносились отовсюду. Стало ясно, что белогвардейцы окружены и им долго не продержаться. Силы быстро таяли. Атаман заметался в поисках спасения.

«Позорно ветерану императорской армии умереть от рук глупых, ничего не знающих урянхов,— думал он.— Надо спастись бегством».

Атаман собрал группу казаков, направил ее в восточную часть лагеря, поставив задачу прорвать кольцо окружения. В то время, когда казаки, отстреливаясь, умирали от пуль аратов, их атаман занялся маскарадом. Он натянул на себя шелковый тувинский халат, полученный в дар от Чимбы, плоскую шалку, черную бархатную кандазу, приказал и шестью своим офицерам переодеться в тувинские шубы и, сев на коня, ринулся с ними в коридор наметившегося прорыва. По беглецам не стреляли. Араты приняли семерых всадников за своих нойонов и их слуг.

— Глядите,— кричали араты,— наши повелители бегут от Казанцева, как зайцы!

— Они боятся, как бы мы им не попортили халаты и шубы,— смеялись другие.

А тем временем Казанцев и его офицеры все дальше уносили ноги от опасного очага.

Очур со своей группой перерезал путь к отступлению вверх по реке Чадане. Под прикрытием зарослей тополей, тальника часть казаков ринулась сюда, но густой огонь засевших аратов вынудил их вернуться к юртам. Очур бил прицельно и уничтожил несколько врагов. И когда казаки были отброшены назад, арат повел своих товарищей вперед, сжимая кольцо окружения. Очур подошел к юртам совсем близко. Неожиданно на него напали два казака. Очур успел выстрелить в одного, но пуля второго ранила арата, и тот, выронив винтовку, бросился на врага. Они схватились врукопашную, покатались по земле. Очур победил. Но как только он поднялся, казачья пуля ударила ему в грудь и свалила с ног. Умирая, он слышал нарастающий шум боя, победные крики своих товарищей и, веря в победу справедливости, навсегда закрыл глаза.

Бой кончился к вечеру. Араты бросились искать атамана, но его не было ни среди живых, ни среди мертвых. И тогда стало ясно, каким образом улизнул белый главарь.

Радость победы омрачилась смертью товарищей и прежде всего Очура. Его труп первым обнаружил Аажак-ашак. Старик, как всегда, не отставал от событий. И перед боем крутился возле Очура и Мартаажыка, просил выдать ему оружие.

— Дайте мне ружье, дайте. Я участвовал в разгроме китайской армии, теперь буду бить белых казаков!— кричал он.

Чтобы только отвязаться от полубезумного старика, ему дали короткоствольное китайское ружье, но без единого патрона. Аажак-ашак ездил верхом на своей кляче, перекинув ружье через плечо, и обещал бить без промаха. А когда началась стрельба, он перепугался и спрятался среди зарослей, раз-

дирая сучками в кровь лицо. Стрельба стихла — выбрался из кустов и с окровавленным лицом торопился попасть в гущу победителей, но по дороге наткнулся на погибшего Очура. Аажакай спешился, положил голову мертвого героя себе на колени и громко запричитал. Горевал старик искренне.

Весть о гибели Очура разнеслась быстро. Прискакал возбужденный боем и не веривший в смерть друга кайгал Барыймаа, за ним Мартаажык, Соок-Санчы. С каждой минутой народу становилось все больше. По щеке мужественного Баазана скатилась слеза, он ее не смахнул: думал, что имя Очура вместе с вестью о славной победе над белогвардейцами будет передаваться из уст в уста в северные, южные, западные и восточные хошуны...

После смерти Очура Анаймаа и Манмаа стали молчаливыми, замкнутыми.

Анаймаа не могла удержать слез горя и, плача, твердила:

— Столько страданий и мучений пережил от своих нойонов! Как же не уберег он себя от этих белых бандитов? Бедный, бедный мой отец...

Так говорила дочь. А мать совсем потеряла дар речи, и только слезы свидетельствовали о ее безысходном горе.

Похоронили Очура на просторах Шат-Ужу. И шелест черемухи над его могилой, и звонкий говор родников Чанагаша стали вечной музыкой в его честь и память. А плач кукушки, доносившийся часто со стороны могилы отца, еще долго надрывал раненую душу Анаймы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Разгром белогвардейцев стал роковым событием для Максима-кожая. Цепким был его хозяйский ум, но жадна до богатства душа. Где же такому понять, какое создалось положение в Танну-Туве! Прибирая к рукам все, что плохо лежит, он и не предполагал, что приход белогвардейцев, их власть — дело временное, что выбросят их на свалку истории, как негодный мусор. А потому несколько переусердствовал в отношении кайгала Барыймы.

В то время, когда купец собирался перегнать свои многочисленные и быстро растущие стада за Саяны и там продать голодающей новой власти подороже, четверо казаков привезли на его усадьбу избитого человека. Максим узнал в нем своего старого и грозного недруга. Теперь Барыймаа был связан, и купец дал волю кулакам. Крепко избив кайгала, он посадил его в каменный амбар под замок, так как казакам надо было ехать в Хондергей, встретиться там с белогвар-

дейцами. На обратном пути они обещали забрать разбойника и доставить его атаману для допроса.

Казак встретил Барыйму в лесу у Хемчика и пытался заставить проводить их до Хондергея. Не понимая, чего от него хотят, Барыймаа отказывался что-либо делать, и между противниками произошла жестокая схватка. Избив кайгала до потери сознания, они связали его, решив доставить непокорного урянха атаману, выяснить, почему он отказывался проводить казаков, хотя нойоны строгим указом велели всем аратам оказывать помощь белым войскам.

Но задуманному не суждено было осуществиться. Казаков, прибывших в Хондергей, как и засевших там белогвардейцев, окружили и уничтожили араты. Вожак у них был Хенче-Кара.

О том, что Барыймаа схвачен и заточен в каменном доме Максима-кожая, родственники и друзья кайгала узнали в тот же день. После недолгих разговоров было решено: жизнь Барыймы в опасности, его надо во что бы то ни стало освободить.

Ночь для вылазки выдалась самая подходящая. Лил дождь, порывы ветра заглушали все звуки. Четверо самых сильных и ловких парней бесшумно перемахнули через высокую ограду и оказались в усадьбе купца. Огромному, с теленка, псу смельчаки бросили кусок мяса, а когда вцепился в приманку — убили его. Под вой ветра прославленный силач, борец с почетным титулом льва Чыважык и его напарник Чамбала-Хаа ломami сорвали с петель крепкую листовенничную дверь амбара и в темноте, среди каких-то мешков, нашли связанного, опухшего от побоев, окровавленного Барыйму. Друзья перерезали веревки, и кайгал почувствовал свободу.

Вырвавшись из лап смерти с помощью своих товарищей, Барыймаа так возненавидел казаков, что в каждом русском видел теперь врага-белогвардейца и поклялся мстить до тех пор, пока хоть один из них останется на Хемчике. Прежде всего Барыймаа хотел расправиться с казаками атамана, затем с Максимом-кожаем, а потом уж — с каждым, кто под руку подвернется.

«Нельзя быть таким ненавистником, Барыймаа,— говорил ему, бывало, Очур.— Приглядишься к русским повнимательнее и ты найдешь среди них настоящих товарищей. Нельзя одианово смотреть на Максима-кожая, богача и мучителя бедных людей, и на его батраков, например, на хромого Мишку. Это такой же бедняк, как ты и я, он нам друг».

Барыймаа слушал Очура, соглашался с ним, и еще сильнее горело в нем желание сразиться с белогвардейцами, рас-

правиться с ненавистным купцом. И как только араты отпраздновали победу над атаманом, похоронив Очура и других погибших товарищей, отправился с друзьями в Даш-Бажын.

Максим-кожай крепко пожалел, что избил Барыйму, лишь когда его человек принес печальную весть о разгроме бело-гвардейцев.

— Ну, теперь жди любой пакости от этого разбойника,— смекнул он и принялся лихорадочно готовиться к побегу. Собрал все свои драгоценности, меха, прихватил на дорогу провизии и оружие, бросился с верными своими помощниками к плоту, который стоял в затоне Хемчика, и поспешно отчалил. Быстрые волны реки подхватили плот и понесли меж многочисленными островами к Енисею. Купец приказал держать под прицелом оба берега и стрелять в каждого появившегося всадника.

В то время, когда купец грузил вещи на плот, кайгал, нахлестывая лошадь, приближался к опустевшему каменному дому. Не обнаружив там богача, Барыймаа пустился в погоню за купцом извилистым правым берегом реки.

Максим-кожай держался левого берега и уже в низовьях услышал крики погони, но его спасли от глаза и пули кайгала многочисленные острова и лес. Моля бога о своем спасении, беглец ускокоился, лишь когда его плот оказался между отвесных скал Саянского каньона, по которому стремительно нес свои воды величавый Енисей...

...Баазан одиноко ехал к себе в аал. От минувших событий он ожидал значительных перемен в жизни. Ждал, что придет свобода действий и самостоятельность в труде. Но ничего этого не получилось. Перестали вдруг радовать и победа, и изгнание Максима-кожая. Не успокаивал прохладный влажный весенний ветер и щебет гнездившихся птиц.

С чем, собственно, он возвращается в родной аал и кем был теперь? С пустыми руками, а был все тем же батраком Баазаном, и вынужден будет снова пасти табуны Ундаа-чейзена, а сын бая Артына как был бездельником и насмешником, так и останется...

Революция смела с Хемчика только жадных до богатства иноземцев. Это, конечно, хорошо, — меньше кусающихся и сосущих кровь слепней. Но нойоны, тужуметы, мээрены, чейзены и прочие богачи со своими порядками и законами остались и продолжали присваивать чужой труд.

Вон стоит богатый аал с белыми высокими юртами. Он так и будет процветать. А вот недалеко виднеются черные низкие юрты бедняков. Мужчины этого аала, так же, как и он, дрались с беляками, рисковали быть убитыми, и теперь, после

разграбления лавки и подворья Максима-кожая, возвращаются домой кто с куском кожи, кто с пилой или топором, подобно Аажакану, который приторочил к седлу колун и кричал: «В лавке Шаажана-китайца мне досталась пачка табаку, из лавки Машиима хоть колун возьму!» Велико богатство! А некоторые еще пьют с Барыймой и Мартаажыком водку, которую обнаружили в бочке у купца.

Баазан не жалеет, что не остался веселиться: придет горькое похмелье, и все вернутся к своим делам — пасти чужой скот. Нет, не о том говорил покойный Очур. О полном освобождении трудового народа от власти и гнета богачей говорил он, о разделе пастбищ и всеобщем труде без нойонов и лам. Но его не все понимали.

«Кто же будет управлять делами,— спрашивали араты,— кому мы будем подчиняться, если не будет нойонов?»

Баазан не хотел подчиняться нойонам и чиновникам так же, как Барыймаа и Мартаажык. Но взгляды у них на жизнь были разные. Баазан ничего не взял из оставшегося имущества купца. А Барыймаа и Мартаажык старались захватить побольше. Их устраивала эта бурная, опасная жизнь, где можно показать свою удаль, а затем побольше за нее получить. Баазан не был трусом, но он не стремился нажиться за счет крови и смерти, признавал только честный труд. Ему тяжело жилось рядом с нойонами и чейзенами. Барыймаа и Мартаажыку было все равно, кто рядом: они не пасли чужой скот, а в русских Барыймаа видел только своих врагов. Вот и хромого Мишку, батрака Максима-кожая, чуть не избил. Хорошо, заступились за мужика он, Баазан, и Мартаажык.

Нет, не о такой революции говорил Очур, не о таких отношениях с простыми русскими людьми. «У русских тоже были свои нойоны, — вспоминал парень слова Очура.— Тот же Машиим-кожай и атаман Казанцев — русские богачи и угнетатели. Это остатки угнетателей, их революция выплеснула сюда, к нам. В Танну-Туву борьбу с ними продолжают партизаны и части Красной Армии. Цель красных — истребить до конца всех богачей, но поработать они не собираются никого. Большевики даже согласны, если наш народ захочет сделать Танну-Туву независимым государством. Закон о самоопределении наций принят в Советской России по указанию вождя революции».

Очур назвал его имя, но Баазан никак не может сейчас вспомнить это мягко звучащее имя. Ничего, обязательно вспомнит. Или спросит у хромого Мишки.

Много всяких мыслей приходило в голову Баазану. И чем больше он думал об Очуре, тем больше видел в нем своего учителя. Очур, пожалуй, не дал бы разграбить усадьбу Макси-

ма-кожая, а по справедливости все разделил бы между бедняками. И скот, по дешевке скупленный, а больше — награбленный за долги у народа, не присвоили бы богачи. Но нет Очура. Некому повести за собой народ. Придется ждать, когда весенние ветры справедливости подуют из Хем-Белдира, Красного города, как его теперь называют русские. Там, говорят, собралось уже много честных людей, таких, как Очур, и они вместе с большевиками хотят создать народную революционную партию и народное правительство, которые будут защищать аратов.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Наступил август. Баазан все лето вместе с матерью жил на Кара-Дазыре, по-прежнему гнул спину на своего чейзена. За это время в двух хошунах Хемчика и слуху не стало о белых.

Манмаа-Кадай перекочевал на старое свое стойбище, и Баазан был рад их приезду. Теперь он может часто встречаться с Анаймой.

Он увидел ее у ручья среди желтых цветов, когда пришел освежиться холодными струями. Анайма улыбнулась ему и опустила глаза к корням плакучей ивы, которые пили из родника воду.

— Анай!— тихо произнес Баазан.

— Баазан!— так же робко прошелестела девушка.

— Никак не мог выкроить свободного времени, чтобы поглядеться с тобой. Табуны кожая не давали мне покоя.

— Давно из тайги?

— Этой ночью.

— Когда обратно?

— Совсем решил не возвращаться...

— Не будешь пасти табун чейзена?

— Хватит с меня!

Баазан взял руки девушки в свои и, наслаждаясь их теплом и трепетом, некоторое время молчал. Анаймаа глядела на него во все глаза и улыбалась.

— А ты не боишься послушаться чейзена?— наконец, спросила тревожно.

Вместо ответа Баазан повел девушку на лужайку, в прохладное, тенистое место, и там оба опустились на ствол упавшей ивы.

— Не боюсь, Анай. Хватит бояться. «Не для того мы проливали кровь в битвах с китайскими и белогвардейскими угнетателями, чтобы, как и прежде, гнуть на вас спину»,— сказал я кожаю.

— А он что?— испугалась девушка.

«Ты не будешь пасти, а кто же?»— удивился он.

«Пусть берет плеть и садится в седло ваш сын Артына»,— ответил я.

«Ему нельзя ходить за табуном, он твой властелин, он обрзован и умеет читать!»— закричал визгливо Ундаа-чейзен. Но я будто не слышал его слов. Тогда он посмотрел на меня волком и зло сказал: «Не спеши, батрак, снимать идики, не увидев воды, не снимай ношу, не подъехав к горе. Ты, голодранец, рано начинаешь ходить на голове, смотри не потеряй ее».

— Но я не стал слушать его угрозы и ушел, крикнув: «Найдите табунщика посговорчивее!»

— Мой отец тоже не соглашался с властителями. И они жестоко пытали его. Что же будет с тобой, Баазан?— в страхе воскликнула девушка. Огромными казались теперь ее и без того большие черные глаза.

— Не бойся, Анай, они не посмеют. Сейчас араты не дадут себя в обиду. Я узнал от хромого Мишки, что в Суг-Бажы состоялся Всетувинский Учредительный Хурал, он провозгласил Танну-Туву независимой, самостоятельной, свободной. Хурал утвердил новый закон — Конституцию. Этот закон делает равными всех людей: и нойонов, и лам, и чейзенов, и нас, аратов. Этот закон запрещает бить людей при допросах. Но на Хемчике всячески стараются умолчать о таких важных событиях и решениях. Жаль, погиб твой отец, он бы первый начал борьбу против нойонов. Но я его ученик и вместо него понесу народу правду. Пусть ветер справедливости, как любил говорить твой отец, подует в бедняцких сумонах. Согласна ли ты разделить со мной судьбу?

— Да, Баазан,— воскликнула девушка.— Я хочу быть всегда рядом с тобой.

Баазан благодарно глянул на девушку и горячо обнял ее.

От счастья обоим не хватало воздуха, и влюбленные учащенно дышали полной грудью и долго слушали, как бьются их сердца.

— Сегодня же мы скажем о своем решении, Анай, нашим мамам,— наконец сказал парень,— и как можно быстрее сыграем свадьбу.

— Хорошо, Баазан,— чуть слышно отвечала Анай.

...Баазан с матерью к концу лета на скопленные в неустанных трудах деньги купили войлоку и поставили небольшую юрту. По сравнению со старой, родительской, она выглядела несколько лучше. А вскоре справили и свадьбу, скромную, по бедняцкому достатку, и молодая влюбленная пара начала совместную жизнь.

Севил-Кадай радовалась этому бесконечно. Ей казалось:

дни стали светлее, а жизнь — легче. За весь ее страдальческий век это событие было самым ярким, день свадьбы — несравненно счастливым.

И для Манмаа-Кадай этот день был самым радостным. При виде счастливых дочери и зятя засияла в ее глазах улыбка, забывтая за несколько месяцев после смерти Очура. Манмаа-Кадай выделила из своего небольшого стада долю в приданое дочери. А Севил растроганно говорила сватье:

— Мне теперь, кроме счастья сына, ничего не надо. Несколько овец, коз и две коровы будут нашим общим стадом. Я буду при молодых, и они меня прокормят.

Манмаа соглашалась с ней:

— Конечно, так, сватья. Лишь бы наши голубята жили в дружбе и согласии. Баазан работающий и себя в обиду не даст. Он, как мой Очур, с народом, и добьется лучшей доли.

Баазан работал старательно, во всем слушал советы старших, но не забывал рассказывать аратам в соседних аалах, товарищам по совместной вооруженной борьбе, о событии, происшедшем в Суг-Бажы. Некоторые не верили и, опасаясь гнева своих правителей, затыкали уши, советовали Баазану не разносить вредные слухи. Но молодого человека не смущали эти просьбы, порой звучавшие, как угрозы, а наоборот, возмущало то, что в местных чызаанах молчали о таком важном собрании, на котором приняты важнейшие решения и законы.

— Они боятся народа,— как-то пояснил эту причину хромой Мишка.— Помнишь, я тебе говорил, что это придется не по вкусу вашим нойонам. Они вынуждены поделиться властью с народом, а то и совсем лишиться ее. Аратов надо сбрать во всех сумонах, рассказать людям правду.

Баазан согласился со словами русского друга и требовал от местных правителей такого собрания. Те, ссылаясь на свою незначительную в сравнении с нойонами власть, уклонялись. Но вскоре народные собрания волной захлестнули хошуны. Люди узнали об Основном законе нового народного государства.

Потом пришло еще одно радостное сообщение. В Атамановке была разгромлена белая армия Бакича. В том бою погиб и атаман Казанцев, который позорно бежал с Хемчика.

Услышав об этом, Баазан искренне обрадовался и поспешил сообщить новость Анайме.

— Главарь белогвардейцев, в бою с которыми погиб твой отец, нашел смерть на берегах Элегеста от партизанской пули. Партизаны Кочетова отомстили за смерть славного борца революции!

— Чего же хотели белые?

— Они намеревались сначала разбить красных в Туве, накопить сил и открыть войну с большевиками за Саянами.

Жалкие попытки!— с насмешкой сказал Баазан.— Они ничего не могли сделать с нашим маленьким народом, с небольшой партизанской армией Кочетова. А еще замахнулись на Советскую Россию! Куда им — ведь в России Ленин, великий учитель всех трудовых народов!

— Ты вспомнил имя вождя русских, Баазан?

— Да, Анай. Твой отец много слышал о нем, бывая на севере.

— А он-то сам, Ленин, кто — русский или монгол?

— Русский, конечно. Твой отец и хромой Мишка рассказывали, что одно время Ленин жил недалеко от нас, на берегу Енисея. Охотился в тайге, видать, он лихой, смелый человек.

— Как, Ленин знает и нашу страну, и наш народ?

— Конечно. Он все знает, он ученый, он учитель, у него великие знания и великий ум. Он живет в большом русском городе Москве, которая очень далеко от нас. Но он оттуда руководит своими большевиками. Его указание, чтобы народы сами решали свою судьбу, пришло и к нам. Его армия — да ты же знаешь ее! Те красные воины, которые стоят в Кызыле, как теперь называют Хем-Белдир, и те, которые разгромили атамана Казанцева и генерала Бакича, — вот малая ее часть. Скоро и мы будем выполнять ленинские указания — забирать у богачей нажитое не их трудом и награбленное богатство, отдавать аратам лучшие пастбища, земли. Нам еще предстоит схватка с нойонами и их прислужниками. Русские братья нам помогут.

— Я боюсь за тебя, Баазан. Берегись Артыну. Он зол на тебя за то, что ты не стал пасти их скот, разносил вести о всенародном собрании. И еще — за то, что мы с тобой поженились. Он ведь не раз приставал ко мне.

— Я знаю, Анай. Он может напасть из засады. Так делают все трусы. Но не таков Баазан, чтобы погибнуть от рук ленивого и лживого человека. Красные ничего не боятся. Так говорил мне твой отец, так говорит и хромой Мишка. Завтра, кстати, я поеду к нему на мельницу, чтобы смолотить ячмень, который мы собрали на поле, и Миша мне обещал подарить — как это он сказал? — да, да, карточку, такую бумагу, и на ней — лицо Ленина.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Баазан никогда еще не видел мельницы. С помощью одной только текучей воды превращать зерно в муку! Посмотреть на это чудо съехалось в Теве-Хая много народу. Батраки, а точнее, бывшие батраки во главе с хромым Мишкой привет-

ствовали аратов, провели на мельницу, показали ее работу.

Баазан с некоторой робостью прошел внутрь. Ему очень понравилось, что хитрый Мишка заставил воду крутить колесо с лопастями, длинную железную ось, на которой вертелся круглый тяжелый камень, как потом Баазан узнал, жернов. Камень скрежетал и грохотал, словно гром, мял пшеницу, и мука струйкой ссыпалась на качающееся сито, а дно отделяло, сеяло белое облако прямо в мешок. Отруби росли горкой и понемногу ссыпались в сторону.

Баазан долго смотрел на работу мельницы, видел радостных, возбужденных аратов, которые уносили наружу в мешках смолотый ячмень, и думал: как хорошо, что на их земле живет такой славный парень — Миша! И, конечно, его товарищи.

— А-а, Баазан к нам пожаловал в гости!— сквозь шум и грохот услышал он знакомый голос, обернулся и увидел улыбающегося Мишку.

— Ну, здорово, таныш,— протянул тот побеленную мукой руку,— как поживаешь?

— Здравствуй, русский Миша! Пришел к тебе смолоть свой урожай. А живу я хорошо,— торопился Баазан сообщить о своих делах.— Как тогда бросил пасти скот чейзена, так и не вернулся к нему.

— Правильно, Баазан. Тебя теперь никто не может силой заставить работать на бая. Работай на себя. Твоему примеру следуют многие. И ни с голоду, ни от страха не умирают.

— Я, Миша, про тебя часто думаю. Умный ты человек, читать умеешь. Молод, а все знаешь, всему научился. Вот и мельницу построил, какой никто из нас никогда не видел.

— Пустяки, Баазан, свободный человек — с крыльями, он еще не такое смастерит-сделает, залюбуешься. А ремеслу всякому я на заводе с малых лет учился. Кузнечное дело хорошо знаю, вот погоди, скоро кузню открою со своими ребятами, приходи ко мне почаще, и тебя ковать подковы научу. И плуг железный откую, чтобы ты пахал не деревяшкой, а настоящим плугом. Тогда не один мешок ячменя соберешь, а десятки.

Миша похлопал Баазана по плечу, весело засмеялся. Арат благодарил русского парня за хорошие слова и тоже хлопал его по плечу, улыбался.

— Ну, теперь — засыплем в мельницу твой ячмень.

Баазан с готовностью пошел следом за парнем, и когда они опрокинули привезенные два мешка ячменя в короб, тронул товарища за руку и с робостью спросил:

— Миша, ты обещал мне дать карточку Ленина...

— Помню, помню,—приятно заулыбался тот.—Раз Мишка обещал, то слово сдержит. Вот смелем твой ячмень, пойдем в дом чай пить с лепешками из нового урожая, тогда и подарю я тебе дорожную карточку. Береги ее как зеницу ока.

— Я буду ее беречь, Миша, и всем, кто придет ко мне в гости, показывать.

Избушка Миши была совсем рядом с мельницей. В ней было тепло и уютно. В углу, напротив печки, стояла кровать с большой мягкой подушкой. На столе — пузатый самовар, массивный, медный.

Баазан еще ни разу не был в жилище русского человека, и ему интересно было все это увидеть. Он в нерешительности остановился у порога.

— Проходи, Баазан, не стесняйся, здесь женщин нет. Сейчас я тебе дам газету с карточкой Ленина.

Он прошел в комнату, вынул из-под кровати деревянный ящик и достал оттуда неизвестный арату предмет. Газета оказалась, на удивление Баазана, большой бумагой, и вся была испещрена мелкими черными узорами. На первом листе и правда была карточка — лицо человека, как бы отраженное в темной мутноватой воде. Миша подал газету любопытному Баазану.

— Вот это и есть Ленин,— сказал Миша и торжественно замолчал.

Баазан осторожно взял газету с карточкой. На него с доброй улыбкой глядел величайший человек мира. Арат долго смотрел на Ленина, и Миша ему не мешал.

Карточка поразила воображение Баазана. Он представлял себе Ленина божеством, разодетым в дорогие роскошные одеяния. Думал: «Не то, что Ленин, вон даже Буян-Бадьыргы, и то не по-нашему одевается, блеск так и слепит глаза». А на русском вожде был самый простой пиджак, совсем, как у Миши, да белая рубаха, да темный галстук. Но больше всего поразило арата само лицо — как будто даже знакомое, чуть скуластое, с раскосыми глазами. Никакого высокомерия, а главное — кичливости... Ленин на карточке, казалось, вот-вот заговорит.

— О Миша, какой простой человек Ленин! И на нем — ни шапки с чинзе, ни кандазы шелковой, ни одага из павлиньих перьев!

— Что ты говоришь! Ленин — не царь и не нойон, он вождь и учитель всего трудового народа, всех аратов всех земель. Понимаешь?

— Понимаю, Миша. Мудрый человек всегда прост. У нас тоже есть мудрые старики, они тоже добры и просты.

— Правильно говоришь: мудрость делает человека до-

ступным всякому и находит дорогу к сердцу каждого. Бери эту газету. Я тебе дарю ее,— сказал Миша.— Может, придет время, научишься читать и прочитаешь, что здесь написано...

Потом они пили чай с лепешками, испеченными из муки свежего помола, и Миша рассказывал о своей великой стране, о ее жизни, тяжелой в царские времена и посветлевшей после революции. Баазан жадно слушал его и все запоминал, чтобы потом рассказать Анайме, всем, кто бывает у него на стойбище. Многое он тут увидел и услышал впервые и уходил от приветливого хромого Мишки взволнованным, со светлыми надеждами на будущее.

*

Д а н д а р - о о л С А Р Ы К А И

ТЕЗКА ФЕЛЬДМАРШАЛА

Из повести «Столкновение»

Геолог Александр Васильевич Суворов, полный тезка великого русского полководца, пожалуй, на первый взгляд ни на кого не произвел бы особого впечатления. Одевается он всегда небрежно, бредется нерегулярно, парфюмерией пользуется редко и неумело, да и вообще не следит за своей внешностью. Но тем не менее, он далеко не ординарный человек. Вполне возможно, что в наши дни кое-кому покажется довольно странной и архаичной даже его биография. Дело в том, что родился он в семье крупного дипломата царского правительства, детские и юношеские годы его прошли в основном за границей тогдашней Российской империи, в Токио, Пекине, Тегеране, Лондоне и Кракове. Учился в Дрезденской высшей технической школе, посещал лекции в одном из древнейших университетов Европы, а диплом инженера получил в Московской Горной Академии в числе первых ее выпускников. Дальше. В совершенстве владеет шестью иностранными языками, великолепно знает историю культуры, архитектуры и религии стран Востока, безмерно любит старинные русские романсы, а современную ритмическую музыку начисто отвергает. Еще. Хорошо рисует цветной тушью, при этом чрезвычайно мило и выразительно получают у него моментальные пейзажные наброски, выполненные, между прочим, в стиле классической японской миниатюрной живописи. Вероятно, когда-то в молодости он был страстным книголюбом. Это видно хотя бы из того, что Александр Васильевич до сих пор по памяти отлично знает довоенные адреса всех букинистических магазинов Москвы, Ленинграда,

Ташкента и других больших городов. Сейчас он, правда, слишком ревниво бережет свое зрение и, к сожалению, постепенно утрачивает большой интерес к художественной литературе. Во всяком случае, за всю прошлую зиму он прочитал только одну маленькую книжечку, что, конечно, никак непростительно человеку, обладающему богатейшим интеллектом. Хуже того, в последнее время он писать тоже почти перестал. Причина этому, как нетрудно догадаться, опять же в боязни потерять зрение. Жаль! Эх, как замечательно было бы, если бы он записал на бумаге свои воспоминания! А вспоминать ему есть о чем, да еще как! Его долгая жизнь необычайно плотно насыщена событиями, причем событиями значительными, историческими, неповторимо уникальными. Так, ему довелось быть очевидцем штурма Зимнего Дворца. Ему посчастливилось два раза слушать живой голос Владимира Ильича. Он был лично знаком с Сергеем Мироновичем Кировым, с академиками Карпинским, Обручевым и Ферсманом. В бурные годы революции юному студенту Саше Суворову иногда приходилось надевать красноармейскую шинель, брать в руки боевую винтовку и даже стрелять, как он сам деликатно выразился, «по движущимся двуногим мишеням». А вот о том, часто ли он попадал в эти «двуногие мишени», Александр Васильевич обычно умалчивает. После окончания гражданской войны, тоже по его собственному признанию, он «с головой ушел в геологию» и по сей день так в ней и ходит.

А ходил он, как правило, по бездорожью, по звериным тропам, по каменистым руслам безымянных рек, по топким болотам тундры, по раскаленным пескам среднеазиатских пустынь. Ходил, не торопясь, размеренными шагами, внимательно изучая все то, что попадалось ему в пути. Всю жизнь он искал земные клады для счастья и богатства людей. Много искал и много находил. Если все его находки собрать на одном месте и оценить в деньгах, то счет пришлось бы вести в триллионах, квинтильонах и тому подобных астрономических цифрах. А как же иначе? Он ведь находил апатиты в Хибинах, нефть в Поволжье, горючие газы в Каракумах, цветные металлы на Севере, кимберлитовые трубки в Якутии. Он прямо и непосредственно причастен к решению остройшей одно время так называемой «урановой проблемы». Он неоднократно выдвигал восхитительно смелые гипотезы относительно прогнозирования рудоносности тех или иных геологических провинций. И эти гипотезы впоследствии блестяще подтверждались на практике.

Да, в старину Александра Васильевича непременно назвали бы фартовым человеком, и отчасти были бы правы. Что верно, то верно, удача сопутствовала ему чаще, чем другим.

Но он никогда не надеялся на слепую удачу, нет, не в его правилах было ждать благосклонности фортуны. Какая-то доля везения была, конечно... Но главное — не в везении, а в его глубочайших знаниях структуры земной коры, в огромном жизненном опыте, в фанатичной преданности своей нелегкой профессии и, наконец, в трудолюбии. Особенно в трудолюбии, это обязательно нужно подчеркнуть.

Впрочем, со стороны Александр Васильевич совсем не похож на человека с хорошей физической закалкой. Наоборот, он выглядел вялым, хилым, ленивым. Но в трудолюбии и выносливости редко кому удавалось соперничать с ним. Даже сейчас, в преклонном возрасте, он запросто, без малейших признаков усталости проходит по тайге расстояние, скажем, тридцать километров в сутки. А это, знаете ли, не каждому спортсмену или охотнику-промысловнику под силу, не говоря уже о семидесятипятилетнем старике. Примечательно, что Александр Васильевич в шутку называл себя «старой росомашой». И в этой шутке есть определенный смысл. Грешно, конечно, сравнивать прекрасного человека со зверем, да еще пользующимся плохой репутацией. Однако в поведении и привычках геолога Суворова и таежной бродяги росомашки обнаруживаются некоторые сходства. Например, оба они неутомимые странники, искуснейшие, можно даже сказать, непревзойденные мастера поиска; оба ведут тихий, скрытный, спартанский образ жизни, неприхотливы в выборе пищи, хорошо переносят длительное одиночество и вообще стараются избегать какого бы то ни было общества. Одним словом, неисправимые отшельники. Ну вот, теперь должно быть понятно, на что намекает Александр Васильевич, уподобляя себя росомаше. Оригинальная самохарактеристика, не правда ли?..

Да, старый геолог Суворов нелюдим и молчалив. Пожалуй, более мрачного партнера в любом деле, чем он, трудно найти. Однако Сенгин, живя с ним бок о бок в одной избушке, вдвоем коротая длинные и скучные зимние вечера, иногда все же ухитрялся втянуть его в довольно-таки оживленные беседы. В ходе таких бесед неожиданно выяснилось, что Александра Васильевича мало интересуют обычные житейские заботы и хлопоты, но он моментально преображается, вдруг становится чрезвычайно активным и агрессивным полемистом-спорщиком, если речь пойдет о глобальных общечеловеческих проблемах. Сенгин с удивлением заметил, что старый геолог яростно защищает свои мировоззренческие позиции, даже когда они явно ошибочны с точки зрения здравого смысла. Например, Суворов искренне восхищается колоссальными достижениями современного научно-технического прогресса, но тут же высказывает неодобрение многим

его ключевым, основополагающим аспектам. По мнению Александра Васильевича выходит, что человеческий разум несколько преждевременно раскрыл сокровенные тайны микромира; старик наивно полагает, что людям до поры до времени гораздо спокойнее жилось бы без всяких там мезонов, мюонов и гиперонов, хотя бы до двухтысячного года вполне можно было обходиться знанием лишь только об электронах и протонах. Это, безусловно, в корне ошибочный и антинаучный взгляд. Поэтому Сенгин возмущался, стыдил старого друга, доказывал ему, что познание фундаментальных законов мироздания никогда и никому не вредило и не будет вредить, наоборот, именно благодаря этому познанию человек станет подлинным властелином Природы. Суворов этого не отрицал, в знак согласия утвердительно кивал головой и говорил о том, что когда-то, в давние времена, люди по глупости выпустили из волшебной бутылки чудовищного Джинна, который сразу же начал беспощадно крушить и убивать своих освободителей. Но тогда дело кончилось благополучно, ибо нашелся-таки один мудрец по имени Гасан Абдурахман ибн Хоттаб, сумевший хитростью вогнать обратно в бутылку разбушевавшегося Джинна. Если паче чаяния история повторится, то непременно придет конец всему живому на земном шаре, ибо второго спасителя рода человеческого, вроде Гасана Абдурахмана ибн Хоттаба, нет и не будет!— грозным предупреждением закончил Суворов.

Ну что же, во-первых,— это вовсе не история, а сказка. Во-вторых, что хотел сказать Суворов, в вольной трактовке используя сюжет известной арабской сказки? Оказывается, он хотел сказать, что человек, овладев могущественной энергией ядра, может надавить пальцем на некую запретную кнопку с надписью «пуск». Неважно, сделает это он по неосторожности или подчиняясь приказу сверху,— результат будет ужасающим, по образному выражению Александра Васильевича, «вся цивилизация дотла сгорит в пламени адского огня».

Правильно, ракета со смертоносной боеголовкой в любой момент может взлететь по направлению намеченной цели. Ведь ни для кого не секрет, что в настоящее время над миром нависла реальная угроза вспышки термоядерной катастрофы. Ясно, что эту страшную угрозу нужно во что бы то ни стало предотвратить, причем предотвратить не искусственным сдерживанием, не торможением закономерного хода развития научно-технического прогресса, как мыслит Суворов, а путем полного запрещения производства и применения оружия массового уничтожения. Конечно, Александр Васильевич, будучи образованнейшим человеком, все это дол-

жен понимать, но рассуждает по-детски, словно несмышленный ребенок. Да и это еще куда бы ни шло, если б он ворчал только о мезоны, гипероны и прочие элементарные частицы. Сенгину стало известно, что Суворову не по душе и кое-что другое. Мягко говоря, старик недолюбливает современные тепловые электростанции, химические заводы, воздушные лайнеры, океанские суда и большегрузные автомашины. Их он называет ненасытно прожорливыми монстрами, химерами, изрыгающими яды, отравляющими природу. И вообще Александр Васильевич считает, что гигантизм и сверхзвуковые скорости в технике сейчас больше ставят перед человечеством проблем, чем приносят людям пользы.

Суворову, как крупному специалисту по региональной геологии, хорошо известны сведения о запасах полезных ископаемых, содержащихся в земной коре. Он своими глазами видит, какими быстрыми темпами истощаются в последние годы эти невозполнимые запасы. Именно это обстоятельство сильно беспокоит и пугает Суворова. У него нестерпимо болит душа, когда видит он черный шлейф дыма, нескончаемыми вихревыми клубками вырывающегося из высоченных труб промышленных котлов, унося с собой в атмосферу миллионы тонн каменного угля, нефти и газа. Суворов убежден в том, что люди до сих пор не научились ценить и рачительно использовать ископаемые богатства земли. Он считает, что человек, вместо того, чтобы совершенствовать конструкцию нужных ему машин, искать и находить способы повышения их КПД, слишком поспешно занялся созданием «прожорливых монстров», в которых пока что нет большой нужды. Так он и сказал: «...в них пока нет нужды». Каково!..

Если вдумчиво разобраться, то в рассуждениях Суворова, безусловно, есть доля истины; но одновременно все это окажется просто-напросто сердитым брюзжанием старого человека, доживающего свой век. Все это не что иное, как философия, точнее, заумные мудрствования замкнувшегося в свой крохотный мирок отшельника. Придя к такому выводу, Сенгин не стал спорить с Суворовым, считая это бесполезным делом. И, видимо, правильно поступил, так как переубедить Александра Васильевича в его-то возрасте поздно, а может быть, даже и не нужно...

Шли дни. Состояние здоровья Суворова по-прежнему оставалось тяжелым, а вот погода, к счастью, начала понемножку улучшаться. В сплошных, медленно ползущих на восток облаках временами нет-нет да и появлялись светлые проемы неба. Однажды утром, как раз через одну из таких проголызин в облаках бесшумно опустился на посадочную площадку в Кок-Даше небольшой самолет. Ловко спрыгнул

на землю худощавый, седоусый, но очень моложавый генерал. По-военному лихо козырнув, он представился Сенгину старшим сыном Александра Васильевича, Даниилом Суворовым. Другой пассажир самолета, розовощекий, низкорослый толстяк застрял было в дверях, но Сенгин вовремя подскочил к нему и помог сойти вниз. Он оказался младшим сыном Александра Васильевича, доктором медицины Гавриилом Суворовым. Ровно через час сыновья увезли больного отца.

✱

Монгуш ЭРГЕП

ВОЛШЕБНЫЙ ОДУГЕН*

— В горах погода меняется по несколько раз на дню. Не забудьте теплые вещи.

«Зачем они в такую жару?» — как всегда, засомневался я, но, наученный горьким опытом, промолчал.

Мальчики помчались. Я позади всех кое-как еду, часто останавливаюсь. До речки, на берегах которой росли высокие ели и лиственницы, добрались только в полдень. Тотчас налетели большие комары. Оказывается, чары — ездовые олени — совсем не терпят укусов: они, бедные, то ложились, то вставали, то пританцовывали.

А как много смородины в этом лесу! Ягода была крупная, рясная, ветки смородишника казались сплошь унижанными черными бусами. Тут из-под куста выскочили зайчата. Они казались беспомощными, их, наверное, можно было перебить камнями. Но ребята вовсе не трогали их. Наоборот, даже каждой из сопровождавших нас собак переднюю лапу к шее привязали: так им не угнаться за зайцами.

Нурзат вспомнил кстати:

— Папа сказал, что если собаки загрызут хоть одного зайчонка, нас больше не пошлют за дровами.

Артыш-оол кивнул в знак согласия.

Мы помазались «Тайгой», но огромные желтые комары все равно не давали покоя. Воюя с ними, мы не заметили, как над нами появилась черная туча. Спихватились лишь, когда она совсем закрыла солнце. Стало темно. Покачнулись деревья, и с шумом и треском на нас обрушился сильный ветер.

— Зря пожадничали с этими ягодами, надо было раньше удирать, — прокричал сквозь вой ветра Артыш-оол. — Бежим под ту толстую ель!

* Окончание. Начало в № 19.

Уже когда мы спрятались от дождя под ее кроной, я поинтересовался, почему не побежали к разлапистой лиственнице: до нее было ближе, да и выглядела она более надежным укрытием...

Артыш-оол покачал головой, явно копируя отца:

— В грозу нельзя стоять под лиственницей. Опасно, может молнией ударить.

— А под елью?

— В ель молния редко бьет.

Дождь лил так сильно, что струи казались арканами, протянутыми с неба на землю.

Здесь, в горах Одугена, дождь не такой, как в Кызыле. Молнии сверкают ослепительно, гром гремит оглушительно, ветер воет бешено, дождь — как из ведра. Огромные язычковые молнии беспрерывно обрушивали на нас вой и грохот. Казалось, небо готово было огненными языками слизать все живое с лица земли.

— Спрячьте головы! — скомандовал Артыш-оол. — А то волосы притянут молнию...

Мы разом попрятали свои головы под рубашки. Я хоть и был встревожен, но виду не показывал и, подражая мальчишкам, громко свистел, отпугивая молнии. Сильный дождь забил комаров в траву. Наши чары ободрились и спокойно, не обращая внимания на грозу, щипали мох на полянке.

Старая ель долго не пропускала дождь, но под конец и с нее закапало.

Воздух, земля, деревья, трава — все стало мокрым. Сделай шаг в сторону от ели — вмиг вымокнешь с ног до головы.

Гроза ушла, оставив в память о себе мелкий, морозящий дождь. И этот дождь нас преследовал до самой стоянки. Мы промокли насквозь. Трудно представить, что было бы с нами, не возьми мы в путь по совету матери Артыша толстые рубашки. Но зато прибыли не пустыми — четыре оленя были полностью нагружены дровами.

НЕВИДИМЫЕ ВРАГИ

Самбуевича очень редко можно было застать на стоянке. Иногда мы не видели его неделями. Приедет поздним вечером, переночует, а ранним утром опять его нет. Уедет к дальним пастбищам, и никакая непогода его не остановит. Крутые хребты и ущелья Одугена были для него жильем.

Однажды я спросил Самбуевича:

— Вы всегда ездите один? Наверное, очень страшно?

— А я не один. Есть у меня меткое ружье, острый нож да быстроногий чары. Чем они не друзья мужчине, а?

— И чего твоему отцу не сидится в палатке?— спросил я как-то у Артыша.— Все время ездит и ездит.

— А твой отец разве все время дома?— ответил он мне вопросом на вопрос.

— Нет, конечно. Приедет с работы и сидит за газетами.

— А мой папа читает газеты на ходу.

— Почему?

— Папа — бригадир. Он объезжает всех оленеводов. Тебе Одуген может показаться безжизненным нагромождением камней. А на самом деле за тобой следят десятки, а то и сотни глаз хищников — волков и медведей, которых ты не видишь. Ты еще далеко-далеко, а они уже чувствуют тебя и прячутся. А заметили оленя, который отбил от стада, — сразу нападают на него. Вот почему у папы и у всех взрослых нет времени сидеть в палатке и читать газеты. Они всегда возле скота.

— А волки боятся людей, Артыш?

— Боятся! Они боятся даже людских следов и запахов. Но иногда, если сильно голодны, становятся страшными. Пока пастух с одной стороны стада, они подкрадываются с другой. Даже возле палатки могут задрать скот.

Нурзат опасливо вставил в разговор:

— Нельзя говорить о волках плохое, у них уши — сама земля, услышат и натворят бед. Так моя бабушка говорила.

— Ну, это ерунда!— решительно отмахнулся Артыш-оол.— Женщины всякое могут наговорить. Волки ведь не знают человеческого языка.

— А вот посмотрим.

— А что посмотрим?

— Ночью они придут.

Артыш-оол промолчал. Может, бабушка и права, волки и в самом деле могут прийти. Они уже несколько раз беспокоили скот, поднимали на ноги собак и лошадей.

Но в эту ночь обошлось. Зато пошел сильный дождь. Струи его громко стучали в палатку и ночь, и целый день, и еще ночь и день. Вся земля покрылась водой. Мы совсем промокли, пока отпускали и привязывали оленят. Мои друзья, однако, бегали босиком — наперегонки от палатки к палатке, разбрызгивали лужи. Оля и Чойганмаа в тоненьких платьишках состязались с ними. Они подставляли под дождь непокрытые головы, убежденно заявляя, что от дождевой воды хорошо растут волосы.

Вечером мы с аппетитом ели хлеб с оленьим молоком. Керосиновая лампа под стеклом хорошо освещала палатку. Тело Артыш-оола от загара казалось совсем смуглым, мое тоже было не таким белым, как в день приезда.

Тетя Суямаа, придя с улицы и не снимая дождевика, озабоченно сказала:

— Они обычно наведываются в непогоду, когда люди спят. Сегодня наверняка придут. Будьте внимательны, ребята. А где же у нас патроны от двустволки? Давайте-ка приготовим их.

Женщина закрепила патронташ на поясе.

Я долго боролся со сном и не заметил, как заснул. Ночью меня разбудили крики людей, лай собак. Сильно чадила лампа, в палатке никого, кроме меня, не было. Раздался близкий выстрел. Я мигом надел фуфайку и вышел под дождь. Было так темно, что я даже не видел собственных рук. В темноте мне начали мерещиться злые огоньки волчьих глаз. Я тотчас сиганул назад в палатку.

Слышно было, как бегают олени, потревоженно хрюкают, будто свиньи. А где же люди? Наконец, слышу чей-то тонкий голос, кажется, Сережиного отца:

— Волки это были! Когда сверкнула молния, я увидел одного возле караганника. Выстрелил. Сейчас они, должно быть, удрали.

Что-то отвечала ему тетя Суямаа. А потом я узнал Олин голосок:

— Несколько оленят побежали вниз по реке, я их вернула. Чойганмаа помогла.

Какие они бесстрашные, девочки Одугена! В такую темную ночь выйти к волкам один на один! Мне стало стыдно прятаться в палатке...

Оказалось, этой ночью волки чуть не загрызли моего смиренного оленя. Утром я видел, как кровь тонкой струйкой стекала по шее к ногам чары. Мне стало так жаль животное, что я не сдержался и на глазах у всех расплакался. А потом, успокоившись, поклялся защитить моего оленя от злых волков.

В следующую ночь мы вместе с Артыш-оолом, взявшись за руки, безостановочно ходили вокруг стада, криками отпугивая хищников. Оказывается, глаза привыкают к темноте.

И все же утром стойбище не досчиталось одного оленя. Невидимые враги воровски утащили его из стада.

— Если каждую ночь отдавать волкам по оленю, стоит ли нам пасти скот!— убивалась тетя Суямаа.— Нас тут столько народу, а толку никакого. В следующую ночь выйдем не по сменам, а все разом. Поспим днем...

Так и сделали. Зато в следующие ночи не потеряли ни одного оленя. А дождь все лил и лил, будто небо и впрямь продырявилось над нашими головами. Однако всему бывает конец. И дождь перестал. Но еще долго мерещились моно-

тонные удары капель о брезент палатки. Хребты Одугена покрылись снегом от вершин до подножий. От них дуло холодным ветром. Взрослые уже не выпускали нас на улицу без курток. Тяжелый туман плотно лежал в долине, не в силах подняться выше елей.

И тут в стойбище появился, наконец, бригадир на своем белом чары. Я почему-то думал, что дождь насквозь промочил Самбуевича, а он заявился совершенно сухим.

— О-о! Почему же у Бараана Самбуевича сухая фуфайка?

— Если мужчине промокать на дожде, то зачем ему выходить в горы, на пастбище, Онер? Хороший оленевод за три ночи дождь чувствует, всегда успеет подготовиться к нему.

— Нам тут было худо,— пожаловалась, вместо приветствия, тетя.— Отдали волкам одного чары.

Самбуевич поморщился:

— Вас тут вон сколько! Как же это вы не укараулили оленя, а?

— Старались, но...

Самбуевич рассердился:

— Кто так старается? Волки — это дикие звери, они боятся людей, убегают. Отдать им скот могут только засони, растяпы.

Через несколько дней к подножию дальней горы стали слетаться хищные птицы. Самбуевич нашел там мертвого волка. Значит, все-таки попал в него отец Сережи.

ПИСЬМО

На наше стойбище почта приходила не каждый день, и даже не каждую неделю. Однажды, пригнав оленей в стойбище, я заметил оранжевые ленты в волосах Оли и Чойганмы.

— Где ты, Оля, взяла такую красивую ленту?

— Сестра из села прислала. Почту привезли...

Когда мы с Артыш-оолом вошли в палатку, на столике лежали новые книги, много газет и письмо. Я сразу узнал мамин почерк. Распечатал письмо и принялся, по просьбе Артыша, читать его вслух. Но уже после первых строк мне стало так жарко, что даже вспотел.

«Скучаю по тебе, мой милый сыночек,— писала мама.— Целую тебя, мой миленький, в носик и в щечки...»

Артыш-оол возразил:

— Как это можно — целовать человека на таком расстоянии? Ерунда какая-то! Лучше бы написала: «Поцелую, когда ты приедешь».

Я промолчал. Но подгоняемый любопытством друга, продолжал чтение: «Наверное, ты уже совсем стал грязненьким, мой малыш? Попроси, чтобы постирали твоё белье. Или постирай сам, сыночек. А если головка зачесется, вошки заведутся, сразу скажи взрослым, мой малыш...»

Я готов был возненавидеть эти слова: «малыш», «милый», «головка»... Хорошо еще, что их не слышали Оля и Чойганмаа. И чего мама беспокоится понапрасну? Можно подумать, что здесь одни дикари живут. Рубашки все время стирает и гладит тетя Суямаа. Каждую субботу моемся в баньке, почти не вылазим из небольшого теплого озера, что неподалеку от стойбища.

Артыш-оол не сдержался:

— Как это в человеке может что-то завестись, что он, белка дохлая?

Хотя в конце письма было добавлено, что мои родители уезжают отдыхать на Черное море, я сразу сел за ответ. Письмо получилось сердитым: «Здравствуйте, мама и папа,— начал я.— Зачем вы написали такое плохое письмо!? Какой я вам «малышка» и «неженка»? Что значит «вошки заведутся»? Больше мне не пишите такие плохие письма! Если бы вы просто попросили рассказать, чем мы тут занимаемся, я бы написал вам очень много. А теперь — извините». Письмо вложил в конверт, надписал на нем адрес и сразу же, боясь, что не хватит решимости, отдал его почтальону.

ЛЕЖКИ НА СНЕГУ

Даже в самую большую жару на вершинах Одугена лежат нетронутые снега. Глянешь на них — глазам больно.

Чтобы найти оленей, надо идти туда, где снег.

Однажды мы на своих чары отправились к верхним гольцам. Ребята, заметив впереди большие снежные сугробы, стали с криком погонять в их направлении ездовых оленей. Я не отстаю от них, при желании могу и обогнать. Но я постоянно чуточку придерживаю моего четвероногого друга.

На снегу что-то зачернело. Оказалось, это олени спокойно и с удовольствием спали в сугробах. Когда мы погнали их домой, они отказывались подчиняться — бежали обратно к своим лежкам. Кое-как мы их отогнали от прохладной постели.

РАЦИЯ

Однажды в нашу палатку вошел Нурзат и сообщил, что у него заболела мама. Самбуевич забеспокоился:

— Надо срочно связаться по рации...

— Ой, боже!— обеспокоилась и тетя Суямаа.— Началось, значит. Пойду к ней. А вы, ребята, привяжите козлят и отгоните мынды,— наказала она нам.

Только сейчас я понял значение длинного белого шеста, который был укреплен у Сережиной палатки.

— Вот этот столб и передает наш разговор с поселком,— деловито объяснил мне Сережа.— Видишь, провода идут от него в палатку? Без них невозможны никакие переговоры.

Когда мы вошли, Самбуевич крутил какую-то рукоятку на небольшом гудящем ящичке и громко разговаривал:

— «Вторая» слушает! «Вторая» слушает! Прием, прием!..

Через несколько минут он снял наушники и сообщил собравшимся в палатке:

— Прилетят...

Часа через полтора первой подала тонкий голосок Оля:

— Вертолет! Вертолет!

Все мигом повыскакивали из палаток. Олени настороженно подняли головы, «застригли» ушами. С приближением вертолета они, сверкая белыми задками, бросились врассыпную — кто куда.

Мы, забыв про оленей, побежали к большому голубому вертолету, севшему на поляне возле стойбища. Из него вышли двое в белых халатах: тувинка и русский. Они быстро, на ходу приветствуя людей, прошли в палатку Нурзата. А мы, окружив вертолет, разглядывали его, но не успели оценить достоинства крылатой машины, как врачи, поддерживая под руки мать Нурзата с обеих сторон, подвели ее к вертолету и посадили внутрь. Крылатая машина сразу поднялась, быстро набрала высоту и исчезла из виду.

— Чем, Нурзат, заболела твоя мама?— наивно спросил я.

— Она поехала за маленьким братишкой,— заважничал мальчуган.

ВОЛШЕБНАЯ ПОГОДА

Как-то после затяжных дождей я обрадовался ясному небу:

— Ой, какое оно хорошее да ласковое!

Самбуевич, который седлал своего белого оленя, заметил:

— Плохое, ребята, в погоде проходит, а вот если человек сделает что-нибудь плохое, то это уж навсегда.

— Как это так?— не понял я.

— Да-да! Сколько бы погода не дождала, сколько бы ни ветрила, все равно прояснится. А если человек сделает какую-нибудь подлость другим, то она останется в памяти людей. Потом он хоть сколько сделает добрых дел, при встрече

че с ним обязательно скажут: «Тогда-то он совершил плохое, а сейчас вот немного поправляется...» Как говорят у нас: «Поскользнувшись — падают, опираясь — встают». В этих словах, как и в русской поговорке «Береги честь смолоду», глубокий смысл.

Почему-то Артыш вздохнул, следом за ним и я тоже.

— Смотрите, ребята, человек должен быть чистым с малых лет. В плохое дело не ввязывайтесь! Есть неписанные законы жизни — человек не вправе перешагивать через них.

Вспомнив начало разговора, Самбуевич улыбнулся и сказал:

— У нас в Тодже небо, словно ребенок: то плачет, то смеется. Пока сварить чай — и солнце увидишь, и под дождем вымокнешь.

— Погода здесь волшебная, Онер, — продолжал дядя Бараан. — Поживешь у нас подольше — поймешь, что в Тодже волшебна не только погода, а и все вокруг — хребты, реки, озера... Есть у меня друг, всю Тоджу объехал вдоль и поперек; зовут его Иван Алексеевич. Ты его скоро увидишь. Раз как-то зимой — тогда он впервые приехал сюда — мы с ним пошли на охоту. Заночевали у костра. В ту ночь выпал большой снег. Утром мой друг будит меня: «Бараан! Не помер ли ты?!»

Оказывается, проснувшись первым, Иван посмотрел на меня и ужаснулся: я полностью завален снегом, а снег ни-сколечко не тронут сверху, будто на бревне лежит. Иван очень испугался тогда, подумал, что я замерз. А я проснулся как ни в чем не бывало. Он глядит на меня и говорит:

— Какой ты волшебный человек!..

— Да ведь Иван Алексеевич всегда так говорит, — вмешалась в разговор тетя Суямаа. — Он называет волшебными и Тоджу, и оленей, и людей...

— А почему в ту ночь снег с вас не упал, дядя Бараан? — спросил я.

— Таежнику нельзя много шевелиться во сне, а то свалится брезент, которым он укрыт сверху, и одежда намокнет.

У ОЗЕРА

Олени ушли на дальние озера, и мы отправились за ними. Большое озеро было таким чистым и прозрачным, что просматривалось до дна. Косяки рыб сновали в воде туда-сюда. Вот проплыли большие черные рыбины с красными хвостами.

— Щуки, щуки! — кричу я, полагая, что самые большие рыбы — все щуки.

— Это не щуки, — поправляет Нурзат.

— В горных озерах не бывает щук,— поддерживает его Сережа.— Есть только хариусы и ленки.

— И тайменей порядком,— подытоживает Артыш.

Но про рыб мы завели речь потом, а сначала меня поразило, как много было на озере птиц. Завидев нас, они громко закричали, захлопали крыльями, по воде уплыли на середину озера. Потом успокоились, стали подплывать к берегу. Вот совсем близко плывут утята, рядом с ними — настояренные мамы. Дальше плескались крупные птицы — серовато-белые. Артыш назвал их гусями.

Было здесь и несколько озер поменьше, соединенных друг с другом ручьями. А в ручьях тех рыбы!.. Сколько ни пугай — хариус идет и идет косяками. Сережа и Артыш-оол разом скинули с себя майки и давай ими ловить серебристых рыб. Я последовал их примеру, зачерпнул в воде — и едва поднял майку. Вывалив улов в траву, насчитал целых восемь хариусов. На Енисее у Кызыла и за целый день столько не поймашь. Но ребята заметили:

— Отпусти их скорей обратно в воду! Это же мальки, зачем их брать!

Сами они отпустили обратно в ручей рыб и покрупнее. Брали только самых больших хариусов с пестрыми плавниками.

Я ловил бы и ловил так целый день. Но ребята, отобрав с десятка крупных хариусов, прекратили ловлю.

— Летом не надо много рыбы, зря только испортится,— рассудительно заметил Нурзат.

Возле озера нашлось много съедобных растений. Ребята выдергивали из земли и жевали короткие растения с широкими листьями,— позже я узнал, что зовут их ревенем. Стебельки на вкус кисловато-сладкие, будто кумыс. Пожуеть — слюны потекут. Еще мы ели крупное полое растение балдырган,¹ тот самый, который так любят медведи, только предварительно обдирали с него жилистую корочку. По вкусу он напоминал свежий огурец. Были здесь и щавель, и еще какие-то... Я принялся все подряд выдергивать и пробовать на язык. Попалось мне и длинное растение с узким листом, но когда я показал его ребятам, они тотчас закричали:

— Бросай скорее! Ядовитое! От него опухнут губы, язык, изжарятся желудок, кишки. Не разбираешься в таежных травах — не суй в рот что попало...

...Собрав оленей, мы погнали их к палаткам. А я дорогой все размышлял: «У бригадира было хорошее ружье, но он ни разу за четыре дня нашего пути не выстрелил из него. Косули, зайцы были рядом, смотрели на нас, а он спокойно

¹ Борщевик.

ехал себе, покуривая трубку, будто совсем забыл о ружье. А мои друзья, вот эти ребята, они тоже не стали ловить много рыбы. Нет, народ здесь какой-то странный...»

— У вас что, не стреляют ни в зверя, ни в птицу, Артыш?

— Почему же? Стреляют, но только когда придет сезон. Иначе нельзя.

ОЛЕНИЙ МОХ

Оказывается, олени не питаются первой попавшейся травой. На Одугене есть мох—ягель, который бел, как молоко, мягок, как вата. Горы в таких местах кажутся покрытыми снегом. Олени подрезают мох острыми передними зубами и жуют с треском и с таким удовольствием, что даже слюни тянутся у них до земли.

Интересно, а что еще едят олени? Мне пояснили, что они также едят длинные, свисающие с елей моховые нити. Не отказываются олени и от мягких влажных осенних грибов. Осенью в поисках их они могут забрести куда угодно. На заготовленное людьми сено даже не посмотрят, зато соль — их первое лакомство: как только учуют соль, не отстанут от человека, пока не получат ее.

Только сейчас я понял, почему Артыш-оол, когда хотел поймать чары, качал рукавом рубашки и цокал языком, будто собаку подзывал. Олени тогда бежали к нему, опережая друг друга — они надеялись получить свою горстку соли.

ГОРЯЧАЯ ВОДА

Однажды утром Самбуевич сказал:

— Надо всем побывать на аржаане. Оленеводам, которые работают то в жару, то в холод, то в сырости, будет очень полезно покупаться в целебной воде. Пусть едут все — и старые, и малые, а на ферме останутся только пятеро мужчин.

Мы, мальчишки, так обрадовались, что сразу же начали ловить чары. Прирученных оленей ловили старым способом: заманивали солью. А диковых, которые убегали, — арканами. У оленей молодые рога в эту пору болезненны, и поэтому стоит накинуть аркан на рога, они уже не упираются.

Старых чары обычно седлают под ездоков, а молодых, необученных, готовят под выюки. На оленей не надевают уздечки, как на лошадей, но и не дырявят им ноздри, как волам, — просто на голову набрасывают недоуздок. Несмотря на это, чары легко управляемы — куда их ни направишь, туда и спешат.

До аржаана мы ехали сутки, минувя огромные каменные россыпи и высокие скалы.

Изиг-Суг оказался настоящей горной речкой. Вода в ней пенилась и оттого становилась совсем белой. На ее берегах росли вечнозеленые стройные пихты и мохнатые кедры, в кроне которых уже угадывались желто-бурые шишки.

Вода в реке до того холодна, что больно ногам. Почему же речку зовут Изиг-Суг — Горячая вода? А, вот оно что: аржааны, которые били из-под земли недалеко от ее берега, были и вправду горячими, словно вода в бане. И «баня» эта казалась мне глубоко спрятанной в толще скальных пород.

Нам разрешили купаться в «детской ванне», вода в ней была не горячей температуры тела. Залезешь в нее — становишься так приятно, плещешься, словно рыба. После ванны легко и бодро.

Были там целебные источники и с холодными водами.

— Тут, — рассказывала тетя Суямаа, — тридцать два источника против тридцати двух разных болезней.

...Как-то мы отправились вверх по Изиг-Сугу. Тропинка вела по крутому склону. Я сначала шел наравне с мальчиками, но потом устал и начал отставать. К тому же я часто спотыкался о камни, о коряги и падал. Оля и Чойганмаа на этот раз не смеялись надо мной, но и не переставали жалостливо повторять: «Бедненький!»

— Бедненький, еще не научился ходить по крутякам. Не взять ли нам тебя за руки, бедняжка?

Я решительно отказался от их помощи.

Речку с обеих сторон зажали каменные осыпи. Они не раз преграждали путь реке, но та, набравшись силы, снова перескакивала через них. В иных местах бывали такие огромные промоины, что казалось — провалишься туда и ни за что не выберешься.

Артыш-оол с несколькими мальчиками и девочками решили обязательно дойти до вершины горы. А я с уставшими малышами поплелся обратно. Но мы не дошли и до палаток, как группа Артыш-оола догнала нас.

Сейчас я уже не отказывался от услуг Оли и Чойганмы.

Я никогда так не уставал, как в тот день. Казалось, будто к ногам привязали булжники — я их едва передвигал. Еле добравшись до палатки, я свалился на шкуру кабарги.

— Ой, бедненький мой сыночек, — запричитала тетя Суямаа. — У него нет сил даже поесть мяса. Больше не берите товарища в дальнюю дорогу. Он ведь не бывал в таких местах.

А те и не слышали, они уже играли в лапту на поляне. Через неделю мы отправились в обратный путь. Впереди всех Оля и Чойганмаа. Они дружно пели:

«Я — простой оленевод,
труженик, охотник,
не помеха мне ничто —
ни хребты, ни реки.
Одолееет мой чары
горы-перевалы.
Устали не знает он,
умный да бывалый.
Будет есть мой ездовой
белый мягкий ягель.
Я — охотник молодой,
стад лесных хозяин».

В долине среди скал тонкие голоса девочек отдавались звонким эхом.

МАТЬ-ЗЕМЛЯ

— Сейчас, должно быть, уже поспела саранка. Сходите с товарищем за ней. А то он уже, наверное, заскучал,— сказал Самбуевич через два дня после возвращения с аржана.

— Ура! Поедем в ущелье саранок!— радостно закричал Артыш-оол и побежал седлать чары.

Вскоре мы оказались на месте. Сколько было там удивительных цветов! Казалось, на их длинные стебли кто-то нарочно навешал кисти с колокольчиками. Некоторые из них были ростом с нас. Под одним из таких цветов Артыш-оол лопаткой вывернул пласт дерна, из которого выскочило что-то желтое, с кулак. Вот она какая, оказывается, саранка! Мальчики, наскоро очистив плоды, принялись жевать. Оля сунула мне в ладони только что выкопанную золотистую саранку.

— На, бери, Онер!

Я посмотрел по сторонам: все были заняты саранкой — никто и не заметил, как я взял подарок Оли.

К вечеру мы туго набили саранками пестренький мешочек. Тетя Суямаа, отделив саранки от чешуек кожур, отмыла их добела в воде, поджарила на сковородке, а потом опустила в кипящее молоко. Получилась тягучая, как густой кисель, каша, мы ели ее с большим аппетитом.

— Ешьте-ешьте, ребята!— говорил Самбуевич.— Она целебная. Старики говорят, от болезней почек помогает.

...С приближением осени всюду стала поспевать ягода. Ее было много, ягодники начинались прямо у палаток: голубика, земляника, смородина...

Здесь я впервые увидел, как растет брусника. Оказывается, слоями. Когда я уезжал, верхний слой начал менять белый цвет на красный.

А какой крупный орех в кедровых шишках!

Маленьким я думал, что человек получает от земли только то, что посадил в нее — хлеб, овощи, фрукты. Но, оказывается, все человек получает от земли. От природы. Кстати вспомнились слова учителя географии: «Почему мы говорим «мать-земля»? Потому что она дает нам и продукты питания, и одежду, и жилище, и воздух, которым мы дышим, и воду, которую пьем...»

Здесь, в Тодже, я понял всю глубину слов учителя...

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

В нашем аале появился русский. Он был на высоком гнедом коне и в серой шляпе. Его еще издали узнали мальчишки:

— Иван Алексеевич едет! Иван Алексеевич!

Гость был в стареньком коричневом пиджаке, в простых, в полоску, брюках. Выглядел худым и длинным. Самбуевич, который в этот вечер оказался дома, выскочил из палатки навстречу гостю. Видно было, что это старые друзья. Они обменялись долгим и крепким рукопожатием.

Артыш-оол мигом расседлал коня гостя и отпустил его к пасущимся невдалеке лошадям.

— Кто он такой, Артыш?— не терпелось мне узнать от друга.

— Ученый. Из Ленинграда.

— А что он тут делает?

— Изучает Тоджу.

— А как он ее изучает?

— Ну, фотографирует птиц и зверей, собирает всякие травы, цветы,— неохотно ответил Артыш.

Видимо, он и сам не совсем ясно представлял занятия ученого и потому утром, седлая коня гостю, спросил:

— Иван Алексеевич! Вот мой товарищ интересуется, чем вы занимаетесь?

Иван Алексеевич некоторое время молча ходил вокруг коня, проверяя, ладно ли затянута подпруга.

— Я, ребята, занимаюсь наукой. Вот уже тринадцатый год в этом мне помогает Бараан Самбуевич,— ответил Иван Алексеевич по-тувински.

— А как это вы занимаетесь наукой?— не отставал я.

— Определяем, какие здесь, в Тодже, обитают птицы, звери, рыбы, растения. Ясно?

Иван Алексеевич оказался человеком добрым, и мы осмелели.

— А какие тут звери, Иван Алексеевич?

— Много. Несколько десятков видов. Есть и снежный барс, и козерог, и лемминг — мелкий тундровый грызун...

— Птиц тоже много, Иван Алексеевич?

— Кроме тех больших и малых птиц, каких вы всегда видите, есть еще и рогатые жаворонки. Их редко можно встретить. Вряд ли вы их видели. Поют они утром, на заре, а днем молчат. Вообще, каких тут только нет птиц, ребята! Начиная от могучих орлов с двухметровым размахом крыльев, которые могут схватить и легко поднять в небо двухгодовалую коосулю, и кончая белой куропаткой. Всех птиц не пересчитать.

— Вы еще говорили о травах и цветах, Иван Алексеевич?

— О-о, ребята! Одно слово — Тоджа! Каких тут только нет трав! Знаете желтый цветок? По-русски его зовут золотым корнем. В Европе такого и за всю жизнь не сыщешь. А здесь вы ходите по нему. Соки этого растения придают силу человеку. А вон там, на тех склонах за речкой, есть тоже очень редкое растение. По-местному оно зовется черной саранкой. Здешние старожилы считают его замечательным средством от болезней почек. Теперь его свойства надо изучать.

Иван Алексеевич уже сидел в седле, когда я задал ему еще один вопрос:

— Вы уже закончили свои исследования, Иван Алексеевич?

— Не-ет! — ответил ученый, покачав головой. — Одуген — волшебное место. Тринадцать лет исследую Тоджу, но сделать окончательные выводы еще не спешу, потому что нет предела ее богатствам. Чуть ли не каждый день нахожу что-то новое. Ну, до свидания, ребята! Ждите меня в гости через месяц.

— Счастливого пути, Иван Алексеевич!

Артыш-оол объяснил мне, что его отец ждет гостя возле хребта Дээрбе, где стоят олени. Там Самбуевич покажет ученому скопления горной смолы, и он будет исследовать ее.

По утрам Бараана Самбуевича вообще не увидишь на стоянке. Вот и сегодня, оказывается, он уже успел побывать у оленеводов и теперь ожидает Ивана Алексеевича в условленном месте.

ДОЯРКИ

Один из видов состязаний у нас — дойка оленях. Я научился доить спокойных важенок, но молока надаивал все же меньше, чем другие ребята. Языкастая Оля всегда заглядывала в мою кружку.

— Я уже надоила целых три кружки, а у тебя все еще одна неполная.

Глупая! Как же я могу угнаться за тобой, если у меня устают пальцы с непривычки. Зато олениата быстро привыкли ко мне. Они покачивают хвостиками и нетерпеливо просят: «Апа-апа!» Припадут к вымени матери — коротенькие хвостики так и ходят ходуном от удовольствия. А покормились — сразу начинают резвиться, бодают друг друга черными, с палец величиной, рожками.

Среди нас лучшим доярком оказался рыжий Сережка. После него шли Оля, Артыш-оол, Чойганмаа и маленький Нурзат.

Мы любили на завтрак мягкий свежий сыр с парным оленьим молоком. Тут уж я не отставал от других.

ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА

— Скот забеспокоился,— сообщил как-то Самбуевич.— Пришло ему время промышлять грибы. Самая трудная для животноводов пора: олени разбегаются куда глаза глядят. Трудно их потом собрать вместе.

— Предупреди молодых оленеводов на Кара-Тайге. Опытные-то не растеряют оленей,— посоветовала тетя Суямаа.

— Да, надо срочно ехать туда! К тому же волк повадился оленят таскать из стада. Говорят, матерый и хитрый...

Не хотелось вмешиваться в разговор старших, и я тихо спросил у Артыша:

— А как олени промышляют грибы?

— Когда появляются грибы, олени набрасываются на них с жадностью. Опустят голову вниз и все бегут и бегут, на бегу хватают грибы губами, будто собаки. И совсем не замечают, куда бегут. Не уследить за ними в это время — могут потеряться.

— А-а... Но летом они так хорошо держатся все вместе. Даже сами идут в стойбище.

— Летом и зимой с ними легко. А вот осенью и весной трудно.

— А почему трудно весной?

— Весной, примерно в апреле, снег сверху подтает и образует ледяная корка. Олени любят ходить по такому настилу, ноги у них широкие, не проваливаются. Тут тоже не зевай, нужен глаз да глаз: стадо может разбежаться.

Самбуевич наскоро собрался и уехал. Вроде только что он ловил чары, седлал его, а уже след простыл. Вот так всегда: не успеешь оглянуться — Самбуевича уже нет. Вспомнилось: мама с папой, когда собирались куда-нибудь, прихорашивались перед зеркалом и час, и два. Какие разные бывают люди...

СТАРЫЙ ВОЖАК

Мы с Артыш-оолом обычно отказывались от раскладушек и спали на большой шкуре бурого медведя, снятой вместе с твердыми, как железо, когтями. Вечером, в темноте, проведешь рукой по ее густой шерсти — искры так и сыплются. Лежа на шкуре, я любил слушать сказки про дедушку Алдай-Буучу, их много знал Самбуевич. И когда он долго не появлялся на стоянке, мне становилось скучно. На этот раз его опять не было почти всю неделю. Какова же была моя радость, когда как-то утром, проснувшись от бешеного лая собак, я различил в общем гвалте густой голос Самбуевича.

Мы с Артыш-оолом тотчас оставили медвежью шкуру и выбежали из палатки. Оленеводы стояли кругом, что-то рассматривая на земле. Там лежала огромная собака. Пасть ее была страшно оскалена и окровавлена. Смутная догадка мелькнула в голове, но Артыш опередил меня:

— Волк!

Я испугался, горячая волна ударила в лицо. Но постепенно овладел собой и стал прислушиваться к разговору оленеводов.

— Вот это, наверное, и есть вожак той стаи, которая не раз нападала на соседние стоянки.

— Стая-то еще прошлым летом уничтожена, а этот хитрец чудом спасся.

— А скольким оленям он перегрыз горло!

— Да, безжалостный зверь. Ему одной жертвы мало. Будет уничтожать всех подряд, пока у него перед глазами ни одного оленя не останется.

— Всею свое время. Вот и хищнику пришел конец.

— А где вы его уколошили, Самбуевич?

— На Куу-Тайге. Выследил в бинокль, подстерег на звериной тропе. Едва не опоздал: несколько метров до перевала оставалось. Успей волк одолеть их — опять исчез бы. Из-за него мой белый олень совсем устал.

Собаки беспрерывно лаяли на мертвого волка. Крупные псы готовы были наброситься и растерзать его, а молодые, поджав хвосты, взлаивали возле палаток.

— Отгоняйте собак! — наказали нам взрослые и ушли.

Мы с любопытством и страхом стали рассматривать волка.

— А почему его называют вожаком? — спросил я.

— Потому что он главный в стае волков — самый старший, самый сильный и самый хитрый.

— Ой, какая большая пасть!

— Какие страшные зубы!

— Видите, какие клыки! Длиннее наших пальцев.

— А когти у него, словно крючья.

Тут маленький Нурзат нагнал на нас страху:

— Олень еще живой, кричит, а волк уже куски мяса от него отрывает и жадно глотает. Папа рассказывал.

— А кто победил бы: наш пес Холакай или вот этот волк?

— Обычно волк берет верх над собакой,— ответил Артыш.— Но Холакай так просто не поддастся ему. Сильный пес!

— Собаки волка боятся,— уверенно вставил Сережа.

— Только не наш Холакай! Видишь, как он рвется к волку. Если бы не мы, он давно бы уже растерзал его на куски.

Мне нравился Холакай, огромный черный пес, любимец всего стойбища. А после этих уверенных слов Артыша я еще больше его полюбил.

НАШИ ИГРЫ

Обычно вечерами мы, пригнав мынды, играли в лапту. В такие часы забывали обо всем. От наших криков по хребтам и ущельям гуляло беспрерывное эхо.

— Эй, Нурзат, Нурзат! Беги!

— Серега, остался один удар!

— Артыш, вернись, а то сейчас ударят!

— Оля, держи мяч!

Сколько ни приходило на стоянку путников, все говорили, что пришли на голос ребятишек.

— Спасибо ребятишкам. Без них мы не нашли бы вашей стоянки,— говорили гости.

Чтобы легче бегалось, мы снимали обувьку. Приятно было бегать по мягкой траве босиком.

Играли в две команды: Артыш-оол, Чойганмаа и я соревновались в быстроте и ловкости с Сережей, Олей и Нурзатом.

Из нашей команды слабовато бегала Чойганмаа — ее часто ловили, а в команде-сопернице нас постоянно выручал маленький Нурзат.

Часто меня ударила мячом Оля. Она быстроногая. Когда бежит, волосы развеваются по ветру, а щеки такие румяные! Прямо красавицей становится.

Я УЕЗЖАЮ

Самбуевич сказал, что мне пора собираться домой. Стало грустно.

Первой, узнав об этом, прибежала Оля:

— Онер! Онер! Разве ты уезжаешь?

— Да, отец Артыша сказал, поеду завтра утром.

— Ой, как плохо!— девочка покраснелась, опустила голову вниз и тихо спросила:— А ты приедешь еще?

— Обязательно приеду.

Тут вошла Чойганмаа:

— Мы же собирались за ягодами. Не поедешь — и все!
Прибежал Серега.

— Может, через пять-шесть дней поедешь, вместе с нами, а? Нам ведь пора в интернат.

— Папа и мама написали Самбуевичу, чтобы меня срочно отправили домой.

— До начала учебного года еще десять дней. Чего они спешат?

Последним появился Нурзат:

— Ну вот, снова впятером остаемся. Как мы будем играть в лапту?..

Но сколько ребята ни уговаривали, сколько я сам ни колебался, Самбуевич был непреклонен:

— Таково желание твоих родителей.

Хорошо хоть Артыш проводит меня до самого самолета.

...Утром меня уже ждал оседланный конь. У Артыша конь был черный, у почтальона — гнедой.

Мы были готовы к пути. Самбуевич своим громовым голосом — эхом отдавалось в горах — напутствовал:

— Смотри, не забывай нас, Онер! Приезжай на будущее лето вместе с папой и мамой.

— Ой, как теперь будет скучно мне, старухе. Пиши нам письма, сынок! — сказала на прощанье тетя Суямаа, попросила меня наклониться к коня и расцеловала в обе щеки.

— Счастливого пути, ребята! Хорошо проводи друга, Артыш, посади его прямо в самолет.

Оля, Сережа, Чойганмаа и Нурзат сели на своих оленей. Долго мы ехали вместе. Им уже давно надо было возвращаться на стоянку, а они будто и не замечали пути. Наконец, почтальон на правах старшего распорядился провожатым остановиться на одном из перевалов.

Мы уже далеко спустились вниз, а с вершины горы все доносилось до нас:

— До свидания, до сле... то-оо-аа!

— Приеду! Оля-я! Обязательно приеду!

На дороге было много медвежьих следов, очень похожих на отпечатки человеческих ног. Следы шли в разные стороны. Почтальон говорил, что медведи часто лакомятся здесь ягодой.

И кедровых шишек стало гораздо больше, и крупнее они, чем были, когда мы проезжали здесь прошлый раз. Их так много — на каждой веточке по две, три и даже больше.

— Сколько шишек! — кричу я.

— Да! — говорит дедушка-почтальон. — Кедровые шишки — это одно из богатств Тоджи. Ни мороз, ни жара им нипочем.

Есть ли еще что вкуснее и питательнее, чем тувинский орех?!

На одном из перевалов почтальон стал к чему-то приглядываться.

— Молоденький медведь шишкует, посмотрите, ребята!— наконец, сообщил старик и подал нам бинокль.

Сначала посмотрел Артыш-оол:

— Вот дурень! Чтоб ему упасть на коряги!

— Зачем ты так говоришь?— спросил я.

— Он портит кедрь... Смотри, как он ломает верхинку молодого деревца.

Взяв бинокль, я увидел, как бурый медведь быстро вскарабкался на молодой кедр, отломил верхушку и вместе с ней плюхнулся на землю. Съест орехи — полезет на другой. И все ведь ломает молодые кедрь, к крупным и не подходит...

Поодаль остановились отдохнуть. Набрали шишек и мы с Артыш-оолом. Прежде чем забраться на кедр, Артыш-оол присматривался к дереву. Я спросил, зачем он их разглядывает. Артыш объяснил:

— Надо сначала узнать, на каком кедре спелые орехи. Сырые будут синеватыми, а спелые — коричневатými и желтоватыми.

...Дней через пять после того, как мы выехали из стойбища, Артыш-оол сажал меня в самолет. Я что-то кричал ему, он отвечал. Напоследок махнул рукой, не поднимая головы, — видимо, грустно было не только мне.

Через несколько мгновений я уже летел над зеленой Тоджей. Вспомнились слова Ивана Алексеевича о том, что Одуген — волшебная тайга. И я подумал: она действительно волшебная. И мои друзья, которые остались там, — необыкновенные ребята. Они не боятся ни темной ночи, ни грозы, ни волков, никогда не жалуются на холод и голод. И олени у них необыкновенные: ни высоких хребтов, ни дремучих лесов не боятся. Да, Одуген — действительно волшебное место. Волшебны на Одугене и люди, и звери, и вся природа.

Я — КАК КОСМОНАВТ

Увидев меня, мама запричитала:

— Ой, боже! Посмотри на сына, Мартан-оол. Он же весь распух!

Папа вышел навстречу, как всегда, в тапочках, в полосатых брюках и майке.

— Не болел ли ты, сынок, а? Раз не болел, значит, мать, он поправился. Был худеньким, сереньким, словно воробышек, а сейчас — орел, а?— и крепко стукнул меня ладонью по плечу. Я устоял.

Мама успокоилась:

— А и в самом деле, оказывается, он поправился. Вообще стал каким-то другим, непохожим на себя.

Она и потом все разглядывала меня да приговаривала:

— Я сначала подумала, что он просто грязный, а это он так загорел. Даже воротничок рубашки чистый.

— О-о!— обрадовался папа, разбирая мой рюкзак.— Две плитки сыра! Какой он жирный, мать! А это что, сынок, в кожаном мешочке? Молоко, что ли? А оно не скисло?

— Тетя Суямаа написала тут, как надо забелить чай молоком.

— О-о, в самом деле,— говорил папа, присаживаясь.— Оказывается, тут есть и инструкция: «Не бойтесь, если молоко покажется вам кислым. Налейте его в чашку, прибавьте немного соды или мелкой соли, перемешайте, и оно снова станет свежим». Странно, а, мать?

Чай, забеленный оленьим молоком, папа и мама пили и сыр из оленьего молока ели с большим удовольствием. С такими продуктами, говорили они, не мудрено поправиться. Пригласили соседей и их угостили дарами Одугена. Соседи похвалили меня: молодец, привез такие, как они выразились, деликатесы!

Пришли и мои друзья. Они больше всего удивлялись тому, как я здорово поправился. Пробовали поднимать меня и все приговаривали: «Ух, какой тяжелый!..»

Сидели во дворе до самой ночи, расспрашивали меня про волшебный Одуген и волшебных оленей...

В школе Салчак Баазановна, наш классный руководитель, в первый же день занятий спросила:

— Онер, ты далеко ездил, наверное, многое повидал за лето? Расскажи, пожалуйста, всему классу.

И я рассказал об Одугене, о том, какие там хорошие ребята и какие славные олени. Меня стали приглашать и в другие классы:

— И нам, пожалуйста, расскажи, Онер!

— Нет, сначала нам!..

Я стал таким занятым человеком — совсем про игры на улице забыл. Папа весело шутил:

— Смотри, мать, сын такой деловой да важный, будто в космосе побывал.

Наверное, он был прав. За два месяца этой поездки на Одуген я узнал так много нового, что хватило бы и на все десять летних каникул.

НЕИСТОВАЯ СУДЬБА

Очерк

Впервые с Афанасием Григорьевичем я познакомился летом тридцать шестого года: работал тогда в полпредстве СССР в Туве, и довелось мне сопровождать группу экскурсантов в некоторые города и села Сибири. Среди участников экскурсии были лучшие председатели комитетов советских граждан в ТНР и несколько активистов из числа крестьян-старобрядцев. В числе последних — и супруги Рогалевы.

...Белолицая, чернобровая и кареглазая, с тонкими чертами лица и румянцем, как говорится, «во всю щеку», Екатерина Васильевна выглядела писаной красавицей: к тридцати трем годам, вскормив грудью восьмерых детей, она так и не утратила цветущей юности. Ее лишь несколько старили длинный цветастый сарафан да темная кашемировая шаль с бордовыми лопухами. Афанасий был в белой рубашке-косоворотке с вышитой долькой через всю грудь, черных шароварах и хромовых сапогах; лицо поклевано оспой; угловатый небольшой лоб, голубые глаза-бусинки да реденькая рыжая борода...

Недавно, вспоминая свою Катерину, которая уже оставила его вдовцом, Афанасий Григорьевич говорил:

— Еслив бы тогда не утянул я ее на ту экскурсию в Красноярск, Новосибирск и не поглядела бы она в Кузнецке, как варят железо, разве смог бы убедить идти в колхоз? Да — ни в жисть! Закоренелая была кержачка. Отец ее и мать такими же были. К тому же, самого-то в двадцатом году, когда Катерина была уже моей супружницей, партизаны ухайдакали как заядлого бандита! А без своей Кати я и сам в новую крестьянскую-то жизнь и шагу бы не сделал, да и остался бы в единоличниках...

Владимировка, в которой тогда жили Рогалевы, была сплошь заселена старообрядцами и от коллективизации уклонялась. В соседнем Балгазыне колхоз родился еще в тридцатом, а Рогалев только в тридцать седьмом сумел убедить двенадцать семей своих односельчан идти с ним Ленинской дорогой. Артель, которую он возглавил, назвали «Новый путь».

Теперь самое время рассказать о неистойой судьбе этого человека.

...Жестокие репрессии царского самодержавия — массовые казни, зверские экзекуции, ссылки людей, так или иначе оказавшихся причастными к событиям революции девять-

сот пятого года, вспугнули с насиженного гнездовья и потомка раскольников Григория Андреевича Роголева. Плотник по профессии, вместе с артельщиками соорудивший в Перми не один десяток жилых домов и надворных построек богачей, исповедовавший старую, дониконовскую веру, он с женой и малыми детьми, при помощи своего более состоятельного друга, двинулся искать себе счастливую долю... на Дальний Восток!

— До станции Спасской,— вспоминал Афанасий,— помнится, ехали железной дорогой, оттуда еще сто двадцать верст—на телеге, а больше—пешком. На здоровье отец не жаловался и уж здесь, в Туве, умер на девяносто восьмом году. Без малого сто лет прожил!

Осели мы в небольшой деревушке Верхопоповке, и я, девятилетний парнишка, оказался в работниках. Поначалу жил у пасечника «на побегушках», потом был бороноволок, пастухом у состоятельных мужиков. Через год после приезда меня благодетельствовал для обучения отец Арсанофий. Это был духовный наставник жителей окрестных деревень и хуторов, населенных староверами. Жил как бы в келье — одинокой, запрятавшейся в лесу избушке. И вот у этого «отца» в течение пяти зим и учился я грамоте — одолевал всякие талмуды, псалмы и каноны старой веры. У старика была уйма таких книг, как псалтырь, библия, евангелие, «Апостолы», «Святцы», «Четыи минеи»... Да разве все упомнишь?! Но все это пришлось зубрить. Так зимой учился, а летом ишачил на богатых мужиков.

«Учитель» мой был строгий, как чума болотная! Штобы сходить на речку за водой, надо было попросить у него благословения; поклонись, бывало, ему в пояс и скажешь: «Благослови, батюшка». Кивнет молча косматой головой: «Бог, мол, благословит!» И осенит тебя крестным знамением — двумя перстами. Тогда перекрестись и сам да возьми порожнее деревянное ведро — и айда на речку. А если случается когда по забывчивости, сбегаете за водой не по правилам, без благословения, принесешь, а он тут же заставит выплеснуть ее и сходить за водой, как положено...

Читать и петь псалмы приходилось по несколько раз в день. О часах тогда и понятия не имел. Только и считал, что рассвет да потемки. Голос у меня был звонкий, и я на соборах вместе со взрослыми и такими же, как сам, штобы заслужить загробную-то жизнь, в глубокой надежде, что, может быть, удостоит господь угодить в царствие небесное и избежать мучений геенны огненной, самозабвенно пел перед образами святых разные мотивы!

К пятнадцати годам я постиг все староверские науки, и

по моему характеру меня прочили в сан достойных наставников. Отец Арсанофий, бывало, говорил: «Со временем получится из тебя, Афоня, добрый настоятель нашего уклада!» И я был рад...

С таким мужавшим уже отроком семья Рогалевых выехала на постоянное жительство в Алтай. Когда прикочевали на новое место, отец подрядился плотничать у местного староверского наставника — Бориса Сидорова, а его наследнику, Афанасию, пришлось по плотницкой же части обрывать специальность пильщика. Уже с шестнадцати лет работал он на распиловке продольной пилой — сверху на «козлах» до изнеможения махал, разделявая сутунки на плахи и тес...

— Силы у меня, казалось, — с достоинством вспоминает Афанасий Григорьевич, — было столько, что усталость обходила стороной! И вот заметил это богатый старовер Шилканов и давай меня обхаживать: работник, мол, будет незаменимый! Со мной-то и словом не обмолвился, а пошел к моему отцу и давай «сватать»: вошел чтобы я к ним в дом и оженился на их дочери. «Работающий, непьющий, — чего ишо надо!» — говорил он отцу.

Когда дома-то мне про все это сказали, я чуть было не рехнулся: невесте-то было уже двадцать, а мне шел семнадцатый! И я наотрез отказался от той женитьбы. Шилканов-то отцу для пущей важности говорил, што «если, мол, молодожены надумают отделиться от нас, то я наделю их тремя дойными коровами да парой добрых лошадей и готовой домашностью!» Но меня и богатство его не соблазнило, и весной шестнадцатого-то года я со своим напарником по распиловке махнул сюда, в Урянхай, как тогда называли этот край. Живут же, мол, люди. Пробьемся и мы!

Припожаловали мы на Малый Енисей. В Знаменке да Шахах давай пилить у богатых мужиков. Люди же строились — тес да плахи им нужны были позарез! В ту же осень к нам прикочевали и мои родители, и мы отправились на жительство во Владимировку. Там было уже дворов двадцать, а из мирских-то — ни души, все, как и мы, старообрядцы...

На вопрос, как встретил Афанасий Григорьевич революцию и участвовал ли в гражданской войне, он с сожалением ответил:

— Про перевороты-то там, где-то в Петрограде, узнал я уж много позже. А участвовать в войне... в гражданской, как и в другой какой, для старообрядца считалось непростительным грехом! Партизанам Кочетова мы с отцом чем могли — помогали: то скотину на мясо, то лошадь для езды, либо муку давали, сухари делали для партизан. А оружия в руки не брали: грех!

...В январе девятнадцатого-то года мне исполнилось двадцать лет, а моей суженой — семнадцать. Шибко понравилась мы друг дружке и в день моего ангела взяли да и поженились! Мать-то у Кати и до этого меня ненавидела, а тут и вовсе будто ошалела! Богато жила со своим Власием, а меня презрительно называла: «Пермяк гол...» Словом, здорово шумела, что я в зятях у ней оказался! Но время-то было грозное — не до ссор, и все обошлось благополучно. Семейное счастье нас с Катей не обделило: сначала у моих родителей, а потом уж одни нажили мы пятнадцать детей. Правда, вырастить всех-то не сумели...

— Как же случилось, что из вас, можно сказать, закоренелого старовера и зятя белобандита, вдруг получился вожак артели, по сути, безбожник? Ведь в других деревнях колхозы уже были, и их считали своеобразными рассадниками нового мира, который старообрядцы предавали анафеме?! — спросил я.

Невеселые смешинки заметались в глазах Рогалева, как дождевые капли, и он ответил:

— Об этом долго рассказывать. Ведь только где-то в двадцать седьмом году я кое-как отрешился от старой-то веры. Во всяком случае, тогда я уже перестал ходить на староверские соборы и петь с ними душеспасительные молитвы. Читать умел прытко и любил это дело. Газету «Красный пахарь» прочитывал от строчки до строчки, дружил с деревенскими учителями, избачом. Но главный переворот в моей душе сделал, пожалуй, Гавриил Иванович Старков.

— Кто такой?

— Этот тоже был выходцем из староверов. В начале двадцатых годов он в Кызыле работал каким-то начальником. С моим отцом был знаком ишо по Дальнему Востоку. Не раз бывал во Владимировке и поэтому, должно быть, всякий раз заезжал к отцу. Приходилось ему и ночевать у нас. Хорошо знал меня как деревенского грамотея — выходца из кержаков...

Я уж тогда хорошо понял, что был этот человек умный, здорово начитан и, должно быть, — ученый! Мой же батя утверждал, что отец Старкова был старообрядческим настоятелем, попом вроде бы, и на соборе за богохульство проклял своего сына как еретика! Гавриилу-то Ивановичу тогда было уже двадцать пять лет. По такому случаю полиция выдала «еретику», как тогда говорили, «волчий билет» — такой паспорт, и приказала тут же покинуть место жительства. С таким билетом-то он мог проживать в любом месте, в городе или деревне, но только не больше трех суток. Иначе ждала его тюрьма!

Так до самой советской власти и кочевал Старков из конца в конец нашей матушки России да и набирался ума-разума.

Словом, в Гаврииле Ивановиче узрил я как бы своего нового наставника, да совсем не такого, как, бывало, отец Арсанофий, который учил меня духовной жизни старообрядцев.

Не раз Гавриил Иванович нарочито, видно, при мне говорил моему отцу: «Придет, мол, время, когда в Москве будут говорить, а вы здесь, в своей деревне — слушать. И при том никакой проволоки, как телеграф из Кызыла в Минусинск, не будет. Все передаст радио!

Больше того, — рассказывал он, — там, в Москве, будут играть артисты, как вот в народном доме где-нибудь в Бай-Хааке, а вы в своей избе будете смотреть эти игры, как картинки! Мы с тобой, Григорий Андреевич, возможно, и не доживем, а вот Афанасий и его дети непременно будут свидетелями и того, как ученые пошлют людей на Луну!»

— Слушал я это, как сказку, — вспоминает Афанасий Григорьевич, — но в душе-то уже тогда теплилась искорка и начала питать мою надежду: все это, — думал я, — должно быть, и в самом деле сбудется!..

Так несостоявшийся старообрядческий проповедник исподволь стал страстным поборником истинной правды жизни, жизни на этом свете, а не там, в небытии; вырос в неистового искателя познаний современного ему мира, а затем и убежденного глашатая советского образа бытия крестьян.

Между тем жизнь в старообрядческой Владимировке, что притулилась у подножия угрюмого Танды, шла своим чередом. Люди старательно выращивали хлеб, разводили скот, благоустраивали свои усадьбы и с еле скрываемым нежеланием соглашались на открытие в деревне «мирской» школы, следом за которой появилась и изба-читальня со скудной библиотекой.

В конце двадцатых годов пытливый на новшества, полезные народу, Рогалев присмотрел местечко, где можно было вывести на суходол оросительную канаву, чтобы под мочагом выращивать устойчивые урожаи злаковых и овощных культур. Нашлись у него и единомышленники. Он смастерил примитивный ватерпас, с помощью которого наметил с ними трассу будущей канавы. Многие деревенские малoverы называли это чудачеством, посмеивались, как над несбыточной затеей мечтателя. Но мало-помалу истые хлебоборы поддерживали замысел новатора и взялись за дело. Четверки добрых лошадей тянули плуг по крепкой, как кирпич, целине намеченной трассой, а следом мужики и бабы лопатами обрабатывали ложе, по которому должна была хлынуть живительная влага и досыта напоить изомлевшую в жажде кор-

милицу-землю. Скептики бормотали: «Да ить тут-ка рази только ересть Рогалева может проползти — в гору же!»

Но когда на речке соорудили плотину, вода, шипя и пузырясь, пошла по только что вырытой канаве, огибавшей у горы деревеньку, окруженную, казалось, непреодолимыми бураками.

...В двадцать девятом году Афанасия избрали от поселка депутатом Совета соседнего — головного села Балгазына; на следующий год там организовался колхоз, а ему как депутату в своем селении это удалось, как я уже говорил здесь, лишь через семь лет. В артель «Новый путь» вместе с Афанасием Григорьевичем и его Екатериной Власьевной вшли его младший брат Иосиф и одиннадцать других семей. На следующий год в нее влились девять, а еще через год в колхозе было уже тридцать три крестьянских двора!

К тому времени на задворках села под небольшим водопадом, с которого обрывалась вода уже прочно обжившейся оросительной канавы, хлопотала спроектированная и построенная под руководством председателя колхоза водоналивная колесная мельница с приводом для работы полусложной молотилки; по задумке того же председателя в мельнице соорудили толчею для обработки пшеничного зерна и проса на крупу.

— Чего, думал я, понапрасну пропадать воде в канаве, раз в конце лета на пашне она была уж не нужна! Пущай ишо и тут поработает,— вспоминает Рогалев.— Использовали ее, и люди мне были благодарны!

— Да ведь, помнится, не все в деревне были рады твоим изобретениям! — напомнил я, имея в виду мерзкую попытку врагов в тридцать восьмом убить этого человека.

— Што ж, всем я угодить не мог и не старался. Да, как видно, не сидели сложа руки и мои недоброжелатели! — откликнулся ветеран.

— Тогда ведь в Полпредство сразу же сообщили, что в колхозе «Новый путь» стреляли в председателя! Расскажи-ка, как это случилось?

— Да, целились-то в меня, а попали в мою дочь, Анну. Стрелял из курковой охотничьей винтовки Огнев Акинфий. Жил он напротив нас, через дорогу. Было следствие. Он признался, что стрелял в наше окно из своего двора. Дали ему восемь лет. А вскоре — война, и он из тюрьмы-то попал на фронт; возвратился домой тяжелым инвалидом и тогда уж сознался мне, что двое единоличников научили его тогда убирать меня. «Пошто же,— спросил я Акинфия,— сразу-то не сказал ты, что именно они толкнули тебя на такое злодейство?» А он и говорит: «Упредили, мол, што, еслив вы-

дам их, то, значит, «не жить ни тебе, ни твоей семье вместе с выводком и двором!» А ежели, мол, сами власти все же докопаются до тебя, мы, дескать, в беде вас не оставим. И я поверил. Подпоили они тогда меня. Словом — струсил, чего уж там!»

А вышло-то все так: Огнев хорошо знал, что за стол на кухне я всегда садился на скамейку против окна. Но в тот вечер так уж случилось, што поужинал я ишо засветло и прилег на кровать отдохнуть. А семья продолжала ужинать. Когда зажгли лампу, на моем месте-то за столом оказалась Анна. И тут же на улице раздался выстрел, звякнули стекла (рамы-то были двойные), и дочка наша свалилась! Мы перепугались было чуть не насмерть. Но все обошлось: дочка-то што-то приболела и была укутана толстой шалью. Акинфий, как потом признался, целил мне в голову, да маленько обнизил и попал Анне в грудь. От удара да испуга она сразу упала, а когда мы ее подняли да развязали шаль-то, глядим: вот она, пуля-то и выпала на пол...

Не растерялся Афанасий Григорьевич, не побоялся вражеской мести за отступничество от веры, за то, что пошел дорогой, проложенной «еретиками»! Артель, которую он возглавлял, крепла, набирала новых сил, и он радовался. Но вдруг нагрянула поистине смертельная опасность: фашистские чудовища нарушили благословенную жизнь не только крестьянской артели, но и самой матери Родины!

И Рогалев впервые осознал, что в борьбе за настоящую жизнь придется все-таки брать в руки оружие. В армию, наряду с другими колхозниками, проводили они с Екатериной Власьевной его брата Иосифа и двух родных сыновей. Яков был комсомольцем, он погиб на фронте где-то под Харьковом, а Агап уже в армии стал коммунистом и под конец войны домой возвратился инвалидом второй группы.

— Меня-то тогда «забронировали»,— повествует ветеран,— и остался в колхозе почти с одними бабами да ребятейней. Раз нагрянула такая беда, надо было не только не уронить артель, но ишо и фронту помогать, чем только можно. А работать-то по-хорошему было некому. Как началась война-то, в артель вошли все остальные владимировцы, проводившие на фронт своих кормильцев. Но мужских рук у нас от этого не прибавилось, а едоков...

Как только началась Отечественная-то, веру в загробную жизнь из моей головы окончательно, будто ветром, выдуло! И сразу же начал готовиться в партию. Понял, что за ее гранью мне не жить! И в ноябре того же года получил кандидатскую карточку Ленинской партии. Так, по мнению своих бывших единоверцев, я открыто облачился в «еретика».

Но не прокляли они меня, как в свое время Гавриила Ивановича, про которого я уже упоминал. Больше того, сами уж далеко и безвозвратно отошли от старообрядческих канонов!

...В сорок третьем году у нас выдался на редкость добрый урожай. Наши гнали уже фашистов в хвост и гриву. Это радовало каждого! И вот подсчитали мы свои возможности и, как и в прошлые годы, все излишки решили сдать государству. По теперешним-то временам то был суший пустяк: совхоз «Россия», что обосновался во Владимировке-то на месте нашего колхоза, теперь имеет уйму тракторов, комбайнов, автомашин, много другой техники и ежегодно засыпает в закрома государству десятки тысяч тонн зерна. А тогда... Но и то мы считали посильным вкладом в помощь родной своей армии...

Впрочем, Афанасий Григорьевич не без гордости вспоминает, как ему, председателю колхоза и водителю без прав на управление автомашиной, пришлось единственной тогда в колхозе трехтонкой перевезти в Балгазын и как грузчику на своем горбу перетаскать в мешках и ссыпать в государственный амбар девяносто семь тонн колхозного зерна!

— Шофера-то у нас тогда уж взяли в армию. Вот и сел я самовольно за руль и давай перевозить хлеб государству. А что могли сделать с пятипудовиками бабы да наши парнишки? Пупы понадрывать да грыжи наживать, и только. Вот и пришлось все вытягивать на своем горбу. Теперь вот несносно и болят все мои суставчики!— бывший председатель вытягивает перед собой раздавленные непосильной работой узловатые ладони и тут же продолжает:

— Кроме хлебопашества и скотоводства, нам приходилось заниматься и... смолокурением. Покойный уж теперь товарищ Тока проездом как-то завернул к нам, поздоровался со мной и говорит: «Ты ведь, товарищ Рогалев, на все смекалистый. Сосновый бор у вас тут рядом. Займись-ка... самогонкой!»— и засмеялся.— Только не араку, а смолу надо гнать! Мы получили задание — просьбу из Красноярска: там строят и ремонтируют суда, а смолы не хватает. Война же! Как ты, а?» — вдруг спрашивает. Что мне было ответить? Никогда этим не занимался, да подумал, что кто-нибудь подучит! «Попробуем, говорю. Только вот огнеупорной глины бы нам. Без ее не получится, наверно!» — «Да это мы можем. Только начинай, да поскорее. Война же!» — ответил он и тут же попрощался и укатил куда-то на своем «газоне».

Вскоре мы дело это начали, и смола хорошо пошла! Но тут заметил я, что при варке-то уходит большое испарение... скипидара. Чего ж, думаю, пропадать добру, когда при нехватке бензина люди ухитряются на горючее для автомо-

билей приспособлять даже дрова, а ведь скипидар для этого еще лучше подойдет! Разыскал у одной колхозницы самогонный аппарат (она им давно уж не пользовалась — не до самогонки было) и настрополил его на смолукурне. И, понимаешь, скипидар тоже пошел!..

К концу войны Афанасию Григорьевичу пришлось передать руководство колхозом своему брату — бывшему фронтовику Иосифу, по инвалидности уволенному из армии «по чистой», а самому принять соседний, сильно пошатнувшийся, — «Пламя революции», что в Балгазыне. Ушло целых два года, чтобы хоть немного поправить это хозяйство; потом пришлось возвратиться на прежний пост в родной колхоз: братишка «не потянул», освободили. Но вскоре после этого и его незаурядное здоровье сдало...

Включились в дело невропатологи Кызыла и Красноярска, и уже через каких-то полгода ветеран не захотел «исть хлеб даром» и решил, пока окрепнет здоровье, осуществить свою давнишнюю мечту. «Рядом с колхозом без дела несет свои воды речка Сой, ее надо заставить работать!» — рассудил он. Заручившись поддержкой руководства артели, Рогалев возглавил бригаду гидростроителей и начал сооружать плотину, чтобы построить на Сое более мощную, чем на канаве, мельницу, «пристегнуть» к ней пилораму и агрегат гидроэлектростанции.

Прошло не так уж много времени, пока Афанасий Григорьевич, будучи доморожденным гидростроителем и прорабом постройки деревянного корпуса и механизмов мельницы, да и монтажником агрегата гидроэлектростанции, сдал своему колхозу крупный по тем временам комплекс предприятий: вырабатывал отменную муку, солидный объем пиломатериалов и, главное, над бывшим поселком старообрядцев засверкало невиданное чудо — лампочки Ильича!

— Это была самая что ни на есть сильная агитация против религиозного дурмана! — делает вывод Рогалев. — Но достигнуто все это с большими трудностями. Из Кызыла не было никакой технической помощи. Плотину построили без цемента, а разные материалы и оборудование удавалось доставать только через товарища Тока! Найдешь, бывало, где электромотор, к примеру, динамо, даже простой ремень для передачи энергии на привод пилорамы или электростанции или — электропровод, — не дают: «Себе — позарез!» Тогда идешь к первому секретарю обкома партии. Выслушает, возьмет телефонную трубку и... просит, кого надо, чтобы непременно помогли «колхозному инженеру-самоучке», как называл меня товарищ Тока всюду.

Когда подоспела пора запускать гидроэлектростанцию, он

приехал на ее открытие и на митинге горячо поздравил нас с победой...

— В пятьдесят четвертом году,— повествует Афанасий Григорьевич,— меня назначили руководителем машинно-тракторной бригады: в Ажыке колхоз решил поднимать целину. Вот уж где было хлопот! Ночевать в деревню не наездишься — далеко, а в шалаше или палатке отдыхать холодно. Пришлось и пахать, и строить! И до воды, к тому же, почти десяток верст, а как в песне-то поется: «Без воды — и ни туды, и ни сюды!» Надо было там же найти место, где бы выкопать колодец, чтобы взять водичку. А кругом сопки да лес. Вырыли в одном месте колодец глубиной в две сажени или даже поболее,— пусто! Давай я искать новое. Нашел совсем даже, казалось, неприметное: низинка, а на ее дне вроде бы бородка реденьких зарослей тальника. И нашли водичку! Повеселели люди, заработали во всю прыть машины, дело пошло!

Щедра оказалась в Ажыке земля: с гектара брали по полтораста пудов!..

Так уж сложилась у этого человека неистовая судьба: в юности горемыка-староверенок, которого готовили стать пастырем богоугодников, всю жизнь замаливавших свои грехи, чтобы даровал господь царствие небесное, стал коммунистом и вел своих односельчан по дороге в мир не загробного, а земного благоденствия, указанный В. И. Лениным!

Более десяти лет Рогалев был депутатом сельского и районного Советов. Теперь — персональный пенсионер. Его старшая, Анна, чуть было не погибшая от рук злодея, тоже вышла уже на заслуженный отдых и награждена медалью «Ветеран труда»; одна из дочерей — Ольга Рогалева — арматурщица Кызылского завода железобетонных изделий — коммунист, член горкома КПСС, избрана и в городской Совет народных депутатов.

В свое время, по образному выражению первого секретаря Тувинского обкома партии, писателя, Героя Социалистического Труда С. К. Тока, Афанасия Рогалева многие называли «инженером-самородком». Теперь можно сказать, что был он инженером и душ человеческих!

Смотришь на этого человека и дивишься: «распечатал» уже девятый десяток лет, а выглядит еще, как говорят, «пожилым молодчиком»! Все еще довольно высокая грудь, чуть согнуты в локтях могучие когда-то руки, под небольшим со впадиной лбом сверкают голубые, как две капли воды, глаза-бусинки, устремленные в даль, будто все еще чего-то ищут.

ТУВА

Из цикла «У центров» двух материков»

Имя молодого писателя Федора Ивановича Зубанича известно украинскому читателю по лирической сюите «Полонина», сборнику очерков «Диалоги среди лета», созданному на основе бесед с известными мастерами слова, и другим книгам.

Герои рассказов из цикла «У центров двух материков» имеют свою постоянную прописку на большой карте Союза ССР: они живут в географических центрах двух материков — Европы и Азии, на которых раскинулись необъятные просторы нашей Отчизны. На западе это закарпатское село Дилове, на востоке — город Кызыл, столица Тувинской АССР.

Мы предлагаем читателям рассказы украинского писателя о людях центра Азии.

МЕЧТЫ СЕДОГО ВОЛШЕБНИКА

Как и в настоящих сказках, он начал о себе так:

— Я родился в год Курицы, в последний месяц осени, семнадцатого дня, в час Овцы...

Посмотрел на меня, ошеломленного, и рассмеялся:

— Раньше у нас летосчисление, годы рождения, даже время суток считались по-другому. Например, сутки делились пополам, из них двенадцать часов были дневные, а двенадцать — ночные. И каждый час тоже имел свое имя... День рождения человека наступал через двенадцать лет...

Он, было видно, с наслаждением продолжал рассуждения о годах:

— По старинным преданиям, каждый год имеет свои особенности. Например, год Свиньи считается урожайным и плодородным. Свинья, на наш взгляд, — трудолюбивое животное: роет своим пяточком землю и сама добывает себе пищу. Год Курицы — это год обилия пернатого рода, да и вообще год богатый, ведь птицу все едят. Кроме того, в этот год человек не опаздывает и не обгоняет своего счастья: петух кукареканьем отсчитывает точное время, — часова-то у нас не было. Поэтому год Курицы принято считать правдивым годом...

Он помолчал, подбирая в памяти, наверное, характеристики остальным годам. Но нет, начал о другом.

— К чему это я вам все рассказываю? Не поняли? Вы же

мне говорили, что Вашей маме нравится тувинская поговорка: лошади знакомятся ржанием, а люди узнают друг о друге в разговоре. Давайте я немножко расскажу вам о себе, может, и узнаете что-либо интересное, а надоест,— я замолчу...

Соглашаюсь с ним, что в беседе можно познакомиться, но это будет поверхностное знакомство. Особенно с таким человеком, как он.

Не прочитать хотя бы половину его книжек — значит, ничего не знать о народном писателе Тувы Степане Сарыг-ооле. И здесь не помогут даже несколько личных бесед — это будет верхушка айсберга. Ведь писатель там, в своих книгах.

Это не писательская или журналистская выдумка — первую для себя и одну из самых лучших книг Степана Агбановича Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике» я приобрел в книжном магазине села, которое стоит в географическом центре Европы — Дилове. Сам же писатель жил в Кызыле на углу улиц Красноармейской и Комсомольской, которая берет начало от самого обелиска — пометки географического центра Азии. Вот какие иногда могут быть необыкновенные маршруты и судьбы твоих книг.

А сочинения Степана Сарыг-оола — блестящие самобытные стихи, многие из них стали песнями, которые поют люди уже более сорока лет, не зная или не замечая, что у них есть автор, народный поэт (шулукчу), драматические произведения, в их числе — первая тувинская музыкальная комедия, либретто оперы-сказки; критические статьи и учебники для тувинских детей; и, наконец, его проза — настоящая энциклопедия жизни тувинского народа: история, культура, мудрость и обычаи — все здесь есть.

Один из исследователей творчества Степана Сарыг-оола, ознакомившись с большинством произведений народного писателя Тувы, сказал: нет более фольклорного писателя, чем Степан Агбанович!..

А я бы прибавил: и более интернационального. Ибо в какую книгу сложишь все его переводы стихов и поэм Тараса Шевченко и Леси Украинки, повестей Максима Горького, Валентина Катаева, Чингиза Айтматова, рассказов Антона Чехова и Джека Лондона, сказок братьев Гримм и Андерсена, поэзии Пушкина и Лермонтова, мужественной, как подвиг, лирики Мусы Джалиля...

А еще произведения его близких друзей — Степана Щипачева, Твардовского, Исаковского, Гудзенко, Бориса Олейника, Семена Данилова...

Переводы стали заметной частью литературной деятельности Степана Агбановича. Главная цель его переводческой

работы — познакомить тувинского читателя с бессмертными творениями великих писателей. Кроме этого, перевод интересовал его и как прекрасная школа писательского мастерства в молодых литературах.

Я приятно удивился, что среди близких его сердцу писателей так много украинских. Он подкрепил это удивление:

— Больше всех песен в мире люблю родные тувинские и украинские...

Но не только художественное слово и песня невидимыми нитями скрепляют его с Украиной: на ровенской земле, на скромных обелисках, навеки остались высеченными имена тувинских воинов, его родных и друзей.

Вдумаемся: сын простого чабана-арата, сирота, пастушок, поваренок, стал одним из основателей литературы тувинского народа. Того народа, который был на грани вымирания, народа, который не имел своей письменности и только с помощью советских ученых создал ее в 1930 году, народа, выдвинувшего на передний край своей культуры людей, которые когда-то не то что об алфавите или книгах не думали, но и не знали, как дожить до завтрашнего дня.

Здесь бы, почитай, предоставить слово Степану Агбановичу для рассказа хоть об одном дне работы молодого арата Сарыг-оола в двадцатые годы, лишь бы иметь верное представление о той жизни, из которой вышли писатели и десятки его земляков.

— Утром, прежде чем выгнать овец на пастбище, получал в лучшем случае чашку тары (поджаренного толченого проса), на целый день. С тем и гони овец: бегай то в гору, то вниз за ними на ветру и стуже. Не лови ворон — вдруг из-за выступа скалы зверь выскочит. Береги чужую отару больше собственной жизни. Пой, ори до хрипоты, чтобы волки тебя боялись. А к стойбищу раньше сумерек и не смей возвращаться. Ты не только сверху, сквозь бесчисленные дыры на своей одежде, заледенел, но и живот твой внутри скорезило.

А когда пригонишь овец к юрте, то даже у самой доброй хозяйки не отыщется лучших слов для тебя:

— Быстрее, быстрее поворачивайся, парень, ведь ягнята маток заждались, проголодались и замерзли, бедненькие...

Нужно еще подождать, пока ягнята покормятся, отделить их от маток, всех загнать в кошару. И только теперь ты имеешь право появиться в юрте и присесть возле полога в спокойном ожидании, когда тебе скажут:

— Подогрей чай и подсыпь горстку высевок в чашку...

Но и на этом твои обязанности не закончились, слышишь, хозяйка уже поторапливает:

— Эй, оол, ночь надвигается. Работа не ждет, поторапливайся. Принеси льда на варево или снега.

А если есть поблизости речка, то воды принести велют. Потом дров наколоть на целую ночь для очага, натолочь проса на ужин хозяевам и на завтрак. Да разве все вспомнишь и перечислишь, что приходилось делать за одну чашку тары или хевека на сутки?!

Когда ты, намерзшийся, голодный, бегаешь с разными поручениями хозяйки, дети хозяев спокойно играют в переднем углу юрты перед ярким пламенем, которое ты раздуваешь. Они или в бабки играют, или в шахматы, весело и сыто ржут да еще покрикивают на тебя:

— Гей ты, лодырь, больше дров подбрось, а то нам темно играть!

Ночевка тебя тоже не согреет. Ведь место твое возле самого входа, возле полога, на протертом куске войлока. Как ни вертись, а рваного халата не хватает, чтобы укрыть все тело. Особенно плохо ногам, без движений они совсем замерзают за ночь...

Степан Агбанович вдруг поднял глаза на меня и, видно, выбрался из тех далеких и неприятных воспоминаний:

— А может, оно и не нужно — зачем ворошить прошлое: отошло, пропало, пусть никогда не возвращается. А?

И сам через минутку ответил на свой же вопрос: нет, об этом надо напоминать, чтобы молодые знали, как тяжело жилось их отцам и дедам, от чего их спасла народная власть.

Снова опустил глаза на пол, собрал морщины на своем высоком челе и возвратился в те годы, в те горы, в те юрты...

— И все-таки хватит! Грустную слишком я песню запел, вспоминая прошедшее. Возможно, от того, что работаю сейчас над историческим романом? О шестидесяти богатырях — участниках легендарного восстания тувинских аратов в конце прошлого века. О том, как им тяжело жилось, какое бесправие царило в наших Саянах...

Обстоятельства сложились так, что писательский талант Сарыг-оола расцвел в зрелом уже возрасте. На то есть уважительные причины: ему выпало родиться и расти в дореволюционной Туве, крайне отсталом и бедном крае, где народ жил при феодализме. Тяжело поверить, но это было время, когда за одну иголку арат отдавал китайскому купцу целого барана.

Он стал на литературный путь довольно поздно, но даже чтобы это вообще случилось, нужно было самому суметь преодолеть большие трудности, с помощью русских братьев приобщиться к современной художественной культуре мира: это и во время учебы в тридцатых годах в Москве, в Ком-

мунистическом университете трудящихся Востока, а потом, в середине пятидесятых,—на Высших литературных курсах, тоже в Москве (еще и сейчас собратья по перу помнят одно из его немногих и лаконичных выступлений на семинарских занятиях — на этот раз о влиянии Владимира Маяковского на творчество поэтов народов СССР и их становление: «Ну, товарищи, как сказать... Без терминов сказать... Маяковский — хорошая земля, а мы цветы... Земля хорошая, а вот мы выросли разные, по-своему красивые...»).

Выросли разные и по-своему красивые... Как хорошо, что, разные и красивые, возле колыбели молодой тувинской литературы стали такие талантливые, честные и смелые сподвижники национальной словесности, как Степан Сарыг-оол, Салчак Тока, Сергей Пюрбю, Олег Саган-оол... Без них тувинская литература не поднялась бы на высоту наших дней. Лучшими своими произведениями она, младшая сестра в семье многонациональной советской литературы, давно переступила национальные рамки, стала достоянием многоязыкого советского читателя. Если говорить сейчас лишь о творчестве Степана Сарыг-оола, то его произведения переведены и нашли благодарного читателя не только во многих республиках нашей страны, но и в Болгарии, Монголии, Германской Демократической Республике, даже в Англии...

Любимый девиз Степана Агбановича — известное тувинское изречение: «Человек учится до конца дней своих».

Я попросил объяснить его шире. Сарыг-оол лукаво улыбнулся:

— Когда я был маленький, мне отец рассказывал: давным-давно, когда рога оленя в небо вонзались, а потом отсохли, дул сильный ветер, трава росла выше верблюда, а хвосты этих животных по земле волочились, и кусты караганника были выше горы Каргы,— упала тогда с неба большая-пребольшая чугунная чаша, и на дне ее было написано о том, что увидят люди через много-много лет. То есть, мы увидим... Там было написано: железный коршун в небе летать будет. Это самолет. Железная змея по железу поползет — поезд, значит; железная подвода по степи побежит, понятно, что автомобиль. Многое там было написано. И про вертолет, как над отверстием юрты появятся копыта железного коня. И о книгах... Так вот и я думаю: мне бы такую книгу написать, чтобы угадать, что ожидает мой народ через много-много лет. Здесь не надо быть вещуном, надо много знать, пополнять эти знания постоянно. Вот и все о моем девизе.

Он тряхнул седой головой, по-молодецки поднялся с кресла, где до сих пор сидел, и медленно пошел за свой широкий, как аэродром, письменный стол...

ДУМА О ЧЕТЫРЕХ КАПИТАНАХ

Больше всего стихов в Туве написано об Улуг-Хеме. Великой реке. Енисее. Священной реке, которая единит Туву и Россию.

Среди тех, кто больше всех проплавал по Улуг-Хему — Нугисы. Отец и его три сына. Эстонцы. Все капитаны кораблей.

Родина Енисея — Тува. Если лететь над Восточными Саянами, то у подножья перевала Сотхен-Дабан можно легко приметить голубую, а против солнца серебряную пиалу с кедрово-елочным обрамлением по краям — озеро Кара-Балык. Из него и вытекает богатырь Сибири, который в верховье зовется Бий-Хем — Большая река. Он здесь небольшой — шириной несколько метров, а глубина — полметра. Через 560 километров, именно напротив столицы Тувы — Кызыла, он соединяется с Каа-Хемом — Малой рекой, а вместе они образуют Улуг-Хем. Ширина в этом месте уже 220 метров. Еще через более чем четыре тысячи километров, вобрав в себя сто тысяч рек и речек, при впадении в Карское море, Енисей станет шестьдесят километров шириной...

Родина эстонцев Нугисов — тоже Тува. Теперь они все живут в Кызыле, а родились в селе Сарыг-Сепе, на берегу Каа-Хема.

Ходят они сейчас на мелководных буксирах и теплоходе «Заря» в верховье Бий-Хема.

О Бий-Хеме рассказывают легенду.

Жил бог солнца Бель. Его владениям не было конца и края. Было у него шестнадцать сыновей. Жили они в горах Одугена, откуда и сейчас поднимается солнце. И послал однажды Бель своих парней посмотреть, нет ли где такого места на земле, куда бы он сам еще не заглядывал. Сыновья в дороге перессорились. Каждому хотелось первому начать рубить гору, которая стояла на их пути, чтобы уплыть с озера. Ссорились они долго, но гора ни с места. Рассердился тогда отец и превратил их в реку. Река прорезала трехметровую щель в горе и упала с восьмиметровой высоты в ущелье. Так появился Бий-Хем. Река, которая смело и с грохотом ворвалась в этот мир...

О предках капитанов Нугисов рассказывают, что их сослали в Сибирь, на золотые копи, в далекий Урянхайский край (так тогда называли Туву) с острова Сааремаа в конце прошлого столетия за свободомыслие и неподчинение помещикам. Приехали вчетвером: дед и бабушка, да отец и мать нынешнего старейшины рода — Николая Васильевича. Отец и здесь приобщился к революционной борьбе. Но во время одного из частых в революционные годы переворотов

его убили контрреволюционеры. Маленькому Николаю было в то время полтора года. Когда минуло двенадцать, умерла мать. Воспитывали его бабушка с дедушкой.

...Если оценивать заслуги Енисея перед человеком, то можно, не рискуя быть нескромным, сказать, что он и поит, и кормит, и радует глаз, и стал для многих народов, которые осели на его берегах, и гордостью, и гигантом-тружеником, и еще много «и», без которых не мыслится одна из самых больших рек нашей страны и планеты. Это он и его притоки дали Туве поэтическое название — Страна голубых рек.

Первый маленький пароход «Минусенок» от Кызыла в верховье Енисея по Бий-Хему провел в 1925 году не Нугис — он был тогда слишком мал. К слову, то экспериментальное плавание под руководством заведующего пароходством Верхнего Енисея Лукьянова было недолгим: и по расстоянию, и по времени — всего до страшного Хутинского порога семнадцать километров. Потом был длительный перерыв. А в 1953 году один из мелководных дизельных катеров (БМК) повел Николай Васильевич Нугис.

Улуг-Хем, Енисей, Ионесси... 280 километров летит он сломя голову (перепад высоты до тысячи метров!) узким Саянским коридором. Г. М. Кржижановский в своих воспоминаниях писал, что В. И. Ленин, любясь Енисеем, не раз говорил, что неразумно такую могучую силу тратить впустую — Енисей должен служить людям. И А. П. Чехов восхищался: «...в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея... Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость... На Енисее же жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась... Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

Только мечта? Нет! Вот уже Красноярская ГЭС на шесть миллионов киловатт и, наконец, самая мощная в мире Саяно-Шушенская ГЭС, которая уже дает энергию!..

Николай Васильевич Нугис всю свою жизнь держался воды, прирос к ней, как и настоящий помор-эстонец. Юношей пошел сплавать лес, потом — на золотых приисках в верховьях Бий-Хема. И снова валил лес зимой, а летом — плоты к Кызылу. И это на протяжении многих лет — как удобно, называйте — счастье (что не разбился на порогах и водоворотках) или мастерство. Может, поэтому ему одному из первых в Туве доверили БМК — буксир плотов.

Степан Щипачев, когда побывал в Туве, в верховье Енисея, не удержался:

В поднебесных скалах Одугена
первой струйке капля дорога.

Та земля навек благословенна,
где такая родилась река!

Местный поэт, один из зачинателей тувинской литературы Сергей Пюрбю, в поэме «Кюзель» сознается:

Улуг-Хем, словно гривой коня,
плещет в небо волной голубой,
за собой мое сердце маня,
и мою увлекает любовь.

Николай Васильевич Нугис привил любовь к великой реке своим сыновьям: Виктору, Александру, Владимиру. На одном из теплоходов работала поваром его жена Варвара Викторовна.

Про это он сам так скажет:

— Как ребятешки (любимое его слово — **Ф. З.**) подросли, стал брать их с собой вопреки корабельному уставу и наказам начальства. Где тихий плес — штурвал даю...

С Нугисом-старшим на Енисее, на воде, всякое случалось: один раз поднимались с баржей, а возле Хутинского порога, как назло, кнехт оторвался — едва толкач не утонул, но спасли его... Когда поехал на родину родителей, в Эстонию, один толкач утопили: после этого возле порога (волна здесь больше трех метров) на берегу установили лебедку и с ее помощью перетаскивали теплоходы... Однажды выговор заработал: бросил плот перед порогом. А что было делать — увидел, как лодка, которая шла против течения с двумя детьми и мужчиной, перевернулась. Пospешил на помощь: детей спас, а их отца не смог — тяжелые резиновые сапоги рыбакова потянули на дно...

Да что там: всякое случалось — от Ырбана до Кызыла 237 километров. А за навигацию сплавлял около сорока плотов, и всегда какое-то приключение: то с браконьерами встреча, то с горе-туристами, то с медведем, то с пьяными рыбаками...

...Он шел по берегу с удочкой и ловил хариуса. Сегодня рыба-молния явно не хотела хватать искусственную мушку. Всего на сто метров выше, против течения, создавалось священнодействие — обнимались, сливались воедино Бий-Хем и Каа-Хем. Он стоял на берегу Улуг-Хема.

— Знаете, тридцать пять лет ходил по Бий-Хему и ни разу рыбу не ловил — некогда. Вот теперь, на старости, как на пенсию проводили, играю в рыболовство.

Николай Васильевич почему-то не хочет говорить, что в свои шестьдесят пять лет он не может отдыхать — трудится в Кызылском участке Енисейского речного пароходства береговым матросом. Сегодня у него выходной — делает вид,

что ловит рыбу. Но какая рыба — сказано, не клюет, да и внук Андрей вот-вот должен подойти (в этом году он окончил школу, готовится поступать в Новосибирское училище речного пароходства, как отец, дяди и дед, — будет речником). Дед посадит его в порту на очередной толкач и попросит капитана поделиться опытом с внуком. С отцом не напрактикуешься — он на пассажирской «Заре» ходит один в Тоора-Хем. Такой теплоход не для тренировок.

Старый капитан смотрит вдоль берега (не идет ли Андрей) и рассказывает тем временем о своих сыновьях.

— Саша спокойный, уравновешенный, у него уже две дочери; Володя всегда был неугомонный, интересовался всем, его дочь уже осенью в школу пойдет; а Виктор горячий, стремительный, как Бий-Хем, — вот и сын его Андрей такой, да и дочка-пятиклассница...

Немного подумал и как будто поставил точку в разговоре:

— Хорошо, что Андрей к реке тянется, к кораблям. Скоро будем иметь пятого капитана...

А я подумал: хорошо, что об Улуг-Хеме, Енисее, Ионесси больше всего стихов написано. Даже больше, чем о любви, о звездах, о цветах...

ПЕСНЯ ГОРНЫХ ОРЛОВ

До вершин настоящих гор было еще далековато. До клетка орлов-беркутов — еще выше.

А у Ондара Маржымала Очуровича — свои заботы, свои волнения. У него четырнадцать детей — десять сыновей и четыре дочери, и только один из них, Алексей, владеет хоомеем. Не узнаешь, шутит ли, серьезно ли говорит их отец об этом, но вздыхает тяжело, не объясняя даже, что обозначает это загадочное слово.

— Вот знали бы все хоомей — имел бы семейный ансамбль: все призы, все грамоты, вся слава наша была бы...

— А если бы в школе не девять учащихся пели, а все четыреста пятьдесят, представляете?.. — подхватывает первый секретарь райкома партии, который ехал с нами долиной реки Хемчик.

Остановились передохнуть на часик в обыкновенной сельской школе, в Бора-Тайге Сут-Хольского района, — не так передохнуть, как услышать, наконец, этот таинственный хоомей.

Хоомей — гортанное пение, которым гордятся тувинцы. Очевидно, не зря, если по его проблемам собирался музыкальный фестиваль РСФСР, на который приезжали в Кызыл

гости из Монголии, Эстонии, Якутии, Хакасии, Калмыкии, Башкирии...

Маржымал — учитель труда в сельской школе у подножья высоких гор, на которых гнездятся беркуты. Но известен он не этой, без сомнения, нужной и необходимой работой — воспитанием у детей любви к труду, к творчеству. И не тем, что он отец четырнадцати детей — в Туве такое не диковинка. Да и не тем, что своими руками создает легкие и звонкие национальные музыкальные инструменты — бызаанчы (тувинские скрипки), дошпулууры (что-то похожее на русскую балалайку), хомусы (почти подруга закарпатской дрымбе). На этих инструментах играют не только в районе — тувинский народный ансамбль песни и танца «Саяны» полностью укомплектован инструментами его работы. Так вот наибольшую славу заслужил он даже не тем, что хорошо владеет хоомеем — сам не раз выступал в Красноярске, Иркутске, принимал участие в концертах Московской Олимпиады-80. Наконец, и не тем, что стал душой районного ансамбля хоомеистов «Сыгырга» («Иволга»). Да и не тем, что сам сочиняет распевки для горланного пения — о Ленине, партии, Туве, совхозе, школе, селе, речке...

Наибольшую славу добыл себе и, я думаю, еще больше добудет Ондар Маржымал Очурович тем, что создал и руководит единственным в стране, а значит, и в мире, детским ансамблем горланного пения при школе — «Сарадак» («Мараленок»).

Ансамблю всего-то был год от рождения, а он уже стал лауреатом первого республиканского конкурса исполнителей горланного пения, участником многих, и не только детских, концертов. В нем девять участников — шесть мальчиков и три девочки: от четвертого до десятого классов. И внушительная подготовительная группа, которая стоит на пороге вступления в ансамбль — почти сорок человек.

Послеобеденная пора. За маленькими артистами ансамбля по селу побежали их школьные товарищи, и пока мы слушали воздыхания его руководителя, не зная, верить ему или принять за шутку слова о семейном ансамбле, пока Маржымал Ондар наигрывал несложные тувинские мелодии на разных инструментах, делился секретами их изготовления (например, за буком для головки дошпулуура пришлось ехать аж в Улан-Удэ, в соседнюю, но не ближнюю Бурятию; кожа для бызаанчы подходит только с горных козлов), за дверью, в соседней комнате послышалось поспешное шарканье по дошв об пол, нетерпеливое покашливание. И вдруг...

Мне послышался сначала грозный клекот горных орлов, а затем его сменил голос бызаанчы и здесь же добытый где-то со дна столетий стариковский голос — один, второй...

Удивленно посмотрел на учителя, потом на стену, где были подвешены инструменты — откуда они в соседней комнате и что там за деды?

— Дети пришли,— уловил мой взгляд Маржымал,— пусть немножко распоятся...

Они вошли к нам в комнату стеснительной стайей — стали у двери, возле стенки. Их учитель и руководитель ансамбля тем временем знакомил:

— Это Ойдан-оол, сын чабана Ховалыга Киян-Кара, а этот, Виктор, сын чабана Алдын-оола Куулара, Руслана — дочка тоже чабана Санчая Ооржака, отец Кимаа — Чанчик Ховалыг скотником на ферме...

Дети переступали с ноги на ногу, и вдруг снова — откуда звук? — губы у детей чуть-чуть приоткрыты, руки поддерживают сердце, будто оно хочет вылететь из груди, а лица стали вдруг напряженными и красными. И звук... Да нет — откуда-то родились у всех по два звука одновременно: один похожий на игру инструмента, а другой — если бы не смотрел, не видел, что передо мной дети, подумал бы, что это ансамбль стариков — такой мощный, низкий, грудной звук.

Хоомей... Боюсь, что толком не перескажу словами, что оно такое, это уникальное одновременное двухголосное пение одного человека.

Сказать, что холодновато-свистящий тембр одной мелодии накладывается на бархатный протяжный звук, будет близко к истине, почти правильно, однако не передаст всего волшебства и своеобразия этого искусства. «Пением без слов», «свистом дыхательного горла» — так называли его исследователи в разные времена.

Хоомей — феномен, который пришел (это доказано наукой) к нам из седой старины: он ровесник окрикового пения, которое сохранилось до наших дней у монголов. В совершенстве владели гортанным пением древние племена Центральной Азии — гунны, тюрки, торгоуты, тибетцы, дравиды. Секрет — особое расположение голосового аппарата во время пения, что сейчас не имеет аналогов и характерно разве что для доразговорного звукоподражательного периода развития человеческого общества. В доразговорном периоде главную роль в процессе общения играли так называемые ложные голосовые связки, создающие в двухголосном пении свистящий механизм. Наши пращуры общались между собой языком свиста. Доказательство этому — новейшие открытия американских ученых-лингвистов, это засвидетельствовали и экспедиции в эпоху Колумба и Магеллана на Африканский и Южноамериканский материка — им удалось еще видеть таких людей.

Значит, оригинальное акустико-физиологическое располо-

жение поющего аппарата и необыкновенное вокально-инструментальное звукообразование — пение-свист — дают основания ученым считать, что двухголосное гортанное пение есть реликт самого древнего искусства звукового и языкового подражания.

В Туве — единственном месте в нашей стране, где развит хоомей,— больше всего талантов этого необыкновенного искусства. А в том, что нужно иметь врожденный талант для того, чтобы исполнить двухголосное гортанное пение, можем убедиться на примере семьи Ондара Маржымала Очуровича.

Сам — певец-хоомейжи, руководитель детского школьного и взрослого районного ансамблей хоомей, а в его многодетной семье, как говорилось выше, только один сын имеет способности к такому пению.

Воспитать эту способность? Специалисты-музыканты, с которыми я встречался в Кызыле, настроены скептически. Кстати, надо ли удивляться: до последнего времени природа этого чуда человеческого голоса оставалась непонятной и не имела объяснений. Как бы ни выслушивали грудь и горло, как бы ни наблюдали в зеркало ларинголога за процессом рождения звука...

Природа заложила в целом тувинцам в гортань два генератора звука — смыкание обыкновенных голосовых связок порождает остигатный фон, побочный свистящий звук — вот где разгадка хоомей!

...Мы все-таки преодолели в этот день угрюмую и безлесую, сожженную солнцем каменистую вершину горы. Правда, не пешком,— райкомовским уазиком, но покорили.

Уже когда остановились и наконец замолк надрывный гул двигателя, обрадовавшийся шофер затянул... хоомей. Оказывается, и он — участник районного ансамбля гортанного пения «Сыгырга».

Хоомей был под стать настроению на этой дикой вершине. Он лился просто и природно, будто приложение к этим высоким небесам, и к потресканным от солнца и мороза серо-красноватым скалам, и к выжженной жесткой траве.

Достаточно прикрыть веки, подставить лицо горячему ветру — и ты безошибочно знаешь, что стоишь на тувинской вершине...

А над тобою горные орлы и их беспокойный клекот.

ТЕПЛЫЙ КАМЕНЬ

Мы сидели в маленькой кухоньке на четвертом этаже, в центре Кызыла. Я попросил, чтобы она показала, как из камня под резцом рождается верблюд или лошадь, олень или

барс... Напрасно просил. Это понял позже. Невозможно за несколько минут показать то, что добывается всей жизнью, а может быть, и больше — опытом пращуров.

Она все-таки взяла в руки резец и брусок зеленоватого холодного агальматолита. Наверно, больше для того, чтобы не обидеть гостя. Начала сосредоточенно отнимать лишние кусочки. Камень крошился, но оставался ровный след резца.

Она быстро поняла, что это бесполезный труд даже для вежливости,— невозможно показать на глазах полностью творческий процесс. Технологию — да. А мысль? А внутреннюю борьбу перед разными вариантами? А вдохновение, которое, наконец, делает камень живым, теплым, превращает его в художественное произведение?

Вовремя постигла, что ей это не под силу, потому что протянула мне резец и еще холодный камень: попробуйте.

Я попытался: сделал несколько случайных штрихов и отложил в сторону.

Тогда спросил еще наивнее: сколько она вырезала за свою жизнь таких фигур из камня — медведя и козла, национальные шахматы (32 фигуры), шамана и чабана, всадников и всадниц...

Раиса Ажиевна Аракчаа совсем растерялась: попробуй считаай. Может, тысячу, может, две, а то и пять...

Не вяжется у нас с нею беседа. Она сидит на скамейке передо мною, будто обречена, испуганная и растерянная: вопрос — краткий ответ. Да и то пока подберет нужные русские слова. Листаю свежие польские, чешские журналы, «Советский Союз», «Литературную газету», где о ней достаточно колоритно написано, а натянутость беседы не исчезает.

Чувствую, что задерживаю ее,— хотя и воскресенье, но хозяйку квартиры ждет много неотложных дел. И парни, сыновья ее, достаточно откровенно за дверью передвигают стулья, гремят посудой. Договариваюсь о следующей встрече и все же не сдерживаюсь, чтобы не сказать о той ее непонятной боязливости и настороженности.

Она быстро опустила глаза, а когда подняла,— лицо покрылось румянцем. Удивительно, как в шестьдесят можно вспыхнуть.

Мы уже стояли возле двери в коридоре, и я взялся за ручку.

— Вы правильно заметили — я боюсь,— виновато, как здесь говорят, «насмелилась» ответить.— Боюсь, что после вас кто-то придет, откроет дверь и засмеется в лицо: какой ты народный художник Тувы? Где там о тебе писать? Иди, где была раньше,— в подсобку молочного отдела гастроно-

ма, заноси полные ящики с бутылками молока и выноси пустые... Боюсь... Не верю и сейчас...

Понемножку она успокоилась.

— Вам трудно меня понять. Да и зачем? Главное — людям нравятся мои работы. И в Москве, и по заграницам. Теперь их закупают в музеи — спасибо.

Мы все так же стояли в коридоре.

— И все же я не верю в это — в успех, славу, признание: мне все время кажется, что это сон, что это с кем-то другим, а не со мною. Когда присвоили Государственную премию РСФСР имени Репина, я целый год еще работала в магазине, не представляла, что за счастье работать с камнем могут платить деньги, что могу целыми днями резать фигурки,— какие только фантазия подскажет. Думала, что это ошибка: придут и заберут премию, удостоверение члена Союза художников. Куда я тогда? Поймите меня: в сорок восемь лет я ушла из молочного отдела. У меня же нет другой специальности.

Мы и так тихо беседовали, но она еще понизила голос, лишь бы случайно сыновья не услышали.

— Хотя нет,— я была чабаном, как отец и мать, позже, когда в двадцать вышла замуж, и поваром работала, техничкой, носило меня за мужем по всей Туве. Он работал то техническим секретарем, то учителем, то заведующим начальной школой, то милиционером. А потом запил и поехал со второй женой в Тоджу. Знаете, чего еще боюсь — лишь бы он не возвратился, только бы не разбил мое счастье на старости. Все три сына уже выросли. Сергей окончил школу МВД, работает милиционером. Володя в армии отслужил, недавно в запас уволился, жениться хочет. Олег окончил вуз в Омске, тоже имеет профессию. Нам хорошо. Вот и потому еще боюсь, что очень хорошо нам...

Парни раз за разом приоткрывают дверь в коридор, удивляются: сидели на кухне (она служит Раисе Ажиевне и мастерской в их двухкомнатной квартире) — мало разговаривали, вышли в коридор, стоят — много говорят...

— И вы знаете,— она еще прикидывала, стоит говорить мне об этом или нет,— не женское это дело — резьба по камню... Всегда, извечно этим мужчины занимались. Я не знаю, как это ко мне пришло. В детстве, как овец пасла, развлекаясь, вырезала разные безделицы из дерева. И позже, когда очень тяжело было в семье, когда нервы совсем не выдерживали, резала по дереву, успокаивалась. Но вырезала фигурки животных или людей и сразу же выбрасывала или дарила детишкам соседей. Так долго длилось. До тех пор, пока в 1965 году не встретила на южном аржаане —

минеральном источнике — Тарысе, где поправляла свое здоровье, с известным на всю республику камнерезом Хертеком Тойбу-Хаа. Когда он увидел несколько моих «деревяшек», которые я от нечего делать вырезала, посоветовал взяться за камень.

Она умолкла, подбирая новые слова:

— Я была первой в Туве женщиной-камнерезом. Может, еще поэтому боюсь. Не верю в бога, но боюсь, что кто-то придет и заберет у меня эту способность резать, фантазировать... Вы меня понимаете?

Понять женщину, которая преодолела в жизни столько трудностей и неприятностей, конечно же, можно. Но...

— И я вас очень прошу — не приходите больше... Мне еще и перед сыновьями неудобно, ведь ко мне столько корреспондентов приходят, мои портреты художники пишут, меня фотографируют. Не заслуживаю я этого. Хорошо? Что-нибудь себе напишите, если очень нужно и этого от вас требуют, я не обижусь, если что-то не так. Согласны? — и протянула руку. Немножко задержала легкое пожатие: — Я вам рассказала и так сейчас то, чего никому чужому до сих пор не рассказывала. Мне будет стыдно еще раз с вами встретиться, ведая, что вы все знаете...

И уже на улице вспомнил, что я не видел ни одной завершенной ею фигурки. Мысленно прошелся еще раз по комнатам, надолго останавливался в кухне и только теперь с удивлением заметил, что в квартире нет ни одной ее работы. Удивительно! Снова стыдливость?

Придется идти в республиканский краеведческий музей имени 60-ти богатырей и там смотреть на работы Раисы Аракчаа. Что же, это даже интересно: сопоставить ее работы с произведениями других мастеров, женский талант с мастерством мужчин.

В зале народного творчества Тувы в самом деле глаза разбегаются — чего здесь только нет! Отдельно от изделий из кожи и меха, небольшие, высотой в пятнадцать-двадцать сантиметров, каменные, стилизованные фигурки животных — традиционный тувинский сувенир. Здесь и козерог, и сарлык (так тувинцы называют яка), и собака, и лиса, и лошадь, и верблюд — нет, кажется, такого животного в республике, которое бы не было воплощено в камне. И не просто запечатлено, а в движении, в динамике. Посмотришь, скажем, на оленя — и можно представить себе какой угодно сюжет: обрыв, погоня волков, отчаянный прыжок...

Целое созвездие талантов: Раиса Аракчаа, Саая Когел, Бригад Дупчур, сыновья известных камнерезов Эрес Байынды и Дондук Дойбухаа...

И в самом деле, глядя на ее работы, произведения рук других мастеров, можно согласиться с одной из рецензенток: овладев секретами мужского ремесла скульптуры малой формы, она привносит в древнее искусство индивидуальную трактовку образов людей и животных со свойственной ей женской мягкостью, плавными линиями рисунка, и от этого все ее работы отличаются от других характерным, именно ее почерком.

Не надо быть особенным знатоком, чтобы увидеть, какие легкие ее работы на фоне традиционно монументальных работ других художников, которые стремятся, как правило, сохранить формы и пропорции тела животного, одновременно подчеркнуть вес, массивность их прототипов.

У Раисы Аракчаа животные будто сотканы из розового весеннего цвета рододендрона, которым так богаты Саяны. Они видятся мне где-то в полете. И не верится, что в эти произведения за несколько недель кропотливой работы художника превратился холодный кусок агальматолита.

Не знаю, поверите или нет, но я даже сквозь стеклянные музейные витрины чувствовал тепло розового и белого камня.

ЛЕГЕНДА О ХУДОЖНИКЕ И СКРИПКЕ

Сначала — о скрипке. А впрочем, что о ней: вот она, целая-целехонька, неизменно висит уже более тридцати пяти лет на стене в мастерской художника.

Художника, который никогда не умел и не умеет играть на скрипке, хотя очень хотел научиться. Висит и все. Обыкновенная скрипка, на которой не играют, скрипка, которую делал не Страдивари... Единственное небудничное, что скрипка эта довольно издалека: подарок простого верховинца — так называют в Карпатах горцев — одного из сел под Ужгородом. Это и все.

Теперь о художнике. Да что там, художник — как художник: с любовью пишет пейзажи, не избегает портретов. Г. С. Суздальцев. Русский. Хотя сам часто любит повторять: я — азиат. Может, потому, что тувинские партизаны выходили его в гражданскую, с тувинцами, позже, коров и овец пас, да и родные — дед, отец, мать — приросли к этой земле, где нашли в свое время пристанище после того, как на родине, на Рязанщине, подожгли усадьбу помещика — отомстили за постоянные издевательства. И умеет, как и многие тувинцы, петь хоомей.

Значит, художник и скрипка. Чувствую, что их бы объединить как-то, увязать, не важно, что он не умеет играть на

ней. Да разве не достаточно того факта, что лейтенант Советской Армии, командир саперного взвода Георгий Суздальцев прошел дорогами войны всю Украину, был тяжело ранен под Ужгородом, лежал в бинтах в одной из верховинских хат, слушал пение скрипки, которой горец развлекал раненых, и плакал от той музыки, потому что хотел жить, мечтал перенести тот говор струн, который брал за сердце, тот образ, созданный смычком, на полотно.

Старый горец видел те слезы, и хотя тяжело было ему отдавать единственный музыкальный инструмент из дому, подарил. В благодарность Георгий полулежа написал портрет Шевченко — один из лучших портретов в своей жизни. Так скажет сам Суздальцев более чем через тридцать пять лет. И, показывая соседям-горцам тот ответный подарок, рассказывал верховинец о сапере. А по хатам шелестело: маляр лечится в крайней хате...

Так вот я спрашиваю: разве не мало того факта, что воин после демобилизации не бросил в победной кутерьме обратных дорог и станций верховинскую скрипку, привез ее в далекую Туву? Из центра Европы — в центр Азии!

Сам не мог научиться играть на ней — дочь записал в музыкальную школу. Но Ирина, как на зло, прикипела к фортепиано.

А потом как-то мать Валерия Соколова, тогда одного из многих его учеников по живописи, смущенно созналась, что отдала сына еще и в музыкальную школу в класс скрипки. А инструментов, известно, после войны нет. Не мог бы...

Он отдал, но так ему стало одиноко и грустно в мастерской без скрипки, так не получалось с работой, что он аж в Свердловске при случае приобрел в магазине для Валерия скрипку, а свою, закарпатскую, забрал.

Висит на стене его скрипка. Не велика беда, что никто на ней не играет, что хозяин только изредка возьмет ее в руки, поддержит перед глазами, успеет за несколько минут побыть в двух концах — и в пространстве, и во времени: посетить те тяжелые, но победные годы, заглянет через всю страну в Ужгород, в его окрестности, и в ту почерневшую хату, что прижалась под высоким, развесистым грецким орехом...

Вот и сейчас повеял через форточку ветерок с Енисея, показалось, будто перебрал все струны, коснулся и выделил самую тонкую, самую звонкую: дз-з-ен-нь...

О чем она хочет сказать?

Может, о полотнах художника, которые принесли ему заслуженную славу на республиканских выставках в Кызыле, на зональных «Сибирь социалистическая» и на Всесоюзных в

Москве? «Хуреш» — эпизод национальной борьбы, «В дозоре» — о пограничниках, портрет народного писателя Тувы Степана Сарыг-оола, а дальше — «Хозяин Улуг-Хема», «Песня БАМа...» Да и новое полотно, над которым сейчас работает, о Салчаке Тока, как пропагандисте ленинских идей в Туве, под условным названием «Хурал», обещает быть значительным и этапным в творчестве Георгия Сергеевича.

Но я ошибся. Скрипка снова напомнила ему об Украине — на этот раз о киевском художнике Викторе Ладейщикове. Суздальцев только скупно скажет:

— В моей творческой судьбе заслуга Ладейщикова особенная...

Они встретились уже в возрасте, недалеко от Кызыла, в Шушенском, на одном из Всесоюзных семинаров художников. Оба профессионалы, у каждого за спиной своя школа, сотни работ, выставки.

Но вот что интересно: идет себе с этюдов, с мольбертом под рукою, Ладейщиков — немножко сутулый, седые волосы ветром растрепаны, глаза горят приветливо, без малого песенку веселую не насвистывает. Одно слово, — настроение чудесное.

А вот тащится Суздальцев, как туча, — ничто его не радует в мире: ни ласковое солнце, прячущееся за горизонт, ни рубленые дома вдоль улицы, что выстроились, будто на параде, ни картинные деды в картузах с закрученными усами на лавочках перед домами... Чуть не плачет: не получают его картины! Чувствует давно — топчется на месте. Никаких поисков, свежих красок, тем. Понимает, а сделать ничего не может. А тут еще рассмотрелся работ целого созвездия талантов со всего Союза — совсем плохо стало, хоть беги куда глаза глядят.

И вдруг легкая рука легла на плечо — Ладейщиков:

— А вы не отчаивайтесь, не суетитесь. Все будет хорошо. Мало используете серой краски... Над небесами надо работать... Давайте завтра с утра вместе напишем... Там конкретный разговор пойдет...

Суздальцев дополняет и уточняет:

— За ту неделю в Шушенском я будто заново родился. Образно говоря, Ладейщиков снял меня с крючка, который все эти годы держал и не отпускал. Снял и подтолкнул легонько: иди... Он будто глаза мне на свое место поставил — до конца своей жизни буду ему благодарен.

О скрипке мы словно забыли.

— Вы знаете, иногда посмотрю в паспорт и удивляюсь: мне шестьдесят два. А вижу и чувствую себя сейчас совсем молодым...

У него был интересный дед — Филипп Федорович: тот, что помещицью усадьбу на Рязанщине поджег. Был ямщиком, неизвестно, на каких дорогах добыл «Руслана и Людмилу» Пушкина; подарил Георгию Сергеевичу. Суздальцев и теперь наизусть знает всю поэму, а сказки рассказывает, жестикулируя и меняя голос, будто настоящий артист.

Артистом он не стал, хотя имеет талант и настоящую скрипку.

Зато стал талантливым учителем живописцев. Учеников он находил везде и разных, но обязательно талантливых. Преподавал живопись в педагогическом училище, вел кружок в Доме пионеров. Постоянно окружает его ватага молодых в мастерской и дома. Сейчас многие члены Союза художников Тувы — его ученики.

Художник выдавливает из тюбиков краски, размешивает их, пробует кистью (такая ли?) на фанере и приступает к работе над новым полотном, на котором (я уже знаю) снова будут такие близкие тувинские горы в фиолетовом зареве — для меня почему-то они ассоциируются с горами на полотнах Николая Рериха...

— Какие, спрашиваете, у меня самые лучшие работы?— рисуя, он продолжает разговор.— Чистое полотно, натянутое на раму, поверьте, не лукавлю. А самое лучшее место на земле — село Черби, где я вырос.

А скрипка и дальше висит себе на степе. Ей не до наших бесед: она, моя землячка, конечно же, знает больше, чем мы — песенное дерево, которое попало в географический центр Азии из географического центра Европы.

ДРАМАТУРГИЯ

Владимир СЕРЕН-ООЛ

СУД МАТЕРЕЙ

Драматическая поэма-парабола

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мать-Солнце.

Мать-Земля.

Мать.

Жених.

Невеста.

Девушка.

Элчи — Ангел смерти.

*«Если человечество не научится жить
в мире, оно погибнет».*

*Чингиз Айтматов,
«...И дольше века длится день...»*

Взгорок. Ступенчатые скалы. На скале дерево. У источника — аржаана виден желобок. Валуны, удобные для сидения. На переднем плане сцены — каменная стела с изображением женщины. На другом углу демонтированный столб электролинии.

Взявшись за руки, на это место выбегают Жених и Невеста.

Жених

Сюда давно мечтали мы прийти,
и в ясный день, и в злую непогоду.
Вот древний наш Аржаан, — ты погляди, —
несет свои целительные воды.
И шум его все слышат издали,
сюда несут людей быстрее ноги,
и предки мои древние несли
к нему свои сомненья и тревоги.
К источнику дороги все ведут.
Давай с тобою вместе здесь побудем.
Вот этот камень Девушкой зовут,
и издревле к нему стремятся люди.

Невеста

Давно о том хотела я узнать.
Легенды эти хороши на диво,
и как я здесь мечтала побывать!
Сбылась моя мечта. Как здесь красиво!
А об Аржаане — древняя молва,
но и теперь о нем мы слышим снова.
Я вспомнила сейчас твои слова:
«Здесь побывав, не изберешь другого».
К источнику, покинув города,
стремятся люди, путь узнав заранее...
Теперь я убедилась навсегда,
что только ты — и друг мой, и избранник.

Жених

Ты не способна, знаю, на обман.
Хотя на свете все и быстротечно,
наверное, священный наш Аржаан
скрепляет души и сердца навечно.

(Указывает рукой на каменную стелу.)

Вот этой стеле лет не исчислить,
пред ней мелькали и года, и лица.
Когда б она умела говорить,
она к тебе смогла бы обратиться.
Она б сказала: «От меня вдали
ты выросла и телом, и душою,
из всех прекрасных девушек земли
ты кажешься мне самой неземною...»

Невеста

Священная! В моих ушах звенит
об этой степи древнее поверье,
мне кажется, что ветер шевелит
твою одежду, что сияют серьги
и замирают на устах слова...
И, вспоминая старые преданья,
мне кажется, что я сойду с ума,
когда увижу глаз твоих сиянье.

(Рассматривает стелу, обращается к Жениху.)

В ее лице покой и забытье,
а мне сейчас... Я больше не беспечна.
Мне кажется, что на груди ее
нашло приют таинственное нечто...

Жених

Приют?.. Да, ты права — приют мечты.
Отрадно здесь и радостно влюбленным.
Сюда кладут прекрасные цветы!
уже который год молодожены.

Невеста

Здесь загорятся их сердца огнем,
с годами он все жарче разгорится.
Задумала я — мы сюда придем,
как только наша свадьба состоится.

Жених

Еще семь раз появится луна,
и новой жизни мы откроем двери.
Вот посмотри — два старых валуна.
И существует древнее поверье:
чтоб отвести от их племен беду,
два хана, жить решив в любви и в мире,
забыв племен извечную вражду,
своих детей навек соединили.
И там, где был свершен священный брак,
нетленно все. Их смерти не коснуться.
С тех пор на этих древних валунах
друг другу люди в верности клянутся.
Мне хочется сказать тебе опять:
уверен я — союз наш будет светел.
Не будем мы традиций нарушать.
И мы с тобой...

Невеста

...не раз здесь утро встретим.

Жених

Твои глаза надеждою полны.
Должно быть, так положено невесте.
Пусть солнце с неоглядной вышины
любуется тобой со мною вместе.
(Целуются.)

Девушка с кувшином (входя)
Вот это да! Как будто бы одни
они сейчас — одни на белом свете!
Уж эти мне влюбленные! Они
порою неразумны, словно дети.

Жених (Невесте)

С тобой всю жизнь мы проживем любя.
Любовь — всегда открытие и чудо...
(*Девушка с кувшином нарочно громко кашляет.*)

Жених (заметив ее, радостно)

Сестричка, здравствуй! Видеть рад тебя.
А где же мать? Где зять? Идешь откуда?

Девушка

Я тоже рада встретиться с тобой.
Тебя и не узнала я сначала.
Пришла я, чтоб живительной водой
мать напоить, она в пути устала.
Так хочется сюда ее душе!
Прийти к Аржаану, перед ним склониться...
А зять ваш, мой возлюбленный, уже
четвертый месяц служит на границе.
И днем, и ночью думаю о нем
с тревогою порой и со слезами...
(*На минуту задумывается.*)
Мы с матерью с собрания идем.
И нам на нем — представь себе! — сказали...
Здесь скоро не придется вам бродить.
Уже сегодня нам сказали точно:
через неделю нужно уходить,
оставить эту землю и источник.
Собрали нас, чтоб это сообщить,
так решено — и нет другого мнения,
что очень скоро будут проходить
здесь крупные военные ученья.

Жених

Ну что ж? Решили — значит, им видней,
тем, кто за дело трудное берется.
Не станешь спорить... А пройдет семь дней —
и мы с тобой опять сюда вернемся.
(*Обнимает Невесту.*)
Тогда нас станут называть — семья.
Нам даст благословенье эта стела.

Невеста

Уйдем, конечно. Но сегодня я
подставлю струям и лицо, и тело.
(*Снимает платье, бросает его на стелу, идет к Аржаану.*)

Ж е н и х *(задумчиво)*

Других земель в моем краю не счесть,
об этом не подумал я сначала.
Вот странно: почему ученья здесь
проводятся? Неужто места мало?

Д е в у ш к а

Твоя невеста очень хороша!
Но, брат, скажи ей: это святотатство!
В обычаях — народная душа,
с обычаями следует считаться.

Ж е н и х

Ну, не сердись, сестра. Придет черед...
За стелу, за Аржаан в ответе люди.
Она же городская. Через год
привыкнет и оценит, и полюбит.

Н е в е с т а *(зовет Жениха)*

Иди сюда! Ты разве не устал?
Прохлада этих струй тебя не манит?
Аржаан — чудесный! Как вода чиста!
И материнским молоком он пахнет.

Ж е н и х

Да, исцеление больным несет
его вода. И славно лечит раны...
Смотри, навстречу мать моя идет!
Ее зовут хозяйкою Аржаана.

М а т ь *(взглянув на платье, брошенное на стелу)*

Не нравится мне это, что скрывать.
Мы стеле поклоняемся поныне.
Зачем неуваженье проявлять?
Смотри, чтоб не разгневалась святыня!
(Невеста снимает платье со стелы.)

Ж е н и х *(смущенно)*

Наверно, в этом есть моя вина:
я ей не объяснил, что нас осудят...
(Представляет Невесту Матери):
Моя Невеста. В будущем она
врачом хорошим непременно будет.

М а т ь

Конечно, дети, сразу не поймешь:
для вас — старо, для нас же — вечно ново...
Скажи, сынок, — ты в городе живешь, —
возможно, ты мне объяснишь толково.
Стара я стала. Сеть морщин у глаз,
но мыслей тьма в моем мозгу роится.
Ведь мир теперь. И стоит ли сейчас
пальбу здесь затевать, стрелять учиться?
Пасти стада, больных людей лечить —
вот наша цель. Есть мир, покой и пища,
зачем же нам отсюда уходить
и оставлять и землю, и жилища?
От грома танков задрожит земля,
дым взрывов сплошь покроет горы, доли, —
ну, а потом останутся поля
без зелени, цветов, пусты и голы...
И долго не рассеется туман.
От самолетов будет меньше света.
Неузнаваем станет наш Аржаан.
Скажи, сынок, ответь: зачем все это?

Ж е н и х

Увы, мне это трудно объяснять.
Не нужно в этом видеть только лихо.
Не стоит, право, волноваться, мать:
пройдут ученья, снова станет тихо.
Так шар земной от войн и не остыл...
Поэтому проводим мы ученья.
Но посмотрите
(показывает на *Невесту и Девушку*),
как они чисты,
как хороши!..
В них — жизни продолженье.
Всем хочется, чтобы луга цвели,
смеялись дети весело и ясно...
(Обращается к *Матери*.)
Вы расскажите лучше о любви,
ведь Вы на свете жили не напрасно.
Любовь владела Вашею душой
и все на свете становилось милым.
А верно ли, что только ей одной
все на Земле подвластно и по силам?
Ей открываем мы сердца свои,
с ней — расцветаем, без нее — мрачнеем...

Ведь правду говорят, что без любви
жизнь кажется заброшенным кочевьем?

Н е в е с т а

Как рада слышать я слова твои!
Ты говоришь так прямо и так смело!
Все это так. И тело без любви —
не человек — всего лишь только тело.

М а т ь

Года и опыт — вот мои друзья.
Я в этом мире многое видала.
Что говорить! Да, в молодости я
на скакуне любви, как вихрь, летала.
Любовь всегда мы в памяти храним,
какие ни терзали бы заботы...
Чтоб жить в любви, нам мир необходим.
Зачем же снова танки, самолеты?
Когда-то дали мы отпор врагу,
была война и тяжкой, и большою,
но почему теперь я не могу
ходить сюда, чтоб отдохнуть душою?

Д е в у ш к а

Послушай, здесь живешь не ты одна,
а в мире есть и бомбы, и ракеты...
Но, мама, это вовсе не война.
Да разве ты не понимаешь это?

М а т ь

Все понимаю. Но, на склоне дней,
меня вы не судите слишком строго:
извечная тревога матерей
не обошла меня своей дорогой.
(Обращается к Девушке.)
Как много на земле людей таких,
которым в мире долго не сидится!..
А я тревожусь. Ведь и твой жених
сейчас солдатом служит на границе.
Я сделать в жизни многое успела,
но берегу еще одну мечту:
я эту землю милую в цвету
в свой час последний видеть бы хотела.
Она, как будто мать, мне дорога,
понятно потому мое волнение,

что от стрельбы встревожится тайга,
уйдет зверье и птиц умолкнет пенье.
Конечно, слышен страх в словах моих,
но страх не за себя, в одной заботе:
куда же вы наследников своих,
коль все это случится, приведете?

Д е в у ш к а

С таким волнением трудно совладать,
и ты права, конечно, изначально,
все это верно, но не будем, мать,
на все смотреть так скорбно и печально.

М а т ь

Послушайте, мою поймите грусть:
ушел мой муж, ушел на бой с врагами,
«Через неделю,— он сказал,— вернусь...»
К концу войны вернулся. С костылями.
И не было уже ни слез, ни слов.
Я так старалась поддержать в нем силы!
Не дожил он до 30-ти годов.
Проклятая война его сгубила.
Прошли года. Пора бы на покой,
пришли с годами мудрость и терпенье...
(Обращается к Девушке.)
Вот в армию ушел любимый твой,
и я опять в тревоге и волнение.

Н е в е с т а

Я молода, но знаю и сейчас:
уверенность окрепнет через годы.
Что сыновья тревожатся о нас,
а мы о них — таков закон природы.
И это вовсе не в одной семье:
на свете каждый за других в ответе,
прекрасно, что все люди на Земле —
отцы кому-то, матери и дети.
Вот, я — невеста. Буду я — жена.
И мысль одна всегда со мною будет:
чтоб это слово страшное — «война» —
из словарей скорей убрали люди.
(Обращается к Матери.)
Язык нам дан, чтоб ближнего понять,
и в этом разум тоже нам поможет.
Я говорю как будущая мать:
волнение Ваше мне понятно тоже.

Жених

Бывает, что словами не помочь,
не улыбаться нужно — сдвинуть брови.
Нет, показать им надо нашу мощь.
Кто против нас оружие готовит,
пускай увидит эту мощь сполна!
Ракеты есть и атомные базы...
А если даже будет и война,—
ну что же, ведь не все погибнут сразу!

Мать

Молчи, мальчишка! Пусть я не права,
но рассердил меня ты не на шутку.
Как можешь ты произносить слова,
в которых злости больше, чем рассудка!
Ты — человек... Ты мой... Опомнись, сын!
На свете ты живешь не одиноко...
(Задумывается, затем продолжает.)
Совсем недавно человек один
сказал мне торопливо и жестоко:
взорвать бы, дескать, этот ваш аржаан,
кому теперь он нужен... Да и стела
(да, да, и этих слов не удержал!) —
развалина совсем. И устарела.
Ему святыня поперек дороги!
Бодуч, как бык. Да ладно, что безрогий...
Таким — набить бы только животы,
а честь — потом... Но это — он. А ты?!

Девушка

(Берет Жениха за руку, обращается к матери.)
Сказал он, не подумавши, сейчас.
Прости его. Душою сын твой светел.
Да, поневоле думаешь подчас:
а вдруг все это превратится в пепел,
исчезнет? И луга, леса, поля
покроет мрак от края и до края...

Мать

К тебе я обращаюсь, Мать-Земля,
кормилица, поилица родная.
Среди приобретений и потерь
пожар войны теперь нам часто снится.
От имени миллионов матерей
я спрашиваю: что с тобой творится?

Ты мне ответь на мой прямой вопрос:
где разума, безумья где границы?
Ведь от горючих материнских слез
могли бы реки по тебе разлиться.
Ведь взрывы и тебе мешают спать,
глядят с тревогой в будущее люди,
о Мать-Земля, скажи, я тоже Мать,
что будет с нами, и с тобой что будет?

М а т ь - З е м л я

Земная Мать! Хоть дорог мне покой,
но, ты права, и мне порой не спится.
Я — Мать-Земля! Тревожный голос твой
меня заставил к вам сюда явиться.
Чего хотите вы, людей семья?
Мне все о вас давным-давно известно,
но говорите. Постараюсь я
на все вопросы вам ответить честно.
Ведь слышу я сейчас со всех сторон
миллионы голосов людских тревожных...

Д е в у ш к а

Такая молодая! Это сон!
Нет, это чудо! Это невозможно!

М а т ь - З е м л я

Вы звали. Я пришла. Я — Мать-Земля.
Не молода. Но вовсе не стара я.
Столетье меньше мига для меня.
Я это объяснить вам постараюсь.
Я видела и радость, и беду,
и праздность, и тяжелую работу,
я видела богатства, нищету,
бездушие, и щедрость, и заботу.
К тебе я обращаюсь, Мать. Поверь,
на вас, людей, во мне крупницы зла нет:
для всех для вас одна я — колыбель
и звание у вас одно — земляне.
Его напоминаю вам сейчас,
чтобы оно вам истину вернуло.
Эх, люди, люди! Сколько из-за вас
Земля горела и в крови тонула.
Все есть у вас: смотрите, чем не рай!..
И солнце в небе — теплое, большое...

Вы жадные! Еще вам подавай,
вам мало своего — подай чужое!
Лишить другого жизни вам — не грех,
лишь знать бы, что свое не убывает.

Ж е н и х

Зачем Вы так сердито обо всех?
На свете люди разные бывают.

М а т ь-З е м л я

Да, все вы — люди: кто силен, кто слаб,
кто добр, кто злобен, господин и раб,
все — люди! Люди испокон веков...
Но как вражда возникла между вами?..
На добрых, злых, богатых, бедняков,
себя давно вы разделили сами.
Деяний много на моем веку,
но вам не приказала я ни разу.
По цвету кожи и по языку
вы делитесь без моего указа.
За вас сейчас тревожусь я, Земля,
гнездо людей, родное их жилище:
ведь могут стать зеленые поля,
и города, и горы — пепелищем!
И к вам теперь иду я на поклон,
я пред собой уже не вижу света,
я так устала... Сколько тысяч тонн
заключены в оружие, в ракеты?!
Вся эта тяжесть — на моих плечах,
все на руках, на материнской шее.
И — как признаться?— я познала страх
и за себя... Что может быть страшнее:
на Землю, на кормилицу свою
вы замахнулись! Обрекли на муку...
Я много видела. Но где, в каком краю,
кто — на родную мать поднимет руку?
Зачем вы водрузили на меня
десятки баз, орудия стальные?

Ж е н и х

Не все виновны в этом, Мать-Земля:
есть люди на тебе совсем иные,
они тебя безмерно любят, мать,
они за мир — ты тоже это знаешь,
они готовы жизнь тебе отдать...
Зачем их недоверьем обижаешь?

М а т ь-З е м л я

Обидно — вам? А ваше зло, вражда
мне — не обидны? Вовсе не считаться
со мною!.. А ведь я могу всегда
с себя вас сбросить. И живой остаться.
(*Землетрясение.*)

М а т ь

Так с нами разговаривать нельзя:
не слушаешь, свое твердишь упрямо...
Но успокойся, Матушка-Земля!..

Д е в у ш к а (*хватается за живот*)

Мне больно! Что со мною? Мама, мама!

Н е в е с т а

Наверное, она ребенка ждет,
в ней новой жизни прорастает колос.
Не знаем мы, что время нам несет,
но за тебя, Земля, звучит наш голос.

М а т ь

Я внука в лапы смерти не отдам,
я рада, а на сердце все тревожно.
Зачем ты, Мать-Земля, не веришь нам?
Зачем на нас ты смотришь безнадежно?
Ведь как страшна, несправедлива смерть,
наверное, страшней всего на свете,
но мать сама согласна умереть,
чтоб только оставались живы дети.

М а т ь-З е м л я

Вы слышите? Вот что сказала Мать!
Сама сказала, не пугаясь слова:
чтоб дольше жить вам и не умирать,
она, в защиту вас, на смерть готова!..
Вы были для меня всегда детьми.
Вела себя я с вами честь по чести.
Но я настолько связана с людьми,
что если суждено — погибнем вместе!
Что женщина земная без детей?
Ее душа в холодный мрак одета.
И что я, в самом деле, без людей?
Безжизненная мертвая планета.

Я к вам пришла сегодня потому,
что вас считаю сильным поколеньем.
Я обращаюсь к вашему уму!
А вы — умны, и в этом нет сомненья:
ведь это вы впервые на земле
открыли в космос звездную дорогу.
И я гордилась. И мечталось мне
найти себе по разуму подругу...

М а т ь

Как не гордиться матери детьми!
Я понимаю. Все-то сердце — в детях...
Великий разум! Злобу победы,
и детям дай, и внукам жить на свете.

М а т ь-З е м л я

Какой бы вам я матерью была,
когда бы зло исчезло на планете!..
А как бы, вам на радость, расцвела!
И счастливо жилось бы вашим детям.
(Затем обращаясь к девушке.)
Ты тоже станешь матерью. Твой сын
родится в срок. Не бойся, дорогая...
Но — прикажи ему, вели, проси:
пускай с огнем твой мальчик не играет.

Д е в у ш к а

Мне трудно говорить с тобой сейчас,
но мы живем желанием единым:
я выполню священный твой наказ
и человеком воспитаю сына.

Ж е н и х

Земля, а ты нам можешь дать ответ?
Мы только люди — многого не знаем.
Во многом мы виновны, спору нет,
но часто сами ни за что страдаем,
не зная и причин беды своей...
А сколько нужно силы и терпенья,
когда лютует жаркий суховец,
землетрясенья, смерчи, наводненья!..

М а т ь-З е м л я

Всё жалобы веками слушать мне!
А где же ваши мужество и силы?

Одним ученым дела на земле
на долгие века бы всем хватило:
еще в пустынях не цветут сады,
еще не все покорены вершины,
и ждут добычи залежи руды,
и ждут изобретения машины;
еще пугает вас внезапный мрак,
разливы рек и дрожь землетрясений,
еще не побежден зловещий рак
и непонятно множество явлений...

Ж е н и х (с беспечной гордостью)

Все разуму людскому нипочем,
согласна ты, Земля? Вопрос не сложен.
Я даже слышал: лазерным лучом
мы пополам тебя разрезать можем.

М а т ь - З е м л я

Нет, нет, вы не посмеете! Не сметь!
Вам мало войн? Бомбежек и орудий?
Нет, лучше мне принять от Солнца смерть,
чем от лучей, что сотворили люди.
Свое лицо я поднимаю ввысь,
к тебе, о Солнце, обращаю слово:
сожги меня! Приди и покажись!
Смерть легче без предательства людского.

М а т ь - С о л н ц е

Я услышала голос твой, Земля,
решила я немного задержаться.
Я вижу: в этом споре без меня
одним вам не под силу разобраться.

М а т ь - З е м л я

О Солнце-Мать! Ты миллионы дней
тепло и свет нам даришь. Ты рассудишь.
Скажи — тебе, наверное, видней,—
как жить нам всем: и мне, Земле, и людям?

М а т ь - С о л н ц е

Как жить вам? Объяснить не хватит слов.
Тебя я помню юной, светлоокой,
тебя я знаю тысячу веков,
но вижу — ты становишься жестокой,
ты постарела, Матушка-Земля!..

Из глаз твоих сейчас печаль исходит.
Но знаешь ты, что не виновна я
в том, что с тобой сегодня происходит.
(Обращается к людям.)
Что стало с вами? Можете сказать?
Мне не понять, кто друг Земле, кто недруг,
богатства стало, видно, не хватать
Земли родной, что были скрыты в недрах?
(Обращается к Земле.)
И ты послушай, коль меня звала.
Совета просишь? Правду знать стремишься?
Так слушай: верно, ты виной сама,
все раздала — теперь людей боишься.

М а т ь

Ты хочешь нас посорить и разъять?
Раздоров на земле и так немало.
Мне стыдно, Солнце. Я ведь тоже мать,
и я детей не для войны рожала.
Мы строили дома не для огня,
и радости в них ждали, и веселья...

М а т ь-С о л н ц е

Не прерывайте! Слушайте меня!
Вы звали — я пришла. И я — над всеми.

Ж е н и х

О Солнце! Ты разгневалось на нас,
но нам теперь и этот гнев — не диво.
О чем бы мы ни спорили сейчас,
жить будем, верю, долго и счастливо:
на солнечной, на ласковой Земле
найдется место тем, кто верно любит...
К чему нам разговоры о войне?
Поверь, не всяк живущий Землю губит.

М а т ь-С о л н ц е

Ты с Солнцем говоришь! Не может быть,
что к разговорам ты таким привычен.
К судьбе Земли ты разве безразличен?

Ж е н и х

Я молод, весел и хочу любить.

М а т ь-С о л н ц е

Любить — и только? А Земля? А люди?

Жених

Да, просто жить, любить и ждать весны,
нет, я не верю в ужасы войны
и я уверен, что ее не будет.
А будет, скоро, у меня семья.
И стану я весь век ее лелеять.
Я агроном. И эту Землю я
мечтаю хлебом золотым засеять,
хочу построить светлый новый дом,
и в нем зажечь спокойно и богато...

Мать-Солнце

Но если все же вспыхнет все кругом?

Жених *(беспечно)*

Ну что ж, тогда и стану я солдатом.

Невеста *(жениху)*

Я и тогда тебя не отпущу,
и в том огне мы тоже будем вместе!..
(Земле и Солнцу)
И вам не жаль меня? Я так грущу..
Хоть искру счастья дайте мне, невесте!

Мать-Земля

Я к молодым привязана душой,
я называюсь матерью недаром.
И если даже островок живой
останется на мне после пожара,
когда исчезнет все в единый миг
и Солнце остановится в зените,
и если вы останетесь в живых,—
скажу я вам:— Идите и живите!

Жених *(словно очнувшись)*

Как? Только двое мы на всей Земле?
Совсем одни? Какое в этом счастье?
И Солнца там не будет? И, во мгле
планеты мертвой нам, двоим, вращаться?
(Решительно.)

Не может быть такой судьба Земли!
Пребудь же в мире радостно и вечно.
Прости меня, прости! Слова мои
недальновидны и бесчеловечны.

М а т ь

Мне легче от таких хороших слов.
Спасибо, сын! Теперь ты понял тоже?
Не радостью одной свята любовь:
кто любит, тех судьба других тревожит.

С о л н ц е-М а т ь

Я поняла, что вы — мои друзья,
за откровенность мне не жалко света...
Хочу теперь спросить тебя, Земля,
дитя мое, любимая планета,—
за что тебе так дорог человек?
Веками он тебе приносит горе.
Ведь люди изменили русла рек,
леса остригли и взорвали горы.
Ну где она, к тебе, Земле, любовь?
Опутали все небо тонкой сталью,
и твой Аржаан — твою святую кровь,—
перемешали с копотью и гарью.

М а т ь-З е м л я

Да нет же, Солнце. Если иногда
сержусь за это на людей,— признаться,
я не права. Нужны им города,
моторов шум, огни электростанций.
Они — как украшение на мне!
И вовсе не о том моя тревога:
ведь если рубят просеку в тайге,
то, значит, будет новая дорога.
Я не хочу, чтоб этот шум утих.
Пускай гудят, поют, рокочут — славно!..

С о л н ц е-М а т ь

Ты добрая: ты защищаешь их.
Но почему ты смотришь так устало?
И спать тебе зачем мешает страх?
И почему так беспокойны речи?
И почему печаль в твоих глазах?
И почему так опустились плечи?
О чем тревоги Матушки-Земли?..
Причину эту знаю я, поверьте:
да, люди на Земле изобрели
оружие страшной старухи-Смерти.
Страшны, хоть и верны мои слова.

Тебе от них покоя не прибудет:
ведь ты, Земля, останешься жива,
но только на тебе погибнут люди,
и мертвые, пустые города
останутся о них напоминаяем...
И жизнь не возродится никогда...

М а т ь - З е м л я

Ты правду говоришь? Еще не знание —
предположенья были до сих пор.
И так ужасно разрешится спор?!
Ты, Солнце, знаешь все... Останусь я
совсем одна? Пустынею безбрежной?
Сожги меня! Пускай сгорит Земля
в твоих лучах, раз это неизбежно.

М а т ь - С о л н ц е

О чем ты просишь? Мы с тобой родня,
и потому я объясняю смело.
О Мать-Земля! В младенчестве тебя
могла я сжечь, когда б того хотела.
И я могла в течение быстрых дней
все превратить в пустыню ледяную.
Но видела я — тысячи людей
тебя любили, словно мать родную.
Я видела: они законы чтут,
перерастают племена в народы,
я видела — сознание и труд
дает им, людям, силу и свободу.
И вскоре на тебе все расцвело
благодаря труду людей и рвению...
Но разум их зачем-то стал во зло
преображать свои произведенья.
Да, путь от добывания огня
до производства бомб — тысячелетья...
Да, было время, — только от меня
беда и счастья ждали твои дети.
Я видела и множество смертей,
и видела, как матери рыдают,
но не могу остановить людей,
когда они друг друга убивают.
Бессильна я. И воли нет моей,
хотя тепла есть у меня излишек:
одной энергией моих лучей
не накормить голодных ребятишек.

Я не могу пожар остановить:
зажечь могу, а погасить — не в силах...

А вы... Вы вздумали меня молить,
хотели, чтобы я вас рассудила.
Кто виноват?.. И с высоты своей
мне тоже трудно рассудить бывает.
Судить, быть может, нужно матерей,
из чьих детей убийцы вырастают?
И я над этим думала давно:
вы — разные в моем едином свете...
Возможно, я несправедлива. Но
как различать мне вас, планеты дети?
Ведь не на каждом доброты печать...
И потому я спрашиваю снова —

(обращается к Невесте)

скажи, ты разве будешь различать,
кого лечить — хорошего? Дурного?

Невеста

Ну что ты, Солнце! Как тебе не знать!
Другого быть не может и не будет:
врач всем больным обязан помогать —
своим, чужим, и злым, и добрым — людям!

Солнце-Мать

Тебе я верю, здесь не похвальба:
быть милосердной — это долг и счастье.
(Обращаясь к Жениху.)

Ты разве не для всех растишь хлеба,
голодного ты не накормишь разве?

Жених

Что за вопрос? Согласен я вполне —
хлеб нужен всем. И злым, и добрым — людям!
В работе — жизнь. И каждый на земле
сыт будет, если все трудиться будем.

Солнце-Мать *(задумчиво)*

Да, если — все... И если — честный труд...
Но что же, люди, вы не все такие?
И почему же среди вас живут
коварные, ничтожные и злые?
Ужасны смерть, болезни и беда,
и сколько гибнет вас, увы, до срока!

Жизнь сокращают злоба и вражда,
и равнодушие — худший из пороков.
(Обращается к Матери.)

Ты жизнь свою украсила трудом,
невзгоды одолела ты лихие...
Работая полжизни чабаном,
ты видела, как скот крадут другие.
Молчала ты. А это чей-то труд.
Молчать — вот так же многие решают...
(К Девушке.)

Ты труженица! Только в институт
который год другие поступают.
Хоть по труду тебе хвала и честь,
но почему ж себя ведут свободно
те, у кого побольше денег есть,
кто может заплатить за что угодно?
Ведь злое не проходит без следа
и сеет зерна боли и печали...
(К Невесте.)

А разве ты не плакала, когда
тебя за доброту твою ругали?
Я помню. Ты на практике была...

Н е в е с т а *(взволнованно)*

На практике? Была...

С о л н ц е-М а т ь

Ты вспомнила? Сказать?

Н е в е с т а *(растерянно)*

Да, да, пожалуйста...

С о л н ц е-М а т ь

И ты тогда больному отдала
припрятанное редкое лекарство.
(К Жениху.)

А прошлой осенью? Ты помнишь ли зерно,
отборное, в общественных амбарах?
С преступником ты не был заодно,
когда, не заработанное, даром
он увозил его — твой бригадир...
Но ты молчал! Ты путь не преградил!..

Жених

Зачем так унижаешь человека?
Ведь ты — всесильная, и власть твоя кругом...

Солнце-Мать

Правдивых слов не любят век от века.

Жених

То про войну, теперь же — о другом...

Солнце-Мать

Все — об одном. Когда переполняют
корысть и злоба ваши берега,
должно быть, опасаюсь не одна я,
что зло прольется, землю затопляя,
война поглотит нивы и луга.
Всепожигающий огонь испепелит...

Мать

Нет, нет, не надо! Мы не виноваты!

Солнце-Мать

Дрожишь? Не бойся: в мире не одна ты,
и материнства долг тебе велит
идти со всеми матерями вместе,
совет держать, провозгласить свой суд
над теми, кто, без совести и чести,
Земле и человеку смерть несут.

Мать

Пусть соберутся матери Земли...
Мне не дойти до них, как ты велела.
Я с виду бодрая, да ноги отекли...
Прикована к земле, как эта стела.

Солнце-Мать

Превозмоги себя! И слов не трать!
Ведь помнишь: всадник, острое кинжала...
Во все колокола звонила Мать,
когда опасность детям угрожала.

Мать-Земля

«Прикована, как стела»... Но она,
(подходит к стеле)
когда жила, была тебя моложе...

Невеста

Она — жила? И молода была?
Потом — окаменела? Быть не может!..

Мать

Не может быть, чтоб просто человек,
не ханского, не княжеского рода,
остался часовым в степи навек
и стал кумиром целого народа!

Солнце-Мать

Ни ханская, ни княжеская знать
к ней отношенья вовсе не имела.
Она была совсем простая мать,
и сердце у нее любить умело.

Мать-Земля

Проклятая война виновна в том,
что мать земная превратилась в стелу.
(К стеле.)
Даш-Кыс! Прошу, поведай обо всем,
что у тебя на сердце наболело!

Голос Стелы

Мы мирно жили средь полей и скал,
но враг коварный перешел пределы.
Чернобородый хан на нас напал,
и полетели ураганом стрелы.
До ночи шли кровавые бои,
а утром повторялось все сначала.
И иней пал на волосы мои,
когда я горы трупов увидала.
Был хан силен. И шел последний бой,
и дети гибли с матерями вместе.
Живых детей я забрала с собой
и спрятала их всех в укромном месте.
Мои, чужие — все они любили
меня... И жить бы нам счастливо век...
Но выдал нас ничтожный человек,
и головы младенцам отрубили.
И только одного сумела я
прижав к груди, укрыть... Через пожары
несла... И каменела плоть моя

от ужаса и горя... И, ударом
меча, небрежно, чуть ли не шутя,
из рук оцепеневших выбил недруг
дитя мое — последнее дитя!—
и голову отсек ему...
И, в недрах
твоих, родная Мать моя, Земля,
в тот миг вскипели кровь и слезы наши,
и ты злодея сбросила с себя!

Невеста

А ты?

Стела

Стою средь этих скал и пашен;
как сына, память на сердце держа.
Свистит, свистит веков песчаный ветер.
И плачет, плачет за меня Аржаан,
к нему приходят матери и дети.

Девушка

Я слушаю — и слезы не унять:
все вынесло твое святое сердце...
Нет, без ребенка жить не может мать!
Из камня вырезать тебе младенца?

Мать

Ты, дочка, добрая. Мне хорошо
такое слышать от тебя впервые.
Но каменный ребенок — это что!
Нам дети, матерям, нужны живые...

Солнце-Мать

Живые... Но бывают у людей
сердца, как будто каменные, грубы.
Да, есть такие! Даже матерей
они порою не щадят и губят.

(Отворачивается.)

Мне тяжело. Печали я полна.
Уже душа моя во мрак одета,
как будто я — не Солнце, а Луна...
Глаза мои уже не видят света.
(Закрывает глаза руками. Затмение.)

М а т ь-З е м л я

Еще беда! Что станется с Землей?
Без солнца сразу страшно и уныло...
О Солнце-Мать! Скажи нам, что с тобой,
беда какая белый свет закрыла?
(Матери, Жениху, Невесте.)
Я призываю вас, своих детей:
в час испытаний станьте рядом дружно
и за руки возьмитесь посильней,—
все одолеть, все превозмочь нам нужно!

М а т ь

Мы вместе — нам и смерть не так страшна...
Нет, я и думать не хочу о смерти!
Земли держаться надо нам: она
опора наша, дети, вы поверьте.
О Солнце! Неужели страшный час
нас уведет от отчего порога?
За что, скажи, ты сердишься на нас?
Скажи, за что же судишь нас так строго?
Как рвется сердце у меня в груди!..
Но я надеюсь на добро и милость.

Д е в у ш к а

О мама, от меня не отходи!

Ж е н и х

Нет, я не понимаю, что случилось!

Н е в е с т а

Мы испугались... Просто оттого,
что перестали видеть наши лица?
Я вижу звезды! Значит, ничего
плохого с нами не должно случиться.

С о л н ц е-М а т ь

Вы испугались? Слушайте меня.
Да, страшно, если день вдруг станет ночью.
Сейчас все прояснится. Просто я
припомнила, что видела воочью...

М а т ь

Что, что ты видела? Скажи скорей.
О Солнце-Мать, не будь бесчеловечна...
Я так тревожусь за своих детей!
Ведь дети так наивны и беспечны...

С о л н ц е-М а т ь

О! Далеки отсюда те края,
где я кровавым заревом всходила.
Но нынче утром к вам спешила я,
чтоб рассказать вам правду, все, как было.
Над горными грядами день вставал.
Шел юноша дозором вдоль границы,
шел с другом... Тусклый месяц освещал
суровые, торжественные лица.
Тревожная стояла тишина,
хотя, казалось, все вокруг уснуло...
Враждебная, чужая сторона
вдруг зазвучала грохотом и гулом.
Моторов рокот, плач, проклятья, крик —
и в ход пошли штыки, дубинки, палки...
И тут... машины выплеснули вмиг
толпу людей, беспомощных и жалких.
На них направлен сзади автомат,
и что им делать — плакать? Иль молиться?..
Ни шагу в сторону, ни полшага назад,—
а все теснее, в кучу, вдоль границы.
И опустил оружие солдат:
ведь там, в толпе, и старики, и дети...
Но вражеский не дремлет автомат.
Убит твой зять. И нет его на свете.

Д е в у ш к а

О горе! Сердце рвется на куски!
Зачем теперь мне жить на белом свете!
Мать-Солнце! Помоги мне... Помоги!

С о л н ц е-М а т ь

Не плачь, дитя, они за все ответят!
Любимый твой не на войне сражен —
шальная пуля грудь ему пронзила,
но на посту стоял геройски он,
примером человечности и силы.

(Матери-Земле.)

А варваров напрасен черный труд,
не победить им совести и света.
И люди им тебя не отдадут
и не допустят гибели планеты.
(Матери.)
Не плачь, слезами горю не помочь.
Не гнись, удручена тяжелой вестью:
тебе еще родит внучонка дочь
в отца лицом, и совестью, и честью.

М а т ь

В моей душе теперь навечно боль.
Последнюю я в жизни песню спела.
О Солнце-Мать, мне умереть позволь,
чтоб и моя душа окаменела.

С о л н ц е-М а т ь

Нет, мысль твоя печальна и страшна,
но смерть еще прийти к тебе не может.
Еще ты детям на земле нужна.
Еще твой материнский век не прожит.

М а т ь-З е м л я

Нет краше жизни в мире ничего,
нет ничего прекрасней и дороже.
Люби свой Мир, не проклинай его.
Еще твой материнский век не прожит.

Д е в у ш к а

Ты правдою и совестью жила.
Не уходи! Тебя я закидаю!

М а т ь

Нет, участь наша горестна и зла.
Что дальше ожидает нас — не знаю.
И почему мне жизнь не удалась?
Ведь я страдала, мучилась, любила...
Уже я надышалась, нажилась,
раскрыла мне объятия могила.
Мне тягостен теперь безумный свет.
Ты видел, бог, как много я страдала...

С о л н ц е-М а т ь

Светя во всей вселенной много лет,
я никакого бога не видала!
Напрасно молишь ты и слезы льешь,
и горькие твои напрасны муки.
Какого бога ты к себе зовешь?
К кому в тоске протягиваешь руки?

М а т ь

О Солнце! Ты — безжалостная мать.
И потому тебя я обвиняю,
что допустила ты, погиб мой зять...
Я к милосердию божьему взываю.
Ты всемогуща? Почему тогда
не опустила ты убийцы руку
и не сожгла навечно, навсегда
несущего планете боль и муку?

*(Вдруг мелькает темная тень и появляется посланник,
Элчи — Ангел Смерти.)*

А н г е л С м е р т и

Здесь кто-то смерть, как благо, призывает
и дань ей хочет заплатить сполна?
Я тот, кто всех умерших собирает
и в скорбный список вносит имена.

М а т ь-З е м л я

Кто Вы такой? Откуда Вы? Ответьте,
зачем искать умерших среди нас?

А н г е л С м е р т и

Я господа слуга! Я — Ангел Смерти.
Я к людям прихожу в последний час
и каждому расписываю роли —
кто в рай пойдет, кому в аду гореть.

М а т ь-З е м л я

Но мы еще не надышались вволю.
Одна лишь Мать желает умереть.

А н г е л С м е р т и *(Матери)*

И правильно! Намучилась — и хватит!
Поторопись, последний пробил час...

М а т ь

Ты погоди! Спросить хочу о зяте.
Зачем так рано он покинул нас?
Посланник бога, ты молитве внемли
и чудо неземное сотвори:
ты зятя нам верни опять на землю,
а жизнь мою тогда взамен бери!

А н г е л С м е р т и

Ты чувствуешь — дыханье смерти близко.
Ты недовольна участью земной.
Умерших собираю я по списку,
но если хочешь, то пойдем со мной.

Д е в у ш к а

Не простирай над нами злую руку,
не обрывай, проклятый, жизни нить!
О мама! Ты должна увидеть внука,
должна со мною радость разделить.

М а т ь *(Девушке)*

Нет, если у меня одна дорога...
(Ангелу Смерти.)
Молю тебя, прошу, пришли мне Бога.

А н г е л С м е р т и

Мне очень трудно людям объяснять
то, что они всего лишь только люди...
Ты так добра, но ты наивна, мать:
ты полагаешь, Бог сюда прибудет?
Да у него своих забот не счесть,—
каких, я вам перечислять не буду,—
да у него дела такие есть,
важней которых не сыскать покуда!
Вы радуетесь, коль растет семья,
считаете, что это радость — дети...
Он вписывает в список бытия
тех, кто сейчас рождается на свете.
Кому дать свет, кого повергнуть в тьму,
он сам решит. Кому-то лет умножит.
А тех, чей век уже на свете прожит,
приходится вычеркивать ему.
Да, дел не счесть у нас: то тут, то там...
Усталость нас порой одолевает.

Вот только ваш Аржаан мешает нам:
он жизнь больным и хилым продлевает.

Жених (берет список, обращается к Невесте)

Смотри-ка, список. Дата и тираж,
и столько обреченного здесь люда!
Ты дай мне, потихоньку, карандаш:
кого-нибудь да вычеркну отсюда.
Ведь нету большей радости, чем жить.
Об этом нам любой живущий скажет.
Пусть хоть кому-то я продолжу жизнь,
а он о том и не узнает даже.

А н г е л С м е р т и

Нельзя мне отвернуться ни на миг.
(Обращается к Жениху.)
Ты кто такой, что не боишься риска?
Не трогай! Это не для рук земных!
Не то тебя внесу в начало списка.
Разговорился я — и вот итог.
Нет, я с людьми общаться не умею.
Как хорошо, что не заметил Бог,
каким я оказался ротозеем!
Ну все. Я задержался, я спешу.
С людьми свяжись! Врагу не пожелаешь...

Мать (на коленях)

Верни мне зятя. Я тебя прошу...

А н г е л С м е р т и

Ты, Мать, о невозможном умоляешь.
Да в списках нет его! Я сам читал.
Он должен был прожить еще немало.
И Бог его к себе не призывал,—
шальная пуля жизнь его прервала.

С о л н ц е-М а т ь

Виною — не всемирная война,
та, о которой речь у нас ведется...
Я говорила: в вас самих вина,
но что же вам спокойно не живется?
Зачем же гибнут ваши сыновья?
Давно ведь время мирное настало...

(Обращаясь к Земле.)
Как муравьев, стряхни их, Мать-Земля!
Что головой качаешь? Жалко стало?

Ж е н и х *(в раздумье)*

Есть люди — зверя лютого лютей...
Но все равно я повторяю снова:
не стоит, Солнце, унижать людей.
Ты погоди, свое мы скажем слово.
(Обращается к Матери.)
Ты, Мать, как прежде, дорога для нас.
Тебя мы любим преданно и верно.
Не торопись. И поживи средь нас.

(Ангелу Смерти.)

А ты иди. Тебя ведь ждут, наверно.

М а т ь

(Обращается к Солнцу.)
Смерть зятя мне покоя не дает.
О нем скорблю и плачу, как о сыне.
Я буду жить, как дерево растет
на склонах скал, где нет земли в помине.
Сейчас мне слез горючих не унять,
но думаю, что я с бедою справлюсь.
Нет, я еще решила подождать.
Ступай один, а я с людьми останусь.

С о л н ц е-М а т ь

(Ангелу Смерти.)
Еще минута — ты уйдешь от нас,
займешься ты своим печальным делом.
Тебе спускаться с неба каждый раз
за столько лет, скажи, не надоело?

А н г е л С м е р т и

Нет. Есть свои законы бытия.
Их объяснять сейчас мне неохота.
У каждого заботушка своя:
я не хочу остаться без работы.
Я без смертей себе не мыслю дня.
По долгу службы забываю жалость.
Пока есть пистолеты и петля,
я без работы, люди, не останусь.
(Уходит.)

М а т ь

А жизнь прекрасна, что ни говори,
речей печальных повторять не стану...
(К Девушке.)

Хочу собраться с силой. Набери
мне пиалу из нашего Аржаана.

С о л н ц е-М а т ь

А я не успокоилась совсем.
И, глядя в настороженные лица,
скажу вам напоследок, перед тем,
как вновь уйти и в небо возвратиться:
не забывайте, люди, ни на час,
какие беды принесут вам войны...
Я ухожу. Надеюсь я на вас.
Пусть будет мир — и буду я спокойна.

М а т ь-З е м л я

(К Солнцу-Матери.)
Давай с тобой мы заключим союз:
поддерживать надежду в людях всюду...
Я на орбиту старую вернусь,
по-прежнему я жить надеждой буду.
(Уходят.)

М а т ь

Как тихо! Среди этой тишины
во все, что было, не поверишь даже.
Ну вот, теперь одни остались мы.
А мысли те же. В сердце боль — все та же.
И вы сейчас послушайте меня,
и не судите речи слишком строго:
не бог, не ангел я, не Солнце, не Земля —
простая мать, каких на свете много.
Как мы шумим! А жизнь вперед идет,
разъединяет, собирает вместе.
Послушайте: вот наш Аржаан поет
свою простую ласковую песню.
Хоть нет в нем ничего от божества,
он нам внушает веру и надежду.
Мы снова у родного очага,
над нами солнце вечное, как прежде.
Призыв Земли еще звучит в ушах:
живите в мире и спокойны будьте...

Невеста

А будет мир на всех материках,—
и мы узнаем счастье в нашей юрте,
и наши дети...

Жених

Ради них, детей,
теперь судьба Земли меня тревожит.
В надежде даже Солнце на людей —
а кто же Солнцу не поверить может?!

Девушка

Счастливые... Вы можете любить.
А мне сберечь о счастье память надо.
Земля нам повелела мир хранить.
Она нам мать. В ее словах — отрада.
Она нас просит. Слушайте ее!
Скрепить сердца, за руки крепче взяться —
любить ее, беречь гнездо свое...
С Землею человеку не расстаться!

Жених

Мы думаем с тобою об одном,
сестра. На целый мир хочу я крикнуть:
давайте, люди, силы соберем
и не дадим Земле в огне погибнуть!

Мать

Твои слова — живого сердца крик.
Они звучат настойчиво и смело.
У каждого народа свой язык,
и свой аржаан, своя святая стела,
традиции свои и свой закон,
заветы — те, что остаются детям...
И для любого край, где вырос он,—
конечно, место лучшее на свете.
Любить свой дом и свой народ не грех,
но накрепко одно запомнить надо:
что все-таки объединяет всех
одна Земля! Одна — для миллиардов!

Мария ХАДАХАНЭ

С ВЫСОТЫ ИСТОРИИ

Пришло время, когда историческое прошлое Тувы стало осмысливаться не только тувинскими писателями, но и русскими авторами. Внесли вклад в разработку исторической темы М. Пахомов и В. Ермолаев. Теперь настала очередь молодого поколения. Доказательство тому — повесть «Владыки» Вячеслава Бузыкаева.

Интерес к этой теме у автора книги возник, видимо, из чтения трудов историков Тувы, русских ученых и путешественников, побывавших здесь в разные годы, из рассказов бывалых людей-старожилов, наконец, из личных впечатлений журналиста.

Историческое повествование всегда сложно: характеры и действия людей отдалены временем, есть канва событий, но нет плоти, атмосферы. Исторический романист, подобно археологу, воссоздает по отдельным предметам аромат эпохи, осколки прошлой жизни, преображенной фантазией.

Воспевание человека-борца и труженика и ненависть ко всем завоевателям и угнетателям — вот центральная тема повести. Герои, русские и тувинцы, ищут смысл жизни и правду на земле. Автор вдумчиво пытается охватить большое историческое пространство, глубокий русско-тувинский пласт жизни, от Усинска до дальних хошунов Тувы. 10 листопадов — так названы главы — читай как десять лет жизни. Повесть густо населена крестьянами-земледельцами и тувинскими охотниками, купцами и староверами. Мелькают знакомые фамилии: Вавиловы, Черноусовы, Губановы. Красочен и жесток мир усинского старообрядчества, все эти Мисаил, Сосий, Фотий, осевшие в поисках Беловодья на богатой присаянской земле. Душная мгла религии сковывает дух русского человека, жизнь проходит в трудах на земле, вечных молитвах и... драках между мужиками.

Неоднозначны герои повести, трудно выделить главных. Но чаще других это пахарь-бунтарь Еремей Власов. Он пытается жить по справедливости, например, уговаривает односельчан помочь переселенцам, но когда мужики отказывают, он, бунтуя, отделяется от них, чтобы обосноваться в Таловке. Запах хлебной нивы, звон серпа более всего радует старика, но точит ему сердце несправедливость жизни. Убедительно

в его внутренних монологах-размышлениях показаны сомнения умудренного жизнью человека.

Верный путь в жизни найдет сын Еремея Степан, потянувшись к заводским людям и революционеру Курнатовскому. В характере Степана Власова показано медленное прозревание лихого отчаянного парня, несогласие с религиозным отцом приводит в стан борцов за революцию. До него дошли слухи о необыкновенном человеке из Шушенского... Интересна в повести попытка дать переключку, созвучие в борьбе, проследить духовное развитие народа от восстания шестидесяти богатырей к первым бунтам русских заводских рабочих против хозяев.

Из других персонажей удачно выписан Фас Дадович Вавилов, «Фас велеречивый». И он действительно плетет хитроумную затейливую вязь слов и поступков. Не упустит своего прижимистый, оборотистый купец, любые разногласия обернет себе на пользу, не брезгуя ничем. Наживается на затее с маральником, например. Хитростью, лестью, угрозой добывается удачи в поисках золота.

Страшна судьба Катерины: насилие свекра, попытка самоубийства, вероотступничество и возвращение на круги своя. Любовь к тувинскому охотнику не выписана до конца, хотя начата на высокой лирической ноте.

Мимолетно показан прискатель Лешка, а запоминается тем, как золото корежит человека.

Надо сказать, что русские герои повести написаны психологически и художественно убедительнее. Когда же речь заходит о тувинцах, автор несколько сбивается на орнаментальную прозу, ярко расшитую тувинским фольклором. Молчаливый Ая — белый зверолов (видимо, это значит — рода Ак), бежавший из Тоджи от вымершего стойбища, появляется в Усинске. Трудолюбием, общительностью ему удается заслужить уважение русских мужиков. Но и этому образу не хватает плоти, вкуса. Сержи Оюн тоже несколько декларативен. Более индивидуален сказитель Бир Катап с его шутками и неунывающим нравом, ловко проучивший злого бая. Удался и образ Жемчужного — подлого, распутного, трусливого, не очень приемлема только его кличка.

С большой творческой смелостью в главе пятой Бузыкаев повествует о восстании шестидесяти богатырей. В тувинской литературе посвящены этой теме ряд поэм и стихов, пьеса В. Кок-оола, остался незавершенным роман С. Сарыг-оола. Не так уж много. Тем дороже каждое желание устранить «белое пятно». Есть в этой главе повести густота описаний, хорошо переданы настроения народной массы; свое внимание автор подробно остановил на характере Дажмы, его дружбе с Самбажыком; показаны межродовые отношения, суд над богатым хелином, знаменитая стоянка на Кара-Даге, героические песни богатырей, лихачество кайгала Арган-оола, ненависть и страх феодальной тувинской знати, поражение восстания. И, несмотря на некоторую беглость и публицистичность, тема народного гнева звучит героически.

Проблемы русского старообрядчества решены несколько в стилевой

манере «Хмеля» А. Черкасова: здесь есть и поджог, и страшная нора, в которой десять лет просидел мужик, нарушивший веру, и ребенку повязали пальцы, чтобы не складывал их щепотью на молитве...

Сильной стороной повести является богатство старинной речи. Введен в текст повествования язык указов, придающий книге особый колорит. Оригинальны вкрапления русского сибирского фольклора — и колыбельная, и озорные частушки. Забавны рассказы тетки Аксиньи. Пестра и цветаста художественная ткань: «луна на небосводе трижды успела пополнеть и похудеть», «на расстоянии одного крика», «к береговой роще уютно прислонилась юрта», «берега реки, как ладони». Щедро показаны обычаи народа. Тувинские пословицы искусно вплетены в повествование, иногда напрямую, а иногда в авторской обработке: «Почка купается в сале, человек — в беде». Автор хорошо знаком с миром тувинской образности: «сердце готово выскочить через горло», часто использует сказочные выражения: «не умиравший — теперь умру», «пусть переломится моя локтевая кость».

Умело использованы детали в сцене смерти одного из персонажей: «Из его ладони выскользнула упругая ветка караганника, закачалась над распростертым телом, осыпаясь желтыми лепестками. На другое утро все кусты караганника сбросили на землю цвет: так степь оплакивала смерть старого табунщика». Вообще описания природы немногословны и точны.

В повести много несомненных достоинств, но искусству композиции ее автору надо еще учиться: сюжетные цепки эпизодов не везде плотно смыкаются, герои «рассыпаются», нет умения вывести, выделить среди них главных и провести сквозь все повествование. Отсутствие четкой стройной композиции, сюжетная рыхлость мельчит, дробит и мешаает читательскому восприятию. Часть героев действует, как иллюстраторы темы дружбы народов, революционной борьбы. Иногда в повествовании возникает элемент вторичности — это читали у Шишкова, а это было у Айтматова [Бабушка-Маралица] или даже у... Фенимора Купера. Есть тенденция писать героев одной краской (в изображении врагов — прямолинейность). Не совсем удачны бывают названия: Поднебесная страна мало созвучна с Тувой, вызывает скорее другие ассоциации. Неточно звучит и само название повести. Не владеет автор искусством портретной характеристики, иногда герои сливаются как бы в одно лицо. Вымышленные образы удаются больше исторических [Курнатовский].

Самый крупный недостаток: среди героев книги нет людей, которым бы хотелось подражать. А это — немаловажная цель повествования: нравственный идеал необходим.

Но если оценивать в целом, повесть вызывает интерес и уважение к труду одаренного прозаика, ожидание, что, о чем и как будет написано в его следующей книге.

МОЙ ДОМ ОТКРЫТ

Если бы книга стихов Монгуша Олчей-оола, первой у него изданная на русском языке, не была названа «Родное зимовье», ее можно было бы озаглавить «Мой дом открыт», использовав строку одного из помещенных в этом сборнике стихотворений.

Обычно в книге стихов хорошо читается биография и характер поэта. Более двух десятилетий слышен в тувинской поэзии негромкий, но очень своеобразный голос М. Олчей-оола. Первый его сборник «Чаа-Холь при лунном свете» самим названием словно настаивал на романтическом восприятии мира. И при этом автор во многом традиционен — привержен к жизни, обычаям отцов и дедов, опирается на богатства народной речи. Характерны для его творчества триады: что есть три белых, три черных, три быстрых в мире!.. Поэт воспевает коня, тувинский чай, гостеприимство; вглядывается пристально в родословные корни и истоки. Родная юрта воспета с лирическим жаром, все ее бытовые детали бесконечно дороги поэту.

Большое место занимают в его стихах образы матери, отца — самых близких людей. На Востоке, в Азии при встрече всегда спрашивают: чей ты сын? И, давая портреты дорогих людей, поэт вглядывается не только в своих родных, а в целое поколение: «и жалок тот, кто прошлого не знает». Помнит он последний наказ матери: «тепло людское, мой сынок, куда теплей, чем одеяло» и верит, что «в последний мой час мать на помощь придет». В его наблюдениях заметен мягкий лиризм. С душевной зоркостью поэт изображает стариков, ибо в них мудрость народа, но при этом с улыбкой замечает: не всякий старик — мудрец, есть и пустые болтуны.

Пенсионер-сосед не может долго усидеть на отдыхе. Старый рационализатор питает к технике страсть. Эти лирические очерки о людях труда удались поэту.

«Когда работа есть — уютен дом,
и стол обилен, и огонь приветен,
и даже горе лечится трудом»,—

пишет он.

Особо звучит в книге тема памяти, тема войны. Это стихи «Рассказ ветерана», «Памятник воинам, погибшим в последней войне», «Рысак», «В музее», «Вчерашние солдаты», «Старые раны», «Славы не искавшие». Одни из них написаны по детским впечатлениям:

«Но детства до срока лишила
тувинских мальчишек она»,—

другие — по впечатлениям от встреч с фронтовиками, от фотографии в музее:

«Бессмертен народ, человечность свою
сумевший сберечь в жесточайшем бою».

Тема войны закономерно переходит в тему защиты мира:

«И ничего планета не забыла,
и снятся ей погибшие сыны».

Есть у М. Олчей-оола стихи о родной природе: «Дума о деревьях», «Подснежники», «Мои лесные друзья», «Слово о тайге», «Возле Акреки», «Плачущая береза», «Марал». В них предстает своеобразный эстетический идеал поэта. Он слышит, как тает вода и шелестит осока; в стойкости лиственницы видит человеческий характер; если долго не бывает в тайге, тоскует без лесных братьев; поднимает голос в защиту природы; лучшим подарком считает посаженное дерево; с юмором воспевае ворону — словом, «без степи сердце не поет». Родная земля всегда рядом, под ногами, и нет счастья выше этого.

А теперь — о том, что составляет главную прелесть книги: о морально-эстетических представлениях поэта. Он утверждает главные ценности в человеке — трудолюбие без зазнайства, скромность непоказную, без лицемерия и тщеславия, преданность в любви и дружбе. Поэт предостерегает от легких успехов, от разрушающей человека зависти и злобы, бездумных обещаний и вспыльчивости; он против «гибкой» совести, против лени — медленной смерти. Олчей-оол пишет о ненасытности, лени, высокомерии, спеси, о деньгах, о золоте, о рвачах и ловкачах, о болтунах, и этим защищает дорогие сердцу поэта понятия о жизни:

«...Лишь правда способна дарить чистоту
и радость нам снова и снова».

И выступает он при этом прежде всего с «наказом самому себе», самокритично смотрит на себя: больше бы мог, но иногда расточал себя впустую... Не всякий скажет о себе, чтобы его меньше хвалили. У М. Олчей-оола трезвая самооценка: «от похвал привык не таять».

И все это выстрадано. Автор имеет моральное право звать к нравственному совершенству,— право сильного духом, мужественного человека, перенесшего беду и выстоявшего в ней: «И отсюда судьбы полнота».

Есть два типа поэтов: одни — книжные, с высшим образованием, начитанностью в разных областях, другие — к ним относится и наш автор — глубоко знают жизнь во всех ее проявлениях, их природный дар рождает полнокровные стихи. М. Олчей-оол умеет внести свою душевную энергию в стихи, наполнить их кровью сердца. И поэтому так безотказно они действуют на читателя, ибо всегда видна личность самого автора — равнодушного человека:

«Как хорошо,
что добрых больше,
что их искать не надо,
как женьшень».

Еще Горький говорил, что поэты не рождаются, как горы на равнине. Без традиции нет писателя. М. Олчей-оол верен традициям устного народного творчества. Иногда он берет фольклорную тему и развивает ее, часто звучат в его стихах пословицы: «сильный к несильному не прикасается», «кто рано встает, тот и находит», «скупая жена юрту позорит». В стихотворении «Отцовское наследство» поэт признается в сердечной склонности к миру легенд, сказок, как бы дает обет верности родному слову. В прекрасной «Народной песне» есть потрясение, печаль:

«своих далеких предков боль
мы через них осознаем».

Новые тематические повороты видятся в стихах «О ненасытности», «Старая дева», «Лотерейные билеты».

Переводы москвички Елены Андреевой в целом бережно передают национальную самобытность поэта. Особенно удалось ей это в таких стихах, как «Конь», «Зависть», «Отцовское наследство», «Мир наполнен музыкой», «Сила слова». Возможно, они станут фактом русской поэзии. Проникновенно звучит любовная лирика:

«Ты, словно верба
в полдень знойный,
что тихой доброты полна».

Гражданская тема зачастую в переводе звучит хуже. Не очень точно составлены разделы сборника. Бывает, что названия стихов не отвечают их сути. Не найден адекватный перевод триад, открывающих сборник: нет афористичности, законченности мысли, есть обтекаемая растянутость. И это разрушает первое хорошее впечатление от книги. Неудачны отдельные выражения: «степь полудикая», «окоем», «селяне», «чапан», «и мнилось мне», «в юрте скромной», «ночная сень» и «примечай», «года, колосьями звенящие в грядущем» [!], «разве в войны верить [!] можно», «пестует», «очи долу опустила», «букет — густой, изящный [!], пышный и тяжелый» [!] — если тяжелый, то уже не изящный, «не изменю я векам-тропам» [!]. Часто встречается в переводе слово «неброский», отнесенное то к аромату, а то и к целому краю. А слово «старцы» вместо «старики», «пращуры» просто нельзя употреблять — не тот смысл. Трудно соглашаться с постоянными переносами незаконченных предложений в следующие строки и строфы — типа:

«он в битве несется и как...»

Но, заметив погрешности перевода, порадуемся все же вместе с М. Олчей-оолом его новой книге на языке межнационального общения. И пусть читатели разных народов откроют в ней для себя самобытного поэта, интересного человека.

«ПУШКИН ПРИВЕЛ МЕНЯ К ПЕСНЕ»

В Кызыле, рядом с магазином «Детский мир», стоит многоэтажный розовый дом. После дождя на вечерней заре этот дом напоминает мне высокие скалы Эжима, родной уголок поэта Сергея Пюрбю. Окно его шестой квартиры со второго этажа как раз смотрит в сторону Эжима, в сторону моста дружбы через Енисей.

Восемь лет назад здесь жил и творил, стоял, можно сказать, за штурвалом тувинской поэзии один из ее основоположников, народный писатель нашей автономной республики Сергей Бакизович Пюрбю.

Помню, в его рабочем кабинете над книжным шкафом висел портрет Александра Сергеевича Пушкина, которого он свято чтит.

«Ох, моя шалунья поэзия, ох, мой строгий бог, днем и ночью он мне покоя не дает»,— весело шутил поэт, показывая на портрет. Висела на стене и картина «Уш-Белдир», подаренная Сергеем Бакизовичу художником В. Ф. Деминым. На досуге поэт обычно, покуривая, сидел на стуле, напоминающем причудливый корень дерева в лесу. Этот стул стоял не на обычных ножках — на натуральных маралых рогах. Сергей Бакизович говорил, что это тоже подарок Демина. Они были близкими друзьями. На рабочем столе поэта я видел карандашницу, может быть, менее оригинальную по замыслу, но зато сделанную руками самого Пюрбю: обрезан ствол молодой березы вместе с сучком, и на эту березу карабкается медвежонок... Маленькая сюжетная работа, «стихотворение» из... дерева.

После смерти поэта однажды я зашел к Нине Дмитриевне, его вдове. Она мне показала роскошно изданную книгу «Созвездие» («Сузір'я»), только что присланную из Киева, — сборник поэзии братских республик. Там были и стихи нашего Пюрбю, переведенные на украинский язык.

На шкафу стояла собака, словно насторожившаяся на соболя: работа была сделана из тополиной коры.

— И эту штучку он сам вырезал,— сказала, заметив мой взгляд, Нина Дмитриевна Пюрбю.

Сергей Бакизович был из тех, кто мало говорит о себе. Только теперь довелось узнать, что одним из его увлечений была резьба по дереву и камню. Может быть, такое «хобби» помогало ему хранить любовь к народному творчеству, верность вековым традициям культуры родного народа. И не случайно он дружил с Кужугетом Чолбеяком, прославленным барлыкским кузнецом и народным ювелиром. При активной поддержке Пюрбю Чолбеяк, хранивший в памяти фольклорную поэзию и складывавший собственные строки, начал писать почти профессиональные стихи. Если бы не оборвала его жизнь трагическая случайность, возможно, стал бы известным поэтом.

Ведущие поэты Тувы М. Кенин-Лопсан, Ю. Кюнзегеш с гордостью называют Сергея Пюрбю своим учителем — башкы. Частыми гостями в его доме бывали и тувинские композиторы. Пленительной поэзией, удивительной чуткостью и человечностью Сергей Бакизович притягивал к себе многих людей, творческих, связанных с искусством и литературой. Писатели моего поколения также грелись у его поэтического костра: ведь это он стоял одним из первых у истоков профессиональной тувинской поэзии.

Личная жизнь поэта с детства сложилась драматично. В восемь лет он лишился матери, отец отдал его в ученики к ламам, затем отвел к местному чиновнику с надеждой, что тот научит мальчика монгольской грамоте. С малых лет видел Пюрбю одни унижения и оскорбления со стороны высокопоставленных лиц. Наконец, он стал учеником русской школы в Шагонаре, активистом, вступил в ревсомол и только тогда нашел правильный путь к знаниям. В 1929 году 16-летнего юношу отправили на учебу в Советский Союз, в Ленинград.

Глубокие знания и высокую культуру дал ему Ленинград. И все это он, как поэт и человек большой души, щедро отдавал ради процветания культуры своего народа. Он создал образцы тувинских баллад — «Чыргалбай», «Красный обоз», поэм — «Чечек», «Время», драм — «Любовью надо дорожить», «Красный поток». Его переводы «Евгения Онегина», «Ромео и Джульетты», «Хаджи-Мурата» — также непревзойденный в тувинской литературе образец поэтического перевоплощения. «Пушкин привел меня к песне», — писал Пюрбю. Благодаря таланту Сергея Бакизовича мостик между тувинской литературой и русской и мировой классикой стал крепче. Как мастер, он сумел передать живую ткань каждого стиха пушкинских, онегинских строф на языке с другой системой стихосложения. С удивительным упорством утверждал в творчестве поэтов-земляков традиции Маяковского. И пусть такое предположение смело, но думаю: если бы увидел на тувинской сцене «Ромео и Джульетту» сам великий Шекспир, он пожал бы руку собрату.

Создавая прекрасные стихи или переводя на тувинский язык Шекспира, Пюрбю был первооткрывателем. Он открывал разнообразные формы и жанры тувинской поэзии, расширял ее возможности. В поэтическом голосе Пюрбю ярко зазвучала новь Советской Тувы. Диапазон его гражданской лирики очень широк, но в то же время она оставалась удивительно тонкой. Перечитывая «Напевы жизни», четко слышишь не только ритмы современности, но и ритмы и мелодии родной земли. И невольно гордишься чувством родства русским, украинцам, бурятам, хакасам, грузинам, армянам и другим народам великой многонациональной страны, которые рука об руку сегодня преобразовывают нашу Туву:

**«...Коснулся сердца свежий ветерок,
журчат в распадах резвые ручьи;
хлеба вскипают морем вдоль дорог,
в пруду играют лунные лучи.**

То юный смех ворвется вдруг сюда,
то голос милый вздрогнет, как цветок,
то загудят победно города:
все льется счастья солнечный поток».

{Перевод Ф. Фоломина.}

И как понятны желания, прорвавшиеся в одноименном стихотворении:

«...Росой бы мне стать — просияй, луговая!
К цветам бы припасть, красоту продлевая...»

Подумать только, что это писал человек, жизнь которого и в зрелые годы складывалась нелегко.

На 63-м году жизни ушел от нас поэт. Но стихи его живут, «красоту продлевая». В репертуар Тувинского республиканского музыкально-драматического театра в прошлом сезоне, когда республика отмечала 70-летие своего народного писателя, вошел спектакль «Сельские мотивы» по одноактным пьесам, написанным Сергеем Бакизовичем в разные годы.

За шедеврами, созданными Сергеем Пюрбю, стоит его кипучая, деятельная, противоречивая, сложная жизнь. И ее нужно описать, раскрыть будущему поколению. Беглого очерка для этого недостаточно. Но наши критики пока ограничиваются тем, что дают оценку и некоторые обрывочные сведения о времени создания тех или иных произведений. Личная жизнь поэта — это и есть стержень и продолжение его лучших творений, научный и художественный анализ произведений останется половинчатым без исследования творческой судьбы самого автора. Тут уместно напомнить еще об одном: давно принято решение установить мемориальную доску на доме № 95 на улице Кочетова в Кызыле, где прошли последние годы жизни поэта, но до сих пор это не сделано.

Жизнь и творчество Пюрбю — это неотъемлемая часть культуры Советской Тувы. Если кто-либо напишет о нем хорошую книгу, она станет не только открытием многих неизвестных страниц жизни замечательного поэта и гражданина, но и ценным вкладом в советское литературоведение.

*

Сергей БАИР

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДАЛЬ ВЕКОВ

«...Но почти всегда, когда заходит речь о национальном, мы почему-то больше оглядываемся на прошлое, хотя художественная мысль во все времена отражала духовное состояние современного общества...»

Ч. АЙМАТОВ.

{«Курьер», август 1982 г.}

«...— Невероятно! В глухом азиатском углу, в центральной точке континента, поселяются три брата, принадлежащие к самому привилегированному сословию России, ведут культурное крестьянское хозяйство, работают в поле до изнеможения, славятся добрыми делами, подвергаются преследованиям!..»

Те, которые прочитали роман-эссе лауреата Государственной премии СССР Владимира Чивилихина «Память», сразу вспомнят эти строки, посвященные знаменитому Кара-Салу, Владимиру Александровичу Мозгалевскому, потомку одного из декабристов, сосланных в Сибирь.

Только накануне 60-летия СССР перед нами приоткрылась завеса тайн истории тоджинских тувинцев. Оказывается, «еще в 1609 году значительная группа тувинцев под названием мады, кочевавшая по северную сторону Саян, в Минусинской котловине, желая избавиться от гнета Алтын-Хана, добровольно вошла в состав русского государства и внесла ясак». [Л. П. Потапов. [Из сборника «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции»].

В то время, когда в другой стороне Тувы, на дорогах, во устрашенные непокорных урянхов, висели на кольях срезанные головы «шестидесяти богатырей», в Тодже тувинцы изучали русскую азбуку, с изумлением слушали игру Кара-Сала на скрипке, кларнете, гитаре, балалайке, видели на полках библиотеки книги Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гоголя, Гюго, Некрасова...

Но, к сожалению, в отличие от бурятов, хакасов, казахов, предки современных тувинцев не смогли тогда выдвинуть своих Банзаровых, Валихановых, воспользоваться моментом для просвещения народа. Вероломный и жадный правитель Тоджинского хошуна Тонмит-нойон удовлетворялся лишь самогоном-сивухой да надоедал своими бесконечными территориальными притязаниями.

И вот, спустя 60 лет, тувинцы переводят на свой язык отрывок из романа-эссе В. Чивилихина под названием «Кто такой Кара-Сал!» и публикуют его в республиканской газете «Шын». Не это ли дань памяти тувинского народа русскому брату, несшему им свет знания и факел гуманизма!

Триединство времен
ощущаю:
Предков чту,
Настоящим живу,
О грядущем не просто
мечтаю —
Приближаю его наяву.
Знаю, в том его сила
пребудет,
Что, творя настоящего суть,
Правнук
Предков своих не забудет
К новым далям разведает путь,

— эти стихи Николая Флерова удивительно созвучны всему строю мыслей автора книги «Память».

О жгучем интересе писателя к прошлому, о редкостном даре художественного перевоплощения, о страстной, заинтересованной, убедительной, красочной и точной манере ответов Автора Любопытному читателю сказано Евгением Осетровым в послесловии к книге. Так что не буду заниматься пересказом того, что нужно просто перечитать. А передо мной, прочитавшим раньше «Серебряные рельсы», «Елки-молотки» и другие книги Чивилихина, он предстал теперь совершенно другим. После того, как я прочел «Память», мне кажется, что я не раз встречал ее автора в Туве, может быть, в дебрях тайги, где-то у озера, а может, в тиши читального зала.

Я теперь совершенно по-другому смотрю на историю своего народа, на историю славянских и других народов. Разумеется, мною прочитаны и «Новейший взгляд на историю» Джавахарлала Неру, и исторические книги Василия Яна, и «Формирование тувинской нации» Н. Сердобова, и многое другое, что затрагивает любопытного читателя, интересующегося происхождением тувинцев и их взаимосвязями с другими народами мира.

Верную оценку роману дал в газете «Правда» профессор А. Овчаренко: «Страницы книги открывают перед современником бесчисленные окошечки в прошлое, заставляя размышлять о дне нынешнем. Она воспринимается как произведение антимилитаристское, насквозь пронизанное гуманистическим пафосом».

По существу Владимир Чивилихин выступает в роли и ученого-историка, и литератора, взявшего перо для того, чтобы запечатлеть даль веков в строгих (хоть и спорных) научных выводах или в ярких художественных образах. В обоих случаях он является исследователем, анализирующим сложнейшие явления и атмосферу тех времен.

Ведь это очень сложно, да и опасно — уметь с научных позиций оспаривать уже устоявшееся в сознании многих. Для этого необходимы четкие классовые ориентиры и политическая дальность зрения.

Думается, что предпосылкой для победы на поле Куликовом явилась семинедельная, невиданная и загадочная оборона Козельска от натиска чингисхановского военачальника Субудея. В этом композиционном центре повествования — весь чивилихинский напор, его убежденность, то, ради чего написан роман.

Читатель постепенно приходит к выводу о том, что средневековым русским войскам противостоял хитрый и мужественный военачальник Субудей, накопивший колоссальный опыт организации степного войска, умелого и беспощадного штурма китайских городов, молниеносных и внезапных атак. А ведь из учебника истории СССР мы знаем, что именно сам Батый, «внук Темучина сын Джучи», был главным полководцем нашествия на Русь в 20—30 годах XIII века.

«В алтайско-саянских горах с доисторических времен жили люди,

а бурная история Великой Степи издревле перемешивала ее народности и этнические группы... И в самом центре этой страны из разноплеменных элементов сложились с незапамятных времен не слишком многочисленные, но стойкие и сильные племена, называвшие себя «туба», по китайским источникам — «дубо», по Рашид-ад-Дину — «урянки», по востоковедческой терминологии — «дуболары»...» — пишет автор «Памяти», разбирая туманную биографию единственного полководца орды Субудея.

Наиболее выдающимися для того времени представителями этих «смелых до отчаянности людей, физически крепких, выносливых, умеющих владеть оружием и легко переносящих жару и холод», были именно Субудай [Субудей, Субутей, Субеэтай] и его сын Урянктай. Именно предки тувинцев, эти мирные охотники на медведей и козерогов, были умело и хитро использованы для агрессивных плаков Чингисхана и его чингизидов, находясь в самых передовых штурмовых отрядах при взятии неприступных крепостей.

На этом интересные сведения о предках современных тувинцев не кончаются. Уже из французских источников: «один монгольский полководец нового времени для тяжелейшего военного похода сквозь Тибет в 1717 году составил свой 6-тысячный корпус главным образом из урянхайцев».

Далее Чивилихин приводит самое интересное и вызывающее восхищение читателей из Тувы: «Через сто лет после этого похода остроу урянхайских сабель испытали на себе, кажется, и сами французы: «...Среди волжских калмыков имеется поколение уранхус, которое в Отечественную войну, а именно под Лейпцигом, отличилось чрезвычайной храбростью».

Привожу эти строки дословно не для восхваления заслуг древнего народа, а чтобы привлечь внимание читателей к возможности приоткрыть завесу истории. И не в начале XX века истоки братства двух народов, тувинского и русского, а, возможно, именно с Отечественной войны 1812 года. Или даже раньше!

Видимо, будут новые романы и поэмы, новые научные исследования о совместной борьбе наших народов против наполеоновского нашествия.

Мы знаем и дорожим многими художественными и публицистическими произведениями, пронизанными великой гордостью за свой народ, болью за его тяжкое прошлое и радостью за настоящее. «Память» можно смело отнести именно к такого рода произведениям.

Как много мы узнали из этой книги, из этой широко раскрытой души, о неизвестных ранее страницах беспримерного мужества русского народа! Здесь и достоверные цифровые данные о войсках монгольских и русских, и имена русских, восточных, среднеазиатских летописцев, и как много легенд!

В студенческие годы мне пришлось побывать на знаменитом озере Светлояр в Горьковской области. Народное предание гласит, что на

месте этого озера когда-то стоял прекраснейший город с золотыми колокольнями. Но при подходе к нему Батыевой орды город внезапно исчез, и на его месте возникло озеро. И религиозные фанатики до недавнего времени ползали вокруг озера на четвереньках, чтобы услышать звон колоколов. На берегу этого озера стояла усадьба писателя Короленко. Кристально чистая вода Светлояра ничего не поведала мне о прошлом, но зато ширь и глубь лесов средней России говорили о многом.

И тут хочется поспорить с автором «Памяти» по поводу отступления от Новгорода войск Бату-Субудая. Писатель посвятил этому вопросу много увлекательных страниц, и все же не нашел разгадки. Дело, наверное, не в отсутствии фуражных запасов — корма для коней и скота, это не было трудной проблемой для кочевых народов, — и не в разливе весенних вод, спасших Новгород, а совершенно в другом.

Видимо, в тех местах был «великий мор», чего страшно боялись кочевники до недавних времен. (Если в степи какая-нибудь юрта заболела оспой или чумой, то остальные навсегда покидали это место).

Другое предположение: впереди апрель, время, когда жеребятся кобылы. Значит, приближались традиционные для степных кочевников весенние «кумысные» праздники...

Огромное впечатление произвел на меня воссозданный в книге образ великого сына чувашского народа, ученого-востоковеда Никиты Яковлевича Бичурина, автора «Записок о Монголии». Перед ним преклонялись и А. С. Пушкин, и И. А. Крылов, и В. Г. Белинский, и Н. А. Некрасов, и многие другие выдающиеся деятели русской культуры.

И в то же время вызвала недоумение резкая критика автором «Памяти» произведений замечательного писателя-историка Василия Яна, из-за некоторых недостоверных цифр и спорных домыслов. Любопытные читатели знают, что произведения В. Яна имеют свою литературную судьбу, что они неоднократно отвергались некоторыми издательствами в 30-х годах. Книга пугала редакции самой темой, изображением мрачного периода нашей истории, и необычной формой построения, и литературным языком, тоже не похожим на обычный книжный. Долгие годы никто не решался признать новаторства Василия Яна, увидеть в его произведениях достоинства, о которых заговорили почему-то значительно позже. Сам В. Ян признавался: «Я отчаянно защищался и нападал. И вышел от них полный отчаяния...»

В книге «Память» приведены высказывания многих философов, историков, но только одно из них принадлежит К. Марксу, а как с исторической точки зрения на все это смотрели Ф. Энгельс, В. И. Ленин — ни единого слова.

Есть досадные ошибки, обычные для московских журналистов и литераторов: вместо Тонмит-нойона написано «Томут-найон», вместо Сульдэ — великий бог войны, — «Сульбэ», вместо хурэ — ламский монастырь — «зурэ» и т. д.

Думаю, автор, останься он в живых, продолжал бы дорабатывать и пересматривать многие страницы своего произведения. Значение романа-эссе «Память» для сегодняшнего поколения читателей огромно.

Если вы хотите узнать историю возникновения древней Руси и ее многотрудного средневековья, познакомиться с родословными знаменитых исследователей, географов и этнографов Миклухо-Маклая и Грумм-Гржимайло, прочесть о кровавых детских преступлениях Темучина, вошедшего в историю человечества под зловещим именем Чингисхана, о беспримерной дружбе тувинца Сундуйа с Кара-Салом, получить новые сведения о судьбе «Слова о полку Игореве», о варварствах фашистов на тех же землях, где свирепствовали семь веков назад орды Чингис-хана, о древней таинственной архитектуре русских крепостей, о неповторимых явлениях средневековой русской культуры и народного творчества, о том, «какого роду-племени был Мамай» и о причинах его поражения на Куликовом поле,— обратитесь к роману-эссе Владимира Чивилихина «Память», хотя бы даже в издании роман-газеты.

И воистину прав автор этой книги, написавший:

«Память — животворная сила настоящего, она полнится подробностями, влечет нераскрытыми тайнами, глыбится в умах и сердцах великими свершениями предков, зовет быть достойными их!..»

*

Маргарита ТАТАРИНЦЕВА

ПОВЕСТИ О СОВРЕМЕННОКАХ

Проблема положительного героя была среди главных на всем протяжении существования молодой тувинской литературы. Но особенно отчетливо стала она осознаваться в 50—60 годы, когда национальная литература достигла определенных успехов в развитии основных жанров и критика заговорила о необходимости решительного поворота от изображения прошлого к современности.

Конечно, положительный герой может быть взят художником из любой эпохи (и в тувинской литературе того времени наиболее запоминающимися образами были герои произведений С. Тока, В. Кок-оола, несколько позже — С. Сарыг-оола, повествующих о дореволюционной Туве и революции). Но наиболее близок и притягателен для читателя все-таки герой, действующий в тех же социальных обстоятельствах, решающий те же проблемы, которые решает сам читатель или в которых он легко может себя вообразить. Проблема положительного героя стала связываться с проблемой усиления воспитательного значения литературы, формирования новых черт социалистической морали и нравственности.

Поворот к современности происходил в тувинской литературе через документально-публицистические жанры. Именно через докумен-

тальный очерк, рассказ, повесть тувинская проза шла от изображения социально-классовых конфликтов к производственным, морально-этическим, нравственным конфликтам сегодняшнего дня, накапливала опыт в изображении героя-современника. Трудно назвать тувинского писателя, который бы в 50—60 годы не работал в документальном жанре.

Постигая современную тематику, тувинская проза от малых жанров, повести продвигалась к роману. Романы о современности, вслед за историко-революционными, появившиеся к 70-ым годам [О. Саган-оола, М. Кенин-Лопсана, К. Кудажы, несколько позже — С. Сюрюн-оола] были подготовлены повестями. Можно с уверенностью сказать, что и в наши дни повесть остается доминирующим жанром в тувинской прозе. Тувинский роман пока не отличается таким разнообразием тематики, оперативностью, с какой осваивает действительность повесть. Повести принадлежат многие открытия, связанные с выбором героя, разработкой современных конфликтов, расширением диапазона изобразительно-выразительных средств.

Какими предстают наши современники в тувинской прозе, чем живут, как чувствуют? Обратимся к произведениям, вышедшим на русском языке в 70—80 годы в центральных издательствах и ставшим широко известными читателю. Это две повести К. Э. Кудажы, вошедшие в книгу «У подножия Саян» [М., 1975], «Родные люди» О. Саган-оола [М., 1976], «Повесть о друге» Д. Бегзи [М., 1976], «Это любовь» С. Сюрюн-оола [Кызыл, 1976] и «След в тайге» Д. Сарыкая («Сибирские огни», 1984. № 4). Главная тема этих произведений — наша современность, в центре их — новый молодой герой, характер которого раскрывается в производственных и морально-этических конфликтах.

Поворот к современности, происшедший в тувинской литературе в 60-е годы, был связан с выходом в свет повести К. Кудажы «Тихий уголок» [вариант названия — «Возвращение»]. Элементы детективно-приключенческого жанра, некоторая романтическая окраска сделали сюжет повести достаточно напряженным и увлекательным, что привлекло внимание читателей и критики. Но главное достоинство повести — первая в тувинской литературе попытка с разных сторон осветить характер нашего современника, молодого человека, выросшего уже в Советской Туве.

В биографии, облике Эреса Херела нет, пожалуй, ничего особенного, он такой же, как и другие деревенские парни. Может быть, только более подтянут, дисциплинирован — он несколько лет прослужил в пограничных войсках. А вот характер его — социально активный, наступательный, раскрывающийся не в описаниях, авторских характеристиках, а в поступках, в действии, стал открытием в тувинской литературе, которая ждала такого героя, отдельные его черты проглядывали в рассказах и очерках других писателей.

Доминантой образа, всего жизненного поведения Эреса Херела стал горьковский принцип активности. Чувство ответственности за все, что происходит вокруг, чувство хозяина жизни, который может влиять

на события, решиться на поступок,— определяет его действия. Герою только двадцать пять лет, он начинает работу на новом месте, многое в его характере проходит проверку на прочность. Как и всем людям, ему свойственны сомнения и колебания, минуты слабости. Такая неоплановость, внимание автора к психологическим оттенкам делают образ Эреса не условным, схематичным, а живым, по-человечески близким и узнаваемым.

Успех повести «Тихий уголок» у читателей и критики послужил для писателя стимулом в дальнейшем художническом исследовании проблем современной тувинской деревни, жизни ее молодежи.

Время действия второй повести К. Кудаж — «Анай-кыс» хронологически предшествует событиям «Тихого уголка». Это как бы начало диалога о тувинской колхозной деревне, ее молодежи, по-хозяйски, с огоньком входящей в самостоятельную трудовую жизнь, преодолевая разные трудности: косность, инерцию в управлении колхозными делами, бесхозяйственное, безответственное отношение к общественному имуществу, скоту, предрассудки в быту.

Перипетии личной жизни Анай-кыс — ее любовь, замужество, выбор самостоятельного пути в жизни — легли в основу сюжета повести. Молодая девушка по настоянию родителей оставляет учебу в городе и возвращается в родное село помочь родителям — чабанам. Но у тех свой план: пришло время дочери замуж выходить, и жених есть на примете, Достак-оол, парень хозяйственный, уважительный, и колхозному начальству близкая родня, что тоже в жизни не помеха. Родители для дочери и приданое приготовили, недаром ведь говорит тувинская пословица: «Девушка к свадьбе должна иметь нитку, чтобы намотать на палец, а парень — аркан, чтобы поймать коня». А что Анай-кыс ждет из армии Эреса, а Достак-оол ей не по душе, то ведь это дело такое, стерпится — слюбится...

Однако как ни тиха, ни скромна Анай-кыс, но в главном, важном она умеет проявить и характер, и настойчивость: когда свадьба, казалось бы, уже слажена, она убегает из дома, расстроив все родительские планы.

В трудную минуту девушке помогает ее друг детства — Лапчар, который давно уже скрывает свои чувства к Анай-кыс, потому что она ждет из армии его друга, Эреса. Но Анай-кыс сама делает свой выбор: преданность, верность, нежность Лапчара вызывают у нее такое ответное чувство, перед которым ее отношения с Эресом представляются ей лишь юношеской дружбой. Любовь приносит ей радость, счастье, но как это все объяснить Эресу, который пишет ей, любит, надеется!

Эта сюжетная линия в повести — ожидание любви и счастья, обретение их несмотря на все испытания — самая привлекательная и наиболее удавшаяся. Писатель находит нужные слова и краски, чтобы свежо, по-своему сказать о красоте первой любви.

Остальные события: и деятельность энергичного и принципиального Лапчара, и возвращение в родное село Эреса, и трудное объяснение с

ним Анай-кыс и Лапчара, и все другие — должны были служить главной цели: показать процесс формирования характеров главных героев, закаляющихся в больших и малых делах.

К сожалению, автор пошел по иному пути. Насыщая повесть все новыми событиями, фактами, он постепенно оставляет в тени свою героиню и переключает все внимание на деятельность Лапчара, ее мужа. Слов нет, это человек активный и инициативный, честный и принципиальный. Он хорошо работает на стройке и на ферме, спасает колхозную отару от гибели по вине безответственного бездельника, разоблачает крупные недостатки в руководстве колхозом... Событий много, а вот как развивается этот характер! Ну, споткнулся однажды, поверил клевете на жену и тут же выровнялся, и все!

Автор так надежно выдал замуж свою героиню, что не оставил ей никаких проблем. Во второй части повести Анай-кыс лишь иногда упоминается в связи с неутомимой деятельностью мужа.

Излишнее увлечение автора внешним ходом событий, особенно заметное к концу книги, беглое изложение новых фактов, обстоятельств и действие героев уже ничего нового не прибавляет к известным характерам, не сообщает и особой энергии сюжету. Ведь главное в литературе все-таки не факт, а «психология факта», не событие само по себе, а человек.

Повесть «Анай-кыс» [в оригинале — роман «Далекie облака»] написана позже «Тихого уголка», в ней заметен возросший литературный опыт Кудажы-прозаика. Но заметно и повторение уже найденного.

В повести «Анай-кыс» Лапчар Ирбижей явно претендует на ту роль, которая была отведена Эресу Херелу в «Тихом уголке». Та же энергия, действенность и активность в характере, аналогичны обстоятельства, в которых он раскрывается, препятствия, которые приходится преодолевать целеустремленному герою. В общем, Лапчар — это очень близкий вариант образа Эреса Херела, как человеческие индивидуальности, они почти неотличимы. И эта вторичность снижает интерес к герою.

А ведь «в истинно художественном произведении все образы новы, оригинальны, ни один из них не повторяет другого, но каждый живет своей особой жизнью. Как бы ни были многочисленны и разнообразны творения художника — он ни в одном из них ни одною чертою не повторит себя», — так считал В. Г. Белинский.

Повторяет себя автор и в малых находках, деталях. Если в «Тихом уголке» находкой был образ тетушки Тос-Танма, то в «Анай-кыс» появляется тетушка Орустар. В «Тихом уголке» постоянной поговоркой одной из героинь были слова «тьма-тьмущая», другой герой в «Анай-кыс» постоянно повторяет «парни нашего аала» и т. д.

Тем не менее в целом автору удалось создать развернутое произведение о нашей современности и ее людях. Положительные герои у К. Кудажы стали человечнее, полнокровнее благодаря тому, что значи-

тельное внимание уделено их личным взаимоотношениям, нравственным проблемам любви, дружбы, новой семьи.

Если сельская тематика была в тувинской литературе сравнительно освоена, то жизнь тувинца-рабочего, тувинца-горожанина в ней почти не отразилась. Повесть «Родные люди» О. Саган-оола — одно из немногих произведений на эту тему. Конфликт ее строится в основном на столкновении старого и нового во взглядах, обычаях, отношении к жизни, труду. Оржежик — рабочий в первом поколении, его родители — чабаны, заняты делом, традиционным для аратов-скотоводов.

Формирование новых черт национального характера в рабочей среде, новых его качеств — рабочей гордости, коллективизма, ответственности, связанных с новыми условиями жизни и труда, так непохожих на прежнюю кочевую жизнь аратов, — вот что интересовало писателя в первую очередь.

Однако нельзя сказать, что решение этих задач в повести оказалось художественно убедительным. Ведь масштаб положительного героя во многом связан с масштабом тех препятствий, которые приходится ему преодолевать. А на пути Оржежика нет серьезных испытаний. Событий и фактов много, но не всякое действие героя — поступок. Увлечение событийностью, поверхностная описательность вместо изображения эволюции характера мешает порой тувинским писателям в работе над художественно осязаемым, духовно значительным образом нашего современника.

В такой молодой литературе, как тувинская, даже писатели — наши современники нередко становятся первооткрывателями новых тем. Так, с повестями С. Сюрюн-оола «Это любовь» и Д. Бегзи «Повесть о друге» связано обращение тувинской прозы к нравственно-этическим проблемам. Впервые в национальной литературе произведения довольно крупного жанра — повести были посвящены не социально-классовым и производственным проблемам, а всецело внутренней духовной жизни молодого человека, любви и всевозможным коллизиям, связанным со сложностью этого чувства.

В обеих повестях это любовь тувинского парня и русской девушки, и это обстоятельство вносит особые оттенки в перипетии любовных отношений героев. Новые отношения между людьми не соответствуют устаревшим представлениям и взглядам на любовь у старшего поколения, предрассудки и старые обычаи осложняют жизнь героев, рождающееся чувство.

Хотя замысел авторов психологически углубленно проанализировать большое чувство чрезвычайно привлекателен и для тувинской прозы нов, художественное его решение в целом оказалось не вполне удачным. И произошло это, как нам представляется, из-за неубедительности в обрисовке характеров, с которыми связано и движение сюжета, и психологический рисунок каждого образа. Если в образе Хеймерека у С. Сюрюн-оола проглядывают какие-то живые определенные черты (настойчивость его переходит в упрямство, решительность — в браваду),

то Дембеку у Д. Бегзи явно не хватает характера, мужества, чтобы бороться за свою любовь. Женские образы у обоих писателей оказались вообще невыразительными.

Обращение С. Сюрюн-оола в последние годы к острым морально-этическим и экологическим проблемам современности («Чей сын!», «Посторонняя женщина», «Белогрудая») вызвало многочисленные отклики и споры у читателей и критики. И это неравнодушное отношение свидетельствует о том, что писатель затрагивает болевые точки нашей жизни. не стремится уйти от спорных, сложных ее проблем, хотя и не всегда видит прямой путь их разрешения. Но в литературе нередко бывает так, что поставленный вопрос более необходим, чем плоский, однозначный на него ответ.

Повесть Д. Сарыкая «След в тайге» — тоже своего рода открытие в тувинской литературе последних лет. Техническая интеллигенция, в частности, геологи, — редкие гости на страницах произведений наших писателей. Шулуу Ак-кыс, студент геологического факультета МГУ, проходит практику в родных местах, в тувинской тайге. Вместе с руководителем, опытным геологом Фомичом они ведут разведку ценной руды ильменита.

Процесс этих поисков, ожидания, надежды, разочарования и снова надежды — сам по себе увлекателен. Но еще интереснее то, что жизнь связала этим нелегким делом двух очень непохожих людей — по возрасту, мировосприятию, жизненному опыту. И эта разница не разделяет, а напротив, обостряет их взаимный интерес друг к другу. Шулуу Ак-кыс открывает для себя в своем наставнике такие черты, как чрезвычайная любознательность, высокий профессионализм: «он не только отличный геолог, но и романтик, певец природы». К тому же Фомич — большой любитель этнографии. Странствия по тайге сталкивают его с жителями здешних мест, к жизни, быту, национальным особенностям которых он проявляет большой интерес. Ночной диалог с тувинцем — егерем Барааном Назыты, сближение и симпатия, которую сразу почувствовали друг к другу хитрый старый охотник и проникательный, дотошный в распросах Фомич — принадлежит к лучшим страницам повести.

Через восприятие всех событий, сопровождающих поиск руды, и, главное, через отношение к партнеру раскрывается и сам Шулуу Ак-кыс (повествование ведется от первого лица). Человек еще очень молодой, а потому жизненным опытом не умудренный, но образованный, знающий, умеющий быстро, что называется, «на лету» схватывать новое, правильно оценить обстановку.

Небольшие размеры повести [на русский язык автор перевел лишь первую ее часть] не позволяют говорить о полном раскрытии этого характера, но очень интересная заявка нового для тувинской прозы героя сделана.

Проблема своевременного перевода произведений прозы на русский язык стоит очень остро. Ведь разрыв между появлением книги на родном языке и переводом ее на русский составляет семь-десять лет, так

что всесоюзный читатель, который знакомится с этими книгами через переводы, судит о тувинской литературе с большим опозданием.

Повести, с которыми тувинская литература последних лет вышла на всесоюзную арену, многое прибавили в понимании национального характера тувинца, сложившегося уже в условиях советского строя. В их героях — наших современниках читатель видит обобщенный тип современного тувинца, его национальный облик, «манеру понимать вещи» [В. Г. Белинский].

Эстетические традиции в изображении героя нашего времени в тувинской литературе только складываются, и безусловные успехи в этом направлении еще редки. Основными критериями в работе над созданием образа положительного героя становится его отношение к своему делу, труд как духовная потребность, действенность. Углубленность во внутренний мир героев, индивидуализация и психологизация характеров позволяют преодолеть умозрительность и схематизм в изображении нашего современника. На это и направлены усилия тувинских писателей.

Повести и романы С. Сюрюн-оола, Д. Сарыкая, М. Кожелдея, К. Чамыяна, созданные в самые последние годы и пока не переведенные на русский язык, свидетельствуют о преодолении ранее существовавшего тематического однообразия тувинской прозы, описательности. На смену им приходит социальная зоркость, гражданская ответственность художников, обращающихся к актуальным и малоисследованным, ранее неизвестным в тувинской литературе жизненным проблемам и характерам.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Степан Сарыг-оол. Родство. Перевод П. Железнова. Дружбе на- встречу. Думы о мире. Радуюсь и тревожусь. Перевод С. Козловой	3
Павел Железнов. Туве — мой привет!	6
Кызыл-Эник Кудажы. Монблан. Перевод К. Емельянова	7
Анатолий Емельянов. Ровесники	8
Монгуш Кенин-Лопсан. Русский язык. Перевод С. Козловой	11
Олаф Гутманис. Старая пластинка. Перевод С. Козловой	12
Светлана Козлова. Домна Ивановна. Баллада о хомусе	13
Монгуш Олчей-оол. Одним путем. Перевод Е. Андреевой	15
Вадим Шкода. Тувинская баллада	16
Николай Ерёмин. Праздник в Туве. Тувинскому другу	17
Александр Даржай. Если мать в беде. Перевод И. Слепнева	19
Эмма Цаллагова. Тува. Осетии	21
Елизавета Ключевская. Звенящая нежность	23
Адыг-Тюлюш Бегзи. Памяти друга-врача. Перевод С. Козловой	23
Анатолий Шкоркин. Баллада об именах	24
Екатерина Танова. Благодатная почва. Перевод Е. Андреевой	25
Куулар Черлиг-оол. Камешки в воде. Поэма. Перевод К. Емель- янова	28
Зоя Намзырай. Журавлиное поле. «...Журавлиное поле», «...Кружат и кружат вихри-шаманы», «...Я помню лань бежала мимо, почти летела над землей». Перевод Б. Прудникова	31
Алексей Арапчор. Огни в Саянах. Старый тополь. Перевод Ю. Нек- расова	33
Николай Куулар. Возвращенье. Перевод Ю. Вотякова	34
Кара-оол Натлий-оол. Моя любовь. Перевод Ю. Вотякова	34
Артык Ховалыг. Летит звезда. Перевод Ю. Денисова. Аржаан. Перевод Ю. Вотякова	35
Галина Принцева. Цветение	36
Юрий Вотяков. Страна сознания	36
Борис Прудников. Вера	37
Федор Потылицын. Лицензия	40
Кондратий Емельянов. Бегущий мальчик. Бокс.	41

ПРОЗА

Кызыл-Эник Кудаж . Поющий родник (Главы из романа). Перевод А. Китайника	44
Салим Сюрюн-оол . Чедерская степь (Из повести «Чей сын?»). Перевод М. Хадаханэ	55
Монгуш Кожелдей . Буря над Хемчиком (Из повести «Весенние зephyры»). Перевод В. Нестеренко	59
Дандар-оол Сарыкай . Тезка фельдмаршала (Из повести «Столкновение»)	75
Монгуш Эргеп . Волшебный Одуген (Окончание). Перевод В. Бузыкаева	80
Михаил Пахомов . Неистовая судьба. (Очерк).	100
Федор Зубанич . Тува (Из цикла очерков «У центров двух материков»). Перевод с украинского В. Кривдика	110

ДРАМАТУРГИЯ

Владимир Серен-оол . Суд матерей (Драматическая поэма-параболо)	129
--	-----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Мария Хадаханэ . С высоты истории. Мой дом открыт	161
Куулар Черлиг-оол . «Пушкин привел меня к песне»	167
Сергей Баир . Путешествие в даль веков	169
Мargarита Татаринцева . Повести о современниках	174

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
ТУВИНСКОЙ АССР

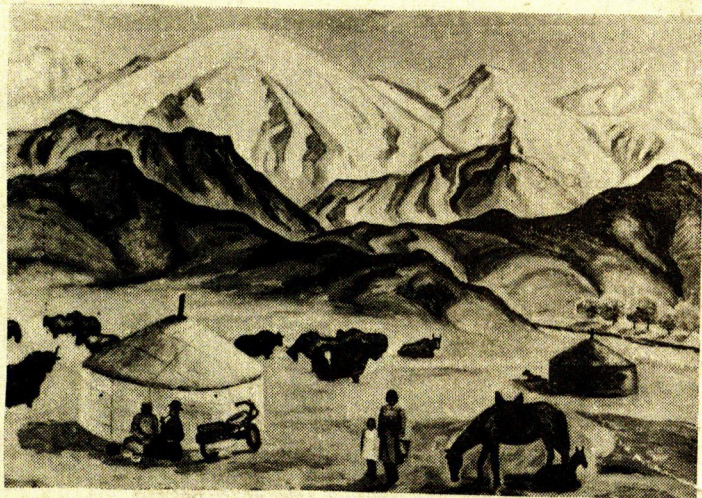
УЛУГ-ХЕМ № 20

Литературно-художественный
альманах

Сдано в набор 6.08.84. Подписано
к печати 11.09.84. ТС 00522. Фор-
мат 60×90^{1/16}. Бумага № 3. Печать
высокая. Гарнитура журнальная
рубленая. Печ. л. 11,5. Усл. кр.-отт.
11,75. Уч.-изд. л. 11,02. Цена
~~75 коп.~~ Тираж 4000 экз. Заказ 1656.

ТП 1984 г. Тувинское книжное из-
дательство, 667000 г. Кызыл,
ул. Щетинкина и Кравченко, 57.
Типография Госкомиздата Тувин-
ской АССР, 667000 г. Кызыл,
ул. Щетинкина и Кравченко, 1.

1р.50к.

КЫЗЫЛ
ТУВИНОКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО